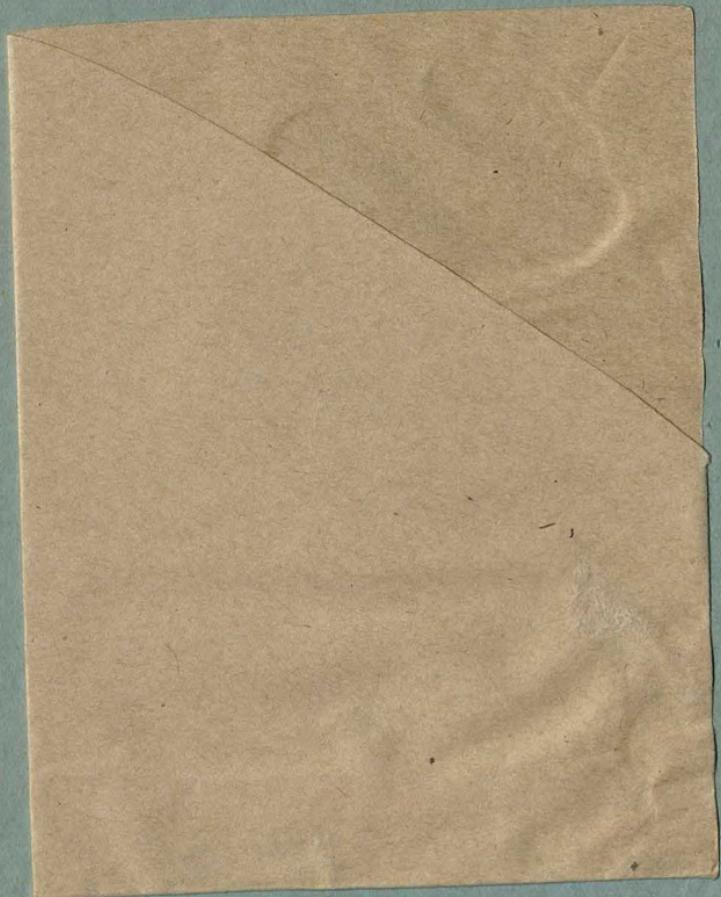

△ 810
362

810
362

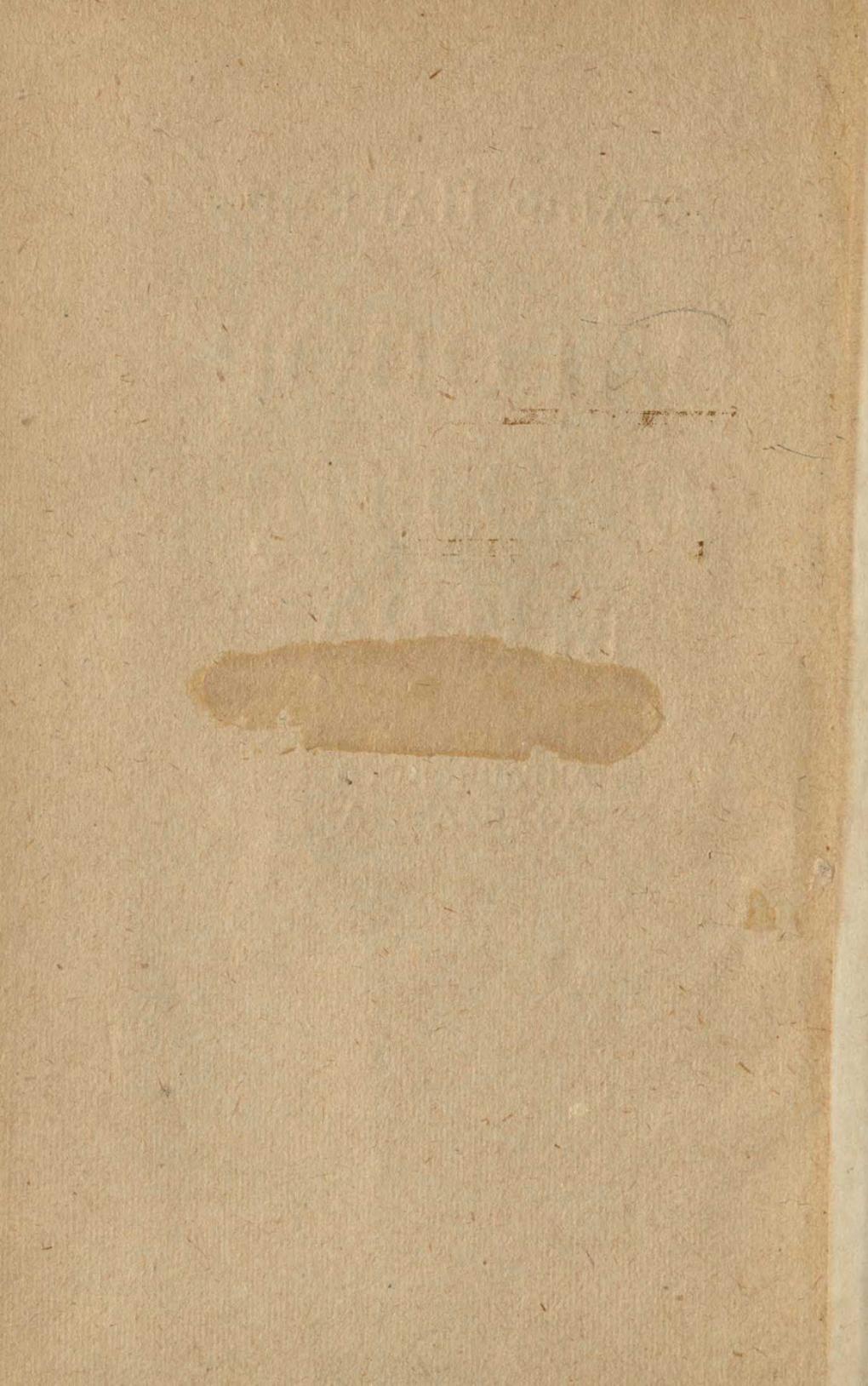
РАЛЬФ ПАРКЕР

ЗАГОВОР
ПРОТИВ
МИРА

ЗАПИСКИ
АНГЛИЙСКОГО
ЖУРНАЛИСТА

Х

КНИГА ИМЕЕТ:

Печати. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№	списка и порядковый	1949 г.
10	—	Δ 1810 362	—	—	—	24	56	49	8

135

136

137

138

139

Ральф ПАРКЕР

810
362

ЗАГОВОР ПРОТИВ МИРА

(ЗАПИСКИ АНГЛИЙСКОГО ЖУРНАЛИСТА)

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

ИЗДАНИЕ
ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ
Москва — 1949

Государственная
Медаль ордена Ленина
Библиотека СССР
им. В. И. Ленина

89339-Ч9

2020231358

К ЧИТАТЕЛЮ

Безоблачное ясное небо простипалось над Москвой в День Победы. Толпы народа, стягиваясь к центру города, заполнили Красную площадь, переходя из ослепительного солнечного сияния в длинную тень Кремлевских башен. Оттуда они расходились по Манежной площади, по Александровскому саду, где лучи заходящего солнца, просеиваясь сквозь нежнозеленую листву, бледной сеткой ложились на дорожки. Затем толпы народа шли дальше по улице Горького, растекаясь по площадям и магистралям советской столицы.

Стоя на Красной площади в этот майский день, после того как отгромел салют в честь победы, я чувствовал себя, как человек на берегу громадного и глубокого моря, воды которого, наконец, успокоились после сильной бури. Миллионы людей ждали этой минуты. Молчаливые часовые на скалистом острове Рыбачьем, солдаты, отыхавшие после боя среди колокольчиков, клевера, полевой гвоздики — всех этих скромных цветов русских степей, женщины, измученные одиночеством и тяжелой работой, девушки с заколотыми вокруг головы косичками, которым так хотелось сменить жесткую солдатскую форму на легкое весеннее платье, крестьяне, жадно вдыхавшие запах родных полей — все эти миллионы людей мечтали о мирном труде, который пришел в страну с наступлением победы.

— Мы победили! — неслось из края в край огромной Советской страны. И эти слова не были пустой похвалой в час триумфа. Их произносили те, кто шел в бой с верой в правоту своего дела. Сколько было дней мучительных тревог, сколько высот взято штурмом, сколько пройдено оврагов и дорог, разминированных с опасностью для жизни, сколько провезено транспортов под градом бомб, сколько миль русской, польской, балканской,

немецкой земли пройдено с первого и до последнего часа войны! Победа была завоевана ценой огромных жертв, ценой крови и страданий советского народа. Здесь, на Красной площади, в День Победы я думал о той безмерной благодарности, которую должно принести человечество Советскому Союзу за спасение мира от гитлеризма.

Теперь, когда победа и мир были уже завоеваны, люди больше стали думать о будущем.

Я подошел к студентам, стоявшим вокруг памятника Ломоносову перед Московским университетом. Из тех, кто ликовал в этот день, они, быть может, радовались больше всех, живо ощущая, что победа вернула им светлые перспективы мирного труда и творческих исканий.

Они теснились вокруг своих учителей, весело и в то же время серьезно расспрашивая их о будущем.

Эта молодежь чувствовала прилив бурной радости при мысли о будущем, еще вчера бывшем таким далеким и омраченным трагедией войны.

На Моховой улице я пробрался сквозь толпу проходивших мимо москвичей и вошел в здание американского посольства. У закрытого окна стояла высокая фигура Джорджа Ф. Кеннана, советника посольства Соединенных Штатов в Москве. Он молча наблюдал за толпой, встав так, чтобы его не было видно снизу. Шум на улице стал несколько слабее, перейдя в глухой перекатывающийся гул.

Я заметил на лице Кеннана, наблюдавшего эту волнующую сцену, странно-недовольное и раздраженное выражение. Потом, бросив последний взгляд на толпу, он отошел от окна, сказав злобно:

— Ликуют... Они думают, что война кончилась. А она еще только начинается.

Перед уходом из посольства я заметил, что вместо портрета Рузвельта — его голова со сверкающей улыбкой господствовала прежде над комнатой — на стене висел портрет Трумэна.

В тот день я не обратил должного внимания на слова Кеннана. Зато теперь, спустя четыре года, я вспоминаю их так же отчетливо, как все, что я видел и слышал в День Победы: потоки людей, вливавшиеся в Москву из пригородов, свидание тех, кто дал друг другу торжественное обещание «встретиться, как только кончится война», искреннее и дружеское стремление советских людей

к мирному сотрудничеству со своими бывшими военными союзниками.

События, прошедшие с того торжественного и светлого дня, показали мне, что смысл слов, произнесенных американским дипломатом в День Победы, заключался именно в отрицании этой политики мирного сотрудничества. Дипломаты имеют обыкновение скрывать свои подлинные мысли. Но в тот раз Кеннан выразил свое подлинное убеждение. Что он был не одинок в своих взглядах, я начал понимать уже несколькими месяцами позже, когда вернулся в Англию.

Английский народ, руководствуясь чувством искренней дружбы с советским народом, голосовал за ту партию, в программу которой входило сотрудничество с Советским Союзом. Осенью 1945 года народ Англии еще не осознал, что политика Эрнеста Бевина есть не что иное, как продолжение старой позорной антисоветской политики Черчилля, стремившегося «ограничить коммунизм» кольцом враждебных государств, соседствующих с Советским Союзом. Этой политикой, как известно, руководствовался Черчилль в своих попытках задержать второй фронт и перенести его на Балканы, считая, что лучше затянуть войну, чем видеть распространение влияния Советов. Первая атомная бомба, сброшенная над Хиросимой за два дня до того, как Советский Союз вступил в войну с Японией, была, по словам английского профессора Блэкетта, «не столько последней операцией второй мировой войны, сколько первой операцией холодной, дипломатической войны с Россией».

В 1945 году английский народ еще верил, что вновь избранное лейбористское правительство положит конец этой позорной политике.

Но в официальных кругах Лондона не питали таких иллюзий. Форейн оффис * и те газеты, которые послушно отражали его взгляды, какое бы правительство ни стояло у власти, стремились, главным образом, уничтожить широкую популярность Советского Союза среди английских рабочих. Никакими средствами, даже самыми сомнительными, не брезговали для того, чтобы дискредитировать Советский Союз и его армию. Самый незначительный инцидент раздувался и широко разглашался по радио

* Министерство иностранных дел Англии.

британской радиокорпорацией. Вновь были вынуты из дипломатических сундуков всякого рода пронафталиненные «знатоки России», изощрившиеся в клевете на Советский Союз еще до второй мировой войны.

Однако в те дни лейбористские члены парламента еще заигрывали с избирателями, пытаясь использовать для своей выгоды симпатии английского народа к Советскому Союзу. Время, когда лейбористское руководство стало исключать из своей партии людей только за то, что те говорили и действовали в соответствии с предвыборными обещаниями, когда для рядовых лейбористов стало вдесятеро опаснее участвовать в работе Конгресса в защиту мира, чем поддерживать черчиллевское движение «Объединенной Европы», ставящее своей целью отдать Европу Содиненным Штатам,—время для всего этого пришло позже.

Оно началось, когда Черчиль в Фултоне (Миссури, США) повторил мерзкую фразу Геббельса о «железном занавесе» и в присутствии президента Трумэна призвал к созданию англо-американского антисоветского блока. Эта речь, как известно, не вызвала ни одного протестующего голоса в официальных кругах Англии.

Нигде прислужничество Англии американским интересам не оказывается так наглядно, как в вопросе о Германии. Теперь совершенно очевидно, что правящие круги США и Англии ставят своей основной целью в Европе восстановить германский военный потенциал для будущей войны против СССР.

Неспособность английского правительства занять в своей внешней политике самостоятельную позицию, исходящую из интересов страны, ведет к последствиям столь же гибельным для английского народа, сколь и опасным для мира во всем мире. «Маршализация» Великобритании зашла так далеко, что крупные американские деятели уже не скрывают своих намерений создать в Англии и во всей Британской империи условия, благоприятные для американских капиталовложений. Другими словами, «социализация» должна руководствоваться интересами американского капитализма.

Позиция Великобритании по отношению к Америке в «войне, которая только начинается», еще более определилась, когда 4 апреля 1949 года Бевин приехал в Вашингтон для подписания Северо-атлантического пакта. Таким образом, по выражению прогрессивной американ-

ской писательницы Джессики Смит, правительства США и Англии подписали военный договор против своего главного союзника во второй мировой войне прежде, чем они подписали мирный договор с главным противником в этой войне.

Что же представляет собой Атлантический пакт? Искривляется ли его значение гершвиновской песенкой «Ничего это не значит», которую американский военный оркестр исполнял за несколько минут до прибытия президента Трумэна на церемонию подписания пакта? Люди, которые по-настоящему желают мира, не могут относиться к Атлантическому пакту, как к оперетке.

Атлантический пакт разъединяет нации во имя войны, вместо того чтобы объединить их во имя мира. Подписывая пакт, который по самой своей сути представляет планомерно разработанную угрозу миру, правительства США, Англии и других стран нанесли Организации Объединенных наций удар, ослабить который бессильны все их словоизлияния в защиту мира.

Северо-атлантический пакт направлен прежде всего против Советского Союза и стран народной демократии, но он направлен также и против демократических свобод внутри стран, заключивших этот пакт, он направлен и против народа моей страны.

Пакт, как военное соглашение, направленное против Советского Союза, находится в прямом противоречии с англо-советским договором о взаимопомощи, по которому Англия обязалась не заключать «никаких союзов и не принимать участия ни в каких коалициях, направленных против другой Высокой Договаривающейся Стороны». Никакими словесными увертками нельзя скрыть этого факта, что заседающий в Фонтенбло во Франции европейский военный штаб готовит войну против Советского Союза.

Таковы главные события последних лет, заставившие меня вспомнить слова американского дипломата Кеннана, сказанные им в день, когда советский народ праздновал победу.

«Война еще только начинается...» У этой «холодной войны» (даже терминология и та американского производства!) уже имеются жертвы. Я имею в виду не Джеймса Форрестола, который хотел запугать весь мир, а вместо этого сам сошел с ума от страха. Я говорю о трудящихся массах Запада, которым приходится расплачиваться за военные планы своих правительств, и в первую очередь о

народе моей родной страны — Англии, который так и не дождался обещанного ему облегчения жизни. На плечи английских рабочих, на плечи населения переуплотненных индустриальных районов ляжет вся тяжесть страданий, если Британские острова станут Мальтой будущей войны в соответствии с планами американских атомных стратегов.

Свои агрессивные замыслы англо-американские творцы Атлантического пакта пытаются «оправдать» умышленно созданным мифом об опасности советской агрессии. Как журналист, около восьми лет проведший в Советском Союзе, я считаю своим долгом перед родиной противопоставить злобным измышлениям поджигателей войны мои собственные наблюдения. Английский народ должен знать правду о тех в Англии, кто предает дело мира и интересы народа моей страны.

Путь к правде для меня был нелегким и долгим. Я вырос и жил в буржуазной атмосфере, не зная многих суровых сторон действительности, и нужно было пройти большую школу жизни, чтобы понять правду.

Пятнадцать лет я работаю в качестве корреспондента английских газет в Европе. За это время я постоянно собственными глазами наблюдал развитие английской внешней политики, и год за годом передо мной открывался ее реакционный характер. Я понял, что эта политика создается и проводится вопреки интересам большинства моего народа и что это она через мюнхенскую капитуляцию привела к Атлантическому пакту.

Я хочу рассказать читателю историю моей жизни журналиста в европейских странах, потому что она может помочь ему увидеть антинародную политику тех, кто предает мир и толкает народы на новые страдания, к новой мировой войне.

Глава I

ВСТУПЛЕНИЕ В ЖИЗНЬ

Внешне город на Ланкаширском побережье, где я родился, был городом почти идиллического благополучия. Он известен как один из самых солнечных и здоровых по климату городов северной Англии, хотя пользуются этим здоровым климатом лишь купцы, фабриканты и комиссары из Ливерпуля и Манчестера.

Его обитатели, в основном состоятельные дельцы, были убеждены, и не без основания, что когда их самих нет в конторе или на складе, другие обогащаются за их счет.

Одно из самых ранних моих воспоминаний — утро в городе, когда дельцы отправлялись на работу. Обычно от семи до восьми часов улицы были заполнены молодыми людьми, которые еще стояли на первых ступенях социальной лестницы. Все эти конторщики и бухгалтеры торопились на станцию, чтобы занять в поезде то самое место, которое они привыкли занимать день за днем, до тех пор, пока, продвигаясь по службе, не получат привилегии ездить с более поздним поездом. Через полчаса после них более медленным шагом следовали их хозяева. Эти столпы буржуазной респектабельности отличались важным и озабоченным видом, а также тем, что они всегда ходили поодиночке. Казалось, едва выйдя из дома, они уже с головой погружались в атмосферу конкуренции и наживы. Директора компаний уезжали из города еще позже, и их доставляла на станцию собственная машина. Это и был верх той лестницы, по которой пытались взобраться обитатели города.

Многое в жизни города казалось «приличным», если не заглядывать за занавески чисто прибранных домов. Английская буржуазия умеет хранить свои постыдные тайны, и прошло много времени, прежде чем я начал подозревать, что в нашем мире далеко не все обстоит так благополучно, как кажется. Тихие улицы, одетые в гладкий асфальт и окаймленные садами, парадные двери

с блестящими медными дощечками «Нищим и разносчикам не стучать», строгие фасады домов — разве все это не должно служить признаком устойчивости общества, где царят «честь и достоинство» в укор «вульгарности и ненадежности» бедняков? Разумеется, предполагалось, что я должен усвоить именно это толкование, и когда я получал награды в школе, священник уверял меня, что я уже вступил на лестницу, ведущую к успеху. Под успехом подразумевался особняк с садом, предпочтительно обращенный фасадом на южную сторону, билет первого класса в поезде и состояние, позволяющее уезжать из нашего города на то время, когда начинался ежегодный наплыв туристов.

В этом мире подстриженных газонов и внешней благопристойности у меня не было друга. Я встретил его случайно в квартале ланкаширских рыбаков.

От города на целую милю вытянулась по пескам к мелкому морю большая дамба. Еще в то время, когда она строилась, море отступило, разукрасив дамбу водорослями и блестящими раковинами. Берег омывала слабая и мутная волна морского прилива, которого хватало лишь настолько, чтобы унести с собой мусор.

Слезая однажды по ржавой подпорке дамбы, я неловко зацепился ногой и закричал. Ко мне подбежал мальчик и помог мне слезть. Обратно мы шли вместе.

Мальчику было на вид лет пятнадцать. Когда он стряхивал с рук мокрый песок, я заметил, что руки у него грубые, как у рабочего. На нем были длинные штаны, подвернутые снизу, и расстегнутая рубашка с большой прорехой на спине, а ноги босые. Лицо было некрасивое, в веснушках, с вздернутым носом.

— Ты учишься в школе? — спросил я.

— Теперь не учусь, — ответил он, и по его выговору я понял, что этот мальчик из рабочей семьи.

— Где ты живешь?

Он назвал промышленный город к западу от Пеннинской горной цепи.

— Что делает твой отец? — Это был один из первых вопросов, какие мы задавали новичкам в нашей школе: отношение к ним зависело от ответа.

— Работает, — довольно резко ответил мой спутник.

Мне стало неловко — ответ был не такой, как полагалось.

— Как тебя зовут? — в свою очередь спросил он.

Я ответил.

— А меня — Фрэнк. Ты собираешь птичьи яйца?

Теперь мы дошли до знакомого мне места на сухом берегу.

Это был тот участок, где местный художник рисовал на песке. С тех пор как мой дядя впервые повел меня гулять по дамбе, я всегда рассматривал этого художника. Маленький калека, с очень бледным лицом, он обыкновенно выбирал участок с гладким, твердым песком размером в несколько квадратных ярдов и деревянными колышками выцарапывал на нем кружевной узор, изображавший фабрику сказочных размеров среди леса вышек, дымящихся труб и домиков рабочих. Рисунок был бесхитростный, показывавший скорее трудолюбие художника, чем его талант, но своим содержанием он льстил магнатам промышленности, гулявшим по дамбе, и некоторые из них останавливались, чтобы бросить несколько медяков на песчаный квадрат, где художник-инвалид написал: «Жертва промышленности. Не пожалейте один пенни». Каждый день море смывало эту эфемерную картину, и каждый день он рисовал ее снова.

Теперь мы поровнялись с инвалидом и, к моему немалому удивлению, мой спутник заговорил с ним. Оказалось, что художник был литейщиком на металлургическом заводе Плэтта и потерял там трудоспособность, а Фрэнк работает на том же заводе учеником.

Фрэнк провел в нашем городе неделю, и за это время мы стали друзьями. Я восхищался его смелостью, его неуважением ко многим «правилам приличия», которые мне внушали с детства, а главное, ловкостью, с которой он делал все, за что бы ни брался.

Осенью я приехал в Олдем и провел несколько дней у родителей Фрэнка. Домик Куперов стоял среди других таких же домиков, плотно прижатых друг к другу. Их владелица, вдова директора банка из Манчестера, очевидно, дала строителям наказ втиснуть как можно больше домиков на те несколько акров земли, которые она приобрела у местного помещика. Поля, отгороженные высокими каменными стенами, подходили вплотную к поселку. За ними, насколько хватал глаз, до туманных гребней кряжистых гор тянулось поросшее вереском болото.

Когда я возвращаюсь мысленно к тем дням, которые провел в семье Куперов, я прежде всего вспоминаю их неподкупную честность, отличавшую их от большинства людей, которых я знал раньше. Куперы были заводскими рабочими на протяжении пяти поколений, с тех самых пор, как одному из них, после конфискации его земельного участка, пришлось искать работу на ланкаширских фабриках. У отца Фрэнка хранилась книга, где каллиграфическим почерком были записаны слова песен, которые исстари пели английские ткачи. Это была поэзия, созданная под грохот и стук ткацких станков, поэзия, сквозь которую была видна жизнь английской фабрики.

Отец Фрэнка не говорил нам о революции, он не сказал ни слова о политике в том смысле, как ее понимали в нашем городе. Но я познакомился с людьми, беспребедельно преданными своему классу, усвоившими культуру этого класса, с людьми, которые гордились своими победами и были готовы к предстоящей им борьбе. Я узнал, что такое достоинство рабочего, уверенного в своих правах.

После знакомства с семьей Куперов я стал присматриваться внимательнее к жизни нашего города. Меня начало раздражать его ни на чем не основанное самодовольство, его ханжество и обман.

Чтобы искоренить эти «опасные» мысли, родные отослали меня в закрытую школу, где 90 процентов учащихся были из семей состоятельных классов, а остальные 10 процентов — сыновья лавочников.

Школа отличалась тем, что в ней основным правилом воспитания было жестокое подавление всякого проявления инициативы и независимости учащихся. Целый кодекс неписаных, нелепых и обременительных законов подготавливал нас к тем условностям, с которыми мы должны были встретиться в жизни. Ученики старшего класса, например, должны были носить с собой шляпы, причем надевали их только для того, чтобы снять перед учителем.

Нас учили смотреть на приобретаемые знания как на нечто второстепенное, главным считалось научиться «светскому тону». Мало того, что нас совершенно не знакомили с вопросами политики, не давали никаких, хотя бы самых элементарных сведений из области государственного права — нас оставляли в полном невежестве даже относительно законов природы, включая и биологические процессы. Наше школьное расписание, казалось, умышлен-

но было составлено так, чтобы скрыть от нас все явления литературы, имеющие широкое, общечеловеческое значение. Нам никогда не показывали мир в его постоянно меняющемся историческом развитии. Мы читали трагедии Корнеля строчка за строчкой, заучивали наизусть романтические поэмы Мюссе и Ламартина, прозу Доде, но не слышали ни единого слова о Бальзаке, Золя и Мопассане. Байрон остался для нас закрытой книгой, так же как Диккенс и Теккерей.

Я задерживаю внимание читателя на своих детских и школьных годах потому, что едва ли можно преувеличить силу влияния, которое оказывает буржуазная школа на формирование мировоззрения среднего англичанина. Именно здесь, в буржуазной школе, людей приучают откликаться на те призывы защищать «все то, что нам дорого», защищать «христианские ценности», «европейское наследство», которые реакционеры используют для своих личных, эгоистических интересов. Здесь, как в теплице, выращивается расовая нетерпимость, презрение к рабочему классу. Всякие сведения о Советском Союзе бесстыдно искаются с целью воспитания ненависти к Советской стране.

...Пребывание в закрытой школе сменилось пребыванием в Кембридже, и вот настал день, когда надо было вступить на широкую дорогу жизни.

Но уже последний год учебы в Кембридже был наполнен тревожными мыслями о том, где найти работу по окончании университета. Англия задыхалась в тисках экономического кризиса, и для молодых людей, которые в начале тридцатых годов искали себе занятий по специальности, перспективы были очень печальны.

Лишь после нескольких лет полубезработицы и просто безработицы мне удалось получить место на большом текстильном комбинате в Ланкашире.

Комната, в которой я работал, находилась в длинном ряду конторских помещений, в прежнее время занятых отделом экспортной торговли. Сейчас они все пустовали. Мрачная, тяжелая атмосфера царила в здании и напоминала собой всю Англию, оказавшуюся в состоянии полного экономического застоя.

Именно в это время, когда в Европе все более обострялся экономический и политический кризис, мне предложили работу европейского корреспондента одной из английских газет. Так началась моя журналистская деятельность.

Г л а в а II

ПРЕДАТЕЛЬСТВО В МЮНХЕНЕ

Итак, в качестве иностранного корреспондента я попал впервые в страны Восточной Европы в мае 1934 года.

Даже столь неопытному наблюдателю, как я, не мог не броситься в глаза резкий контраст между богатством и нищетой в этих странах.

Когда я теперь вспоминаю свое довоенное пребывание в этих местах, бывших ареной ожесточенных раздоров, передо мной вновь возникают эти яркие картины контраста. Ошеломляющая роскошь будапештских купален Геллерта встает рядом с одетыми в лохмотья жителями городских окраин; семейное торжество в богатом имении близ Тиссы вспоминается мне всегда одновременно с убогими жилищами безземельных крестьян. Я помню всю пышность Эстергомского собора, резиденции венгерских кардиналов на высоком берегу Дуная, и помню пощечину, которой мой гостеприимный хозяин, папский камергер, наградил слугу, уронившего вилку. Мне вспоминается Венгрия, изобилующая продовольствием, и Венгрия голодающая; Чехословакия, экспортирующая во все концы света товары широкого потребления, и полтора миллиона безработных чехов. Мне вспоминается прелестная усадьба с цветущим садом, где жили английские управляющие Трепчанских рудников в Сербии, и изможденные лица измученных малярией рабочих, только что кончивших смену. Я помню вызывающую роскошь и безумную расточительность и помню дух угрюмого недовольства, которым, казалось, был пропитан самый воздух в рабочих кварталах Уйпешта, Панкраца и Винер-Нейштадта.

Правительства юго-восточных европейских государств, превращенных под англо-французским влиянием в форпосты против большевизма, продолжали держаться весьма холодно по отношению к Советскому Союзу, даже когда всем уже стало ясно, что нельзя рассчитывать на помощь ни Франции, ни Англии. Когда наиболее трезвые государ-

ественные деятели, видя растущую германскую опасность, встали на путь переговоров с Москвой, господствующий класс делал все возможное, чтобы сорвать эти переговоры. Применялись всякие меры, чтобы скрыть от рабочего класса правду о Советском Союзе, из боязни, как бы народные требования подлинного союза с Россией не привели к необходимости изменения политического курса.

Разъезжая по странам, граничащим с Советским Союзом, народы которых всегда относились к России с горячей симпатией, я встречал там у правящих кругов почти такое же предубеждение, как и в Англии. Католическая церковь в Словакии и униатская в Закарпатской Украине проповедовали ярую нетерпимость по отношению к Советскому Союзу. Однажды, еще задолго до войны, я слышал проповедь материофа нациста Иозефа Тисо перед многочисленной толпой словацких крестьян на кладбище близ Братиславы. Эта проповедь призывала к «священному походу против большевистской России».

Британская дипломатия в странах Восточной Европы в тридцатых годах делала ставку на крестьянские партии с целью установления в этих странах диктаторских режимов. В Румынии все надежды возлагались на Маниу, представителя помещиков и зажиточного фермерства, который широко открыл ворота страны иностранному капиталу. В нем и подобных ему деятелях других стран дипломатия Западной Европы видела оплот буржуазного строя в борьбе против рабочего класса и беднейшего крестьянства.

Опираясь на правую верхушку крестьянских партий, Англия Болдуина и Франция Блюма вместе с тем поддерживали самодержавные режимы адмирала Хорти в Венгрии, принца Павла в Югославии, короля Кароля в Румынии...

Реакционное белградское правительство вело открытую политику возвеличения Сербии за счет других народов, населяющих страну. Сербские колонисты заняли земли, отнятые у турецких помещиков во время балканских войн, и местное население в сущности мало что выиграло от изгнания оккупантов. Для пресечения каких-либо проявлений недовольства был установлен жесточайший полицейский режим. У тех, кто после оживленной атмосферы Белграда попадал в провинцию, создавалось впечатление глухой тишины — не только из-за безмолвия огромных гор и затерянных в них маленьких

селений, но и потому, что полицейский надзор почти исключал всякое передвижение из одной деревни в другую. Дороги, огибавшие поросшие тополями равнины или извивавшиеся по склонам неприступных гор, содержались в безукоризненном порядке, к которому не придрался бы самый требовательный начальник военного штаба. Но по ним почти никто не ездил.

В каждом городе страны — в Битоле, Тетове, Скопле, — всюду, при явном попустительстве правящих кругов, шли национальные и религиозные распри.

Традиционные политические партии не способны были разрешить эти искусственно созданные противоречия. В стране росло число людей, не удовлетворявшихся своим положением и стремившихся к установлению нового политического и общественного строя, который принесет Македонии равенство и единство.

Впрочем, это подспудное брожение и надежду на новую эру можно было наблюдать не только в Македонии, но и в других частях Европы.

В 1937 году, когда шла битва за Мадрид, я слышал отголоски этой битвы в промышленных пригородах Вены, на митингах в Брatisлаве, в деревушках Моравии и даже в мирном провинциальном городке Южной Англии, где я проводил свой отпуск. И везде испанская война неизбежно вызывала обострение классовых противоречий. В интернациональные бригады записывались те, кто уже прошел школу борьбы за интересы рабочего класса на политической арене своей страны. Для них поход английских безработных, начавшийся в Джон О'Гроутс, оканчивался боями в горах Харамы и в университете городке в Мадриде. Велика была помощь, оказанная иностранными добровольцами делу Испанской республики, но неизмеримо больше оказалось ее значение для развития прогрессивных сил у себя на родине.

В старом английском городке, дремлющем под стенами готического замка в Сассексе, мало кто имел возможность изо дня в день следить за ходом испанских событий, но рабочие этого района Англии применяли испанские уроки в своих условиях.

В этом мирном городке узнали, что пилот английского самолета, который взялся доставить Франко с Канарских островов в Испанское Марокко и тем помог ему совершить нападение на молодую Испанскую республику, принад-

лежал к местному дворянству. В тот вечер шло очередное собрание местного кооперативного общества, созванное по какому-то пустяковому поводу, касавшемуся лавочки на базарной площади. Присутствовало на собрании человек десять-двенадцать: старая миссис Эллиот, которая никогда не читала газет и все интересы которой до этого времени были сосредоточены на ее фруктовых деревьях и здоровье ее многочисленных внуков; два или три железнодорожника, твердо придерживавшиеся лейбористских взглядов и исправно посещавшие все собрания своей низовой организации; интеллигентная чета, живущая не по средствам и поэтому не вылезающая из долгов, да кучка домашних хозяйств из числа любительниц посудачить у водопроводной колонки.

Но в этот вечер собрание приняло неожиданно оживленный характер. Битва за Мадрид переместилась в Сассекс. Говорили о притеснениях, мелких и крупных, которые приходилось терпеть от помещика, жаловались на местные власти, на плохое состояние школы и больницы. И все пришли в боевое настроение. Все поняли, что борьба испанского народа — это их борьба и что летчик, доставивший Франко к его африканскому трамплину, — их враг.

Шесть лет спустя над городком Сассекс появился другой летчик. Он шел с моря на бреющем полете и сбросил груз бомб, которые уничтожили школьное здание. Около сорока детей было убито, в том числе один из внуков миссис Эллиот.

Чехословацкий кризис 1938 года не нашел в Англии столь непосредственного отклика, как война в Испании. Общественное мнение было введено в заблуждение английским правительством. Агенты этого правительства в Праге знали, что патриотические чувства большинства чехов оскорблены мыслью о капитуляции перед Гитлером, но они знали и то, что те, кто представляет могущественное влияние банков и тяжелой промышленности, ставят на первый план свои личные интересы и готовы согласиться с потерей национальной независимости. В конце концов правительству Чемберлена не составило особого труда убедить английский народ, что чехи вполне сочувственно относятся к политике умиротворения Гитлера.

Наиболее важным фактором, определявшим отношение широких кругов англичан к чехословацким событиям 1938 года, явилась лживая пропаганда, которая непрерывно

велась в Англии в отношении Советского Союза. Попустительство большинства правящего класса по отношению к германскому фашизму сопровождалось усилением кампании, целью которой было скрыть от масс действительную мощь Советского Союза. Я в то время работал в Англии и видел, что неосведомленность народа относительно истинного положения вещей используется точно так же, как она много лет использовалась в Восточной Европе и на Балканах для того, чтобы раздуть представление о могуществе местных реакционных правительств.

Одни из организаторов этой кампании были просто-напросто глупцами, ослепленными классовыми предрасудками и охотно принимавшими на веру донесения военных атташе английских посольств в Европе, которые утверждали, что Красная Армия слаба и что Россия — четвертогоразрядная военная держава.

Другие не разделяли этого мнения, однако и они допустили просчет, полагая, что Россия хоть и угрожающе сильна, но все же менее сильна, чем Германия. Впрочем, обе эти группы сходились в общем стремлении скрыть от английского народа правду о Советском Союзе и о его дружеском отношении к Чехословакии.

Нельзя сказать, что это им удалось полностью. Я помню, как живо реагировали англичане на передовую статью, появившуюся в известной английской газете «Дейли Миррор» после того, как было подписано Мюнхенское соглашение.

«Что же Россия? Полное молчание. Неужели мы обходим эту могущественную страну, поддержкой которой мы так дорожили всего лишь двадцать четыре часа назад?» — спрашивала газета.

В те дни у меня произошла встречка с одним стариком-англичанином, который со все возрастающей тревогой следил из своего загородного дома за развитием англо-советских отношений. Ему часто приходилось бывать в царской России. В отличие от большинства англичан, имевших связи с дореволюционной Россией, он продолжал без всякого предубеждения интересоваться жизнью Советской России.

«Я вижу, — сказал он, — что у нас не гнушаются никакими способами подтасовки и фальсификации, когда дело касается этой страны. Если достижения Советов настолько очевидны, что отрицать их нельзя, тогда наша

печать старается их высмеять и преподнести публике только жалкую пародию на истину. Когда в чем-нибудь проявляется сила Советского Союза, сейчас же находятся люди, которые изображают это в виде опасности; а чуть покажется им какой-нибудь признак слабости — они спешат сделать идиотский вывод о близком крушении советской власти.

У вас, как у журналиста-газетчика, есть долг перед вашей родиной. Поезжайте в Россию. Познайте эту страну. Не верьте, что Россия какая-то *«terra incognita»*, книга за семью печатями, «великая загадка». Все это лишь фразы, рассчитанные на одурачивание людей. Вы увидите, что эта великая страна с ее великодушным народом и выдающимися руководителями, не таясь, раскрывается перед вашими глазами — если только эти глаза не затуманены страхом или ненавистью.

Вы видели, что произошло в Мюнхене. Это результат незнания истинных сил России. Неужели вы думаете, что если бы наши люди хоть сколько-нибудь представляли себе действительные силы и намерения Советского Союза, они стали бы приветствовать зловещего джентльмена с зонтиком *, когда он вернулся с арены этой позорной капитуляции».

Мюнхенская капитуляция обнажила основные принципы британской внешней политики, и я решил вернуться в Восточную Европу, теша себя надеждой когда-нибудь посетить Советский Союз.

Выяснилось, что Англия вела чрезвычайно деятельную политику в период подготовки мюнхенской капитуляции, хотя апологеты этой политики и старались всячески уверить публику, что страна была бессильна противостоять требованиям Гитлера. Деятельность английского посла в Берлине сэра Невиля Гендерсона была, главным образом, направлена к тому, чтобы помочь Гитлеру достигнуть в Чехословакии намеченных целей. В журналистских кругах Лондона в роковое лето 1938 года ни для кого не было секретом, что сэр Невиль Гендерсон усиленно внушал своему министру иностранных дел лорду Галифаксу мнение, что гегемония Германии к востоку от Рейна — совершившийся факт, что «Центральной и Восточной Европе придется плясать под дудку Гитлера».

* Имеется в виду Чемберлен. (Прим. автора.)

«Я всегда был убежден, что Австрия должна стать частью Германии, — писал он после аншлюса в марте 1938 года. — С Австрией теперь покончено... Но остается еще родственная проблема судетских немцев, а затем Данциг, урегулирование вопроса с Польшей и Мемель». От своих чешских друзей в Лондоне я слышал, что английское правительство оказывало сильный нажим на Чехословакию, побуждая ее ити на все уступки в переговорах с судетско-немецким национальным меньшинством, хотя в Лондоне имелись достоверные сведения о том, что действующие по указке Гитлера судетские немцы будут непременно добиваться полного присоединения к рейху.

Спустя месяц после падения Австрии чехословацкая миссия в Лондоне узнала, что английский посланник в Праге Бэзил Ньютон выдвигал в министерстве иностранных дел аргументы в пользу включения Чехословакии в германскую орбиту, что, разумеется, означало разрыв ее союза с СССР и Францией. Подобно своему берлинскому коллеге Гендерсону, Ньютон настаивал, чтобы английское правительство говорило с Прагой как можно более решительным тоном, и 12 апреля 1938 года чехословацкий посланник в Лондоне был уведомлен лордом Галифаксом, что правительство Чехословакии должно взглянуть в глаза действительности и понять необходимость самых широких уступок немецкому национальному меньшинству.

В то же самое время английский министр иностранных дел посоветовал чехам не придавать слишком серьезного значения заявлению английского премьера Чемберлена относительно того, что из-за Чехословакии Великобритания может оказаться втянутой в войну. Таким образом, совершая прямое вмешательство во внутренние дела суверенной нации, требуя от нее максимальных уступок Германии, заведомо замышляющей полный разгром этой нации, британское правительство не стесняясь заявляло чехам, что им нечего надеяться на то, что Англия выполнит свое обещание помочь Чехословакии. А ведь это обещание должно было бы служить гарантией того, что если Гитлер нарушит достигнутое соглашение, он будет иметь дело с Англией, готовой в случае необходимости оказать Чехословакии вооруженную помощь.

Чешские дипломаты в Лондоне с нарастающей тревогой наблюдали все стадии подготовлявшегося здесь предательства. Пресс-атташе Ярослав Краус, у кото-

рого в Лондоне было много друзей среди журналистов, рассказывал им, что его правительству достоверно известно, что Конрад Генлейн, марионеточный вождь судетских немцев, с 1935 года получал деньги от германского правительства. Партия судетских немцев, с которой английское правительство весьма считалось, получала инструкции непосредственно от германского посольства в Праге. От чехов же я узнал, что Геринг в своей беседе со шведским королем, происходившей в конце апреля, заявлял о «необходимости прогнать чехов в Россию, где им и место». Прогрессивные чешские чиновники (а таких в то время было немного) видели в Невиле Гендерсоне смертельного врага Чехословакии и усердного пропагандиста гитлеровских расистских идей.

Теперь из официальных английских документов видно, как верно было это мнение об английском после в Берлине. 22 июля 1938 года Гендерсон писал сэру Александру Кадогану:

«Д-ру Бенешу выгодно приписывать немцам и судетам всякие козни, но я полагаю, что если быть строго беспристрастным, то надо признать в одинаковой мере виноватыми и чехов».

Английские дипломаты были заняты тем, что настойчиво склоняли чехословацкое правительство к максимальным уступкам. В мае лидер судетских немцев, гитлеровская марионетка Генлейн, приехал в Лондон, где его встретили, как встречают лишь государственных деятелей. «Мы, как всегда, расстались друзьями», — отметил сэр Роберт Ванситтарт, постоянный заместитель министра иностранных дел, после встречи с судетским нацистом.

Упорно оказывая поддержку Гитлеру в осуществлении его планов в Восточной Европе, английское правительство в то же время всячески старалось отмахнуться от какой-либо помощи Чехословакии; наоборот, оно расчетливо толкало ее к гибели. 25 мая 1938 года лорд Галифакс заявил чехословацкому посланнику в Лондоне, что о защите Чехословакии против немецкого нападения не может быть и речи. «Может ли Чехословакия, — спросил он, — занять нейтральную позицию?». «Занять нейтральную позицию» на деле означало порвать договор с Советским Союзом и войти в германскую государственную систему. Чехословацкий посланник в Англии господин Ян

Массарик с тяжелым предчувствием доложил об этом своему правительству. «Ваша страна,— сказал он мне в те дни,— бросает нас прямо в пасть Гитлера».

Умиротворению Гитлера содействовали предатели из чехословацкого правительства. Пренебрегая советами коммунистов и левых социал-демократов, правительство Милана Годжи, лидера правых аграриев, играло на руку Чемберлену и Даладье. Оно игнорировало единственно возможное решение проблемы — честное, открытое сотрудничество с Советским Союзом вплоть до обращения к советскому правительству с просьбой о предоставлении вооруженных сил, которые помогли бы Чехословакии защититься от агрессивных посягательств Гитлера.

26 июня при свидании с английским посланником в Праге премьер Годжа сказал, что было бы целесообразным, если бы в Лондоне, разумеется без ссылки на него, вызвали чехословацкого посланника и поставили бы в известность о том, что правительство его величества испытывает нетерпение, не видя до сих пор никаких результатов, а также предупредили бы о серьезных последствиях, грозящих в том случае, если чехи не сумеют действовать достаточно быстро.

Об этом предательстве — иначе его назвать нельзя,— совершенном в момент, когда решался вопрос жизни и смерти Чехословакии, в то время можно было только догадываться. Теперь оно неоспоримо (хотя и не намеренно) доказано официальными документами самого английского правительства. Опираясь на помощь врагов чехословацкого народа, английское правительство вело свой курс на Мюнхен, сбивая с толку и деморализуя общественное мнение Англии своей постыдной беспринципностью. Истинная подоплека политики умиротворения заключалась в желании англо-американских финансистов прийти к соглашению с Гитлером и тем не только спасти, но и увеличить свои весьма солидные капиталовложения в германскую промышленность. Эта истинная причина мюнхенского предательства долгое время оставалась скрытой от народных масс.

Вместе с кликой немецких промышленников и банковских магнатов, приведшей Гитлера к власти, американские финансисты, интересы которых тесно переплетались с интересами лондонского Сити, мечтали о «золотом веке» сотрудничества между германским и англо-саксонским

империализмом. Без малейшего зазрения совести они щедрой рукой вкладывали деньги в Рур. Если внутренние проблемы Германии, рассуждали они, должны быть разрешены путем территориальной экспансии, так пусть это будет экспансия на Восток. А если «историческая миссия» Германии влечет Гитлера в Советский Союз — тем лучше. Победившая Германия — а за превосходство немецких вооруженных сил ручался такой «авторитет», как американский летчик Чарльз Линдберг — скоро почувствует потребность в капитале, для того чтобы эксплуатировать плодородную землю Украины и недра Закавказья. Английские умиротворители могли осуществлять свою программу в полной уверенности, что одобрение Уоллстрита им обеспечено.

Вскоре после подписания Мюнхенского соглашения я поехал в Прагу в качестве корреспондента лондонской газеты «Таймс».

Г л а в а III

В ОККУПИРОВАННОЙ ПРАГЕ

Экспресс Париж — Прага долго стоял у нового пограничного поста в Пльзене, прежде чем двинуться на территорию Чехословакии. Мои соседи чехи, пока немецкие чиновники проверяли их документы, сидели бледные, молчаливые. Если к ним обращались по-немецки, они притворялись, что не понимают, и начинали быстро говорить на своем языке. Когда граница, а с ней и немцы, осталась позади и поезд уже шел среди холмов и лугов, освещенных косыми лучами зимнего послеполуденного солнца, девушка-чешка, служанка, сопровождавшая маленького мальчика из Лондона, внезапно запела и пустилась в пляс.

Слухи о концентрации германских войск на границах Богемии привлекли в чешскую столицу иностранных журналистов, которые всего несколько месяцев назад захлопнули футляры своих пишущих машинок, с облегчением решив, что еще одна «история» закончена. Но непрочное здание Центральной Европы распадалось так быстро, что многие из журналистов не успели даже отъехать на сколько-нибудь далекое расстояние. Теперь они снова собирались в пражской гостинице, на этот раз предвкушая «богатую добычу».

Будучи корреспондентом «Таймс», я одновременно работал в пражском бюро «Нью-Йорк таймс». Здание пражского бюро было украшено вывеской с огромными золотыми буквами. Об этой вывеске рассказывали, что, когда в 1938 году разразился судетский кризис, руководители газеты сделали жест, которым они хотели изобразить сочувствие по отношению к Чехословакии. Они сняли обширное помещение, оборудовали его со свойственной американским газетам крикливостью, видимо полагая, что при виде этой рекламы «Нью-Йорк таймс» пражцы воспылают чувством благодарности к руководителям газеты за оказанную им честь. После германской оккупации Праги это помещение осталось на моем попечении,

и мне, в числе прочих возложенных на меня обязанностей, пришлось позаботиться о том, чтобы эту огромную вывеску сняли и отправили туда, куда переместились интересы газеты. Вывеска была отправлена в Варшаву, где ее вскоре разбила немецкая бомба. Вывеска с золотыми буквами и восемь телефонов достались мне в наследство от моего предшественника. Незадолго до моего назначения курьер пражского отделения «Нью-Йорк таймс», некий Мюллер, если я верно запомнил его фамилию, пользовавшийся особым доверием, был разоблачен чешским движением сопротивления как германский шпион.

После легкой победы Гитлера в Мюнхене изменники всех мастей осмелели и выползли из темных углов, где они занимались подготовкой заговоров. Теперь они процветали, пользуясь благосклонностью нацистов. Но мюнхенские события имели также и другое последствие — они открыли глаза народу Чехословакии, показав, какую гибельную внешнюю политику проводило чехосlovakское правительство. Народ уже давно стремился узнать правду о Советском Союзе; теперь он ее узнал. От чешского народа пытались скрыть, что Москва в сентябре 1938 года предлагала Чехословакии немедленную помощь, не ставя при этом никаких условий. Тем не менее, как я убедился, во всех уголках страны, которая была предана, люди узнали об этом и резко осуждали своих правителей за равнодушие, проявленное к русскому предложению.

Мне вспоминается, как один из моих чешских друзей сказал: «Можно было бы избежать всего этого — унижения и террора, ограбления нашей родины и войны, которая теперь уже неминуема».

Мюнхенские события были еще свежи в моей памяти. Я подумал, что мой друг, как и многие чехи, участвовавшие в молниеносной мобилизации 21 мая 1938 года, убежден, что лучше было воевать с немцами, чем цепляться за призрачное умиротворение, которое агент Чемберлена лорд Ренсимен навязал Чехословакии и которое привело ее к катастрофе. Но мой друг говорил не только об этом.

— Подумать только, — продолжал он, — что, если бы Советской России дали возможность оказывать на наши дела и на дела всей Восточной Европы свое благотворное влияние, Гитлера можно было бы остановить, а со временем и уничтожить, может быть даже без войны. И уж во всяком случае без этого, — он указал на здание школы,

над которым по случаю дня рождения Гитлера развевался нацистский флаг со свастикой.

«Скоро, я полагаю, — писал мне Ральф Дикин, иностранный редактор «Таймс», — вы увидите, что Прага превратится в провинциальный немецкий город».

Разумеется, английскому правительству (интересы которого всегда так трогательно защищает «Таймс») было невыгодно, чтобы английский народ узнал слишком много о том, во что обошлось Чехословакии желание Чемберлена прослыть «миротворцем».

Положение иностранного корреспондента в оккупированной Праге связывало меня, и я не мог сообщать английским и американским читателям слишком подробных сведений о страданиях народа, преданного государственными деятелями Англии и Америки. В то время как в дни мюнхенского предательства отделение газеты развило бурную деятельность, теперь я вынужден был ограничиваться тем, что посыпал в редакцию несколько строк репортажа за два-три дня.

У меня оставалось достаточно времени, чтобы приглядываться и прислушиваться к тому, что происходило на улицах Праги и во многих провинциальных городах и деревнях страны. Я вынес убеждение, что чехи сразу поняли, что им уготовили участь колониальных рабов. Сопротивление народа, естественно, выражалось в разных формах.

Я видел, как безупречно одетая во все серое хрупкая пожилая женщина ударила зонтом по лицу вооруженного эсэсовца. На глазах у многотысячной толпы немцы застрелили юношу, пытавшегося сорвать нацистский флаг с какого-то здания на одной из главных улиц города. Толпы народа пели «Интернационал» и волнующий чешский национальный гимн «Где мой дом?», грозя оккупантам кулаками.

Несколько массовых демонстраций, блестящие организованных подпольным движением сопротивления, свидетельствовали о том, что народ будет всеми силами бороться против утверждения Гитлера — «Прага была, есть и останется немецким городом». Когда населению было приказано торжественно отпраздновать день рождения Гитлера, десятки тысяч людей направились на площадь Старого города к памятнику Яна Гуса, воздвигнутому когда-то в знак протesta против австрийской оккупации. Каждый принес по букетику цветов, и чьи-то заботливые руки

сложили из этих букетиков слова: «Правда победит» — традиционный девиз чешского народа. Немцы разбросали букеты, но слова девиза появились снова. Тогда собравшиеся стали разгонять. И в это время я увидел, как молодой чех написал эти бессмертные слова на тротуаре узкой улочки Старой Праги.

Это не было еще массовое и организованное движение, охватившее страну позже, это можно было бы скорее назвать военными маневрами перед объявлением оккупантам настоящей войны. Но значение этих первых антинацистских демонстраций велико, потому что в те дни народ накапливал силы для больших испытаний и боев.

Эти первые народные демонстрации показали силу организации масс, о которой я прежде не имел представления. Эффективность массовых действий определяется сознательностью поступков каждого участника. Усилия отдельных людей, направленные к единой цели, составляют могучую и непобедимую силу.

Через три месяца после начала оккупации немцы, воспользовавшись весьма прозрачным предлогом, установили в угольном центре Кладно режим террора.

Кладно представляет собой группу горняцких деревушек и рабочих поселков неподалеку от Праги. Раз за разом коммунисты получали там огромное большинство на выборах, а потому этот центр стал называться «Красным Кладно». Шахты там старые и плохо оборудованы по сравнению с шахтами Силезского бассейна, и рабочие вели длительную и упорную борьбу за улучшение условий труда.

Однажды июньским вечером мой знакомый — чех сказал мне, что в Кладно убит немецкий полицейский и что во всем округе объявлено военное положение. Я немедленно поехал туда и в течение первых же суток получил самое точное представление о методах германского управления.

В официальном немецком заявлении говорилось, что полицейский Вильгельм Клейст был застрелен на посту. В качестве меры наказания за это немцы объявили о введении в Кладно военного положения и взыскании с города крупной контрибуции. Началось следствие, и впредь до его окончания жителям было запрещено выходить из дома после определенного часа. Кроме того, на город было наложено много других ограничений. Пробыв в Кладно даже самый короткий срок, можно было понять, что эти

так называемые «меры предосторожности» на деле были не чем иным, как подготовкой широкого наступления на рабочий класс Кладно. Когда я, уже после полуночи, приехал в город, все школьные здания и другие общественные помещения были заняты вооруженными отрядами полицейских. Был отдан приказ полностью затемниться. Время от времени слышались выстрелы; это немецкие часовые, прогуливавшиеся парами, наугад стреляли в окна, в которых виднелась хотя бы слабая полоска света.

На окраине Кладно, в сарае, возле заброшенной шахты, я встретился с членами местного комитета сопротивления. Мне вручили заявление в связи с «убийством» Клейста. Свидетельские показания, приложенные к заявлению, не оставляли ни тени сомнения в том, что этот человек, известный забулдыга, был убит своим же сотоварищем-немцем в пьяной драке и что труп его был подброшен, чтобы создать предлог для репрессий.

На следующий день начался террор. Бронированные автомобили патрулировали по пригородным дорогам, на окраинах города были выставлены тяжелые пулеметы, а отряды полицейских переходили из дома в дом, ломая мебель, производя аресты и в зависимости от настроения, избивая горняков прикладами.

Потрясенный этим первым знакомством с нацистским террором в действии, я вернулся в Прагу. Теперь мне было ясно, что немцы знали, где находятся их настоящие враги; они знали, что бессмысленно пытаться подкупать этих людей «либеральным подходом». Немцы знали, что в Кладно они не найдут предателей.

Таким образом, еще до начала войны западные державы имели полную и непосредственную возможность на примере оккупированной Праги и «независимой» Братиславы составить себе представление, какими методами гитлеровцы пытаются установить рабство в стране с гордым, свободолюбивым народом. Правда, в связи с тем, что западные державы не признали правительства Гаха, их дипломатические представительства были официально сокращены, но их консульства, эмигрантские организации и паспортные пункты продолжали функционировать.

Зверства в Кладно мало интересовали английские официальные круги в Праге. Когда я стал рассказывать о них английскому консулу Петтиту, он бесцеремонно прервал меня и заговорил о чем-то другом.

Следовательно, британское правительство было полностью информировано о положении в Чехословакии. Более того, вопреки глубокому возмущению английского народа оккупацией Праги, британское правительство продолжало вести с немцами секретные переговоры, направленные к осуществлению данного в Мюнхене «обещания» установить «золотой век» англо-германского сотрудничества. Эти секретные переговоры, которые, по поручению Гитлера, его агент Вольтат вел с английским дипломатическим представителем Хадсоном, должны были завершиться общим соглашением, которое дало бы Гитлеру возможность провести в жизнь свои планы покорения Польши и, с одобрения западных держав, «поставить Россию на колени».

Хотя немцы отнюдь не были склонны терпеть какое бы то ни было вмешательство в свои дела в Чехословакии, они старались не раздражать Форейн оффис и потому не ограничивали сколько-нибудь серьезно работу его представителей в Праге. Еще менее беспокоили немцы в отношении представителей Соединенных Штатов. Британское правительство, однако, само высказало готовность отзоваться всех наблюдателей, которые, оставшись в Праге, могли бы давать Лондону чрезвычайно ценные, но нежелательные для них сведения о методах нацистских оккупантов. Я полагаю, что это было сознательной политикой — держать английский народ в неведении того, что делалось в Праге, и, таким образом, заглушить растущее возмущение последствиями Мюнхена.

Стая иностранных корреспондентов, которые, почувствовав добычу, собрались к приходу немцев в Праге, рассеялась в течение недели. Как я уже объяснял выше, мое собственное назначение было временным, вовсе не рассчитанным на то, чтобы обеспечить регулярное поступление сведений в Лондон и Нью-Йорк. Во главе отделения агентства Рейтер, в котором за год до того работали некоторые опытные лондонские редакторы, был поставлен судетский немец Рудль, который вскоре объявил себя сторонником Гитлера и оказался тайным участником генлейновского движения.

В это же время британская разведка проявила чрезвычайную активность, стараясь вывезти контрабандой из «протектората» любые материалы или технический персонал, который мог быть использован в британской армии.

В самый канун оккупации немцами Праги английское посольство успело вывезти на самолете группу инженеров завода Шкода, а затем английские агенты умудрились раздобыть детали усовершенствованного образца автоматического пулемета «Брен» и тайно вывезли их через Будапешт.

Быстрота, с которой действовали сотрудники консульства, когда им нужно было заполучить в Богемии инженера или химика, резко отличалась от их медлительности, когда требовалось оказать помощь немецким антифашистам-эмигрантам, попавшим в гитлеровскую западню в Праге. Между тем, по условиям Мюнхенского соглашения эмигрантам гарантировалась эта помощь.

Несколько человек таких «политических», как их называли в английском консульстве, нашли убежище в квартире, снятой мною у одного чешского знакомого. Кой у кого из них нашлось достаточно денег и ценностей, чтобы откупиться от чиновников гестапо; другие, не веря обещаниям англичан, бежали на восток через Бескидские горы. Один из этих эмигрантов, немецкий крестьянин Вернер Нейфлисс, состоял в «Лиге защиты прав человека». Ему удалось ускользнуть из лап гестапо. Однако благодаря сознательному саботажу британского контрольно-паспортного отдела он был схвачен гестапо и казнен.

Так британские представители продолжали свою линию предательства демократии и независимости народов.

Ради сохранения своих финансовых и торговых интересов в «протекторате» британские представители были готовы на все, вплоть до прямого сотрудничества с гестапо.

В Праге я видел чиновников, оставшихся здесь представлять Англию и считавших за честь угощать нацистов-гестаповцев и их жен чаем на террасе консульства.

Сотрудничество английских представителей с немцами стало особенно очевидным, когда в Праге в один прекрасный день появился известный английский шпион Поль Дьюкс.

Дьюкс, которого по возвращении из шпионской миссии в России в 1919 году титуловали и чествовали как героя, был персоной, вызывавшей всеобщее любопытство, поскольку вообще за пределами дипломатических кругов шпионаж принято считать неблагородной профессией. Дьюкс избежал обычной судьбы шпиона — он не был дезавуи-

рован своими хозяевами, не был пойман и разоблачен. Однако он переменил свою профессию и перешел со службы правительству на службу к деловым фирмам и крупным финансовым концернам, выполняя для них разные «деликатные» поручения. Дьюкс нисколько не старался скрыть от небольшой британской колонии в Праге причин своего появления и как-то во время завтрака среди многолюдного общества на террасе пражского ресторана рассказал историю, которую позднее опубликовал в форме сенсационной книги.

Дьюкс рассказал своим гостям, как британская страховая компания поручила ему расследовать обстоятельства, при которых исчез один из ее чешских клиентов. От результатов расследования зависела выдача огромной суммы денег по страховому полису в несколько сот тысяч фунтов стерлингов. Рисуясь и паясничая, Дьюкс развлекал своих гостей историей о том, как он разыскивал богатого чешского торговца, который бежал из оккупированной Праги с подложными документами, надеясь добраться до Англии, как этот человек был задержан немецкой стражей и убит. Несколько недель Дьюкс искал его труп, и рассказ его заканчивался мрачным описанием того, как он, с помощью гестаповских убийц, принимал участие в извлечении трупа из могилы.

Этот агент британского финансового капитала пользовался полной поддержкой английского посольства в Берлине и, по его собственному признанию, также поддержкой немцев, которым он был известен своими антисоветскими взглядами. Поддержка, которую Дьюкс получал у английского посольства в Берлине, подтверждает, что наивно было бы думать, будто этот прожженный английский агент ограничивал свою «деятельность» защитой интересов страхового общества, хотя бы речь и шла о больших денежных суммах.

Как раз в это же время немецкий антифашист Карл Шток пытался воспользоваться помощью англичан, чтобы выбраться из «протектората». Очень скоро, однако, он убедился в том, что британские правящие классы проявляют гораздо больше интереса к разложившемуся, но застрахованному на крупную сумму трупу, чем к честному антифашисту, борющемуся против гитлеровского гнета. Мое возмущение тогда было бы еще сильнее, если бы я знал, что Карл Шток будет сожжен в печи Майданека.

Вот еще один из примеров англо-германского сотрудничества в Праге. Братья Бехер владели тракторным заводом в Богемии. Они были евреи и опасались преследований гестапо. Но у них были влиятельные друзья в Англии, которые поручили известному английскому адвокату предложить нацистским властям значительную сумму золотом за их освобождение. Сделка была совершена через две недели после начала войны, и золото было вручено немцам на аэродроме, с которого выкупленные заводчики вылетели из «протектората».

Общеизвестны стремления британского имперализма утвердиться на Балканах и в странах Восточной Европы. Проводя политику дальнего прицела, английские дипломаты использовали немецкую оккупацию Праги для того, чтобы исподволь подобрать людей, которые могли бы стать впоследствии их политической опорой в странах Восточной Европы. В первую очередь англичане использовали для этой цели правых лидеров буржуазных партий. Именно их и отправляли они в Лондон, где позже собралось немало всякого рода лондонских «правительств», не имеющих ни связи со своей страной, ни поддержки своего народа.

Однажды ночью в августе 1939 года корреспондент «Таймс» в Берлине позвонил мне и сообщил, что отделение газеты в Праге закрывается и что мне лучше как можно скорее выбраться из пределов досягаемости германской армии. В Словакии я увидел немецкие танки, переправляющиеся через Дунай на пути к польской границе. Я был в Будапеште, когда Германия напала на Польшу, и уже был в Югославии, когда, три дня спустя, Англия объявила войну Германии.

Г л а в а IV

ТАЙНАЯ ДИПЛОМАТИЯ НА БАЛКАНАХ

«Золотой век» открытого сотрудничества германского и англо-саксонского империализма окончился, по крайней мере временно. И теперь началась ожесточенная и длительная борьба между английской и германской дипломатией, в распоряжении которых были целые армии тайных агентов. Ареной этой жестокой борьбы с 1939 по 1941 год был и Белград.

Группа иностранных корреспондентов, работавших в то время в столице Югославии, наблюдала за этой борьбой, подобно зрителям, которые, сидя в амфитеатре цирка, наблюдают за тем, что делается на арене.

Впрочем, кое-кто из корреспондентов не только наблюдал, но и вмешивался в происходившую борьбу. Некоторые иностранные корреспонденты в столицах Восточной Европы в течение ряда лет совмещали свою работу с другими, более прибыльными делами. Так, бывший белградский корреспондент газеты «Таймс» майор Ханау, являясь представителем английской оружейной фирмы в Белграде, «подрабатывал» на продаже вооружения, и, кроме того, югославские власти считали его агентом английской разведки. Некий Гибсон, бухарестский корреспондент ведущей английской газеты, одновременно являлся представителем нескольких крупных торговых фирм. В самом начале войны в Белграде подвизался и другой английский корреспондент, Мэтленд, который, повидимому, был еще и доверенным агентом принца Павла, тогдашнего регента Югославии. Мэтленд через жену породнился с людьми, занимавшими видное положение при дворе Павла. Этого скелетообразного субъекта с лицом, искаженным первым тиком, облаченного во фрак и цилиндр, которые он умудрился сохранить даже во время эвакуации из бомбардируемой Варшавы, можно было не раз видеть в субботу утром на главной улице Белграда, когда он отправлялся с визитом в королевский дворец. Его пре-

данность хозяину, принцу Павлу, в конце концов навлекла на него немилость английского правительства за то, что он пытался добиться поддержки английского королевского двора для своего обожаемого Павла, в то время когда тот уже давно был смешен и Англия покровительствовала его племяннику Петру.

Что касается «держав оси», то не было никакого сомнения, что их корреспонденты, как, например, корреспондент ДНБ герр Грубер и его итальянский коллега из агентства Стефани, работали в тесном контакте с разведками своих стран.

Шпионы слетались на Балканы, как мухи на мед. Английские учителя и лекторы, французские фольклористы, прибалтийские бароны, увлекавшиеся фотографией, и гитлеровские «туристы», проявлявшие живой интерес ко всему, проезжали через Белград, выполняя какие-то подозрительные миссии. Мало кому из моих товарищей журналистов в той или иной форме не предлагали выполнить секретные поручения. А так как журналист есть журналист, то всякие такие предложения быстро становились всем известны. Один утверждал, что как-то на прогулке к нему обратился английский дипломат Джюлиан Эмери с предложением помочь тайной переброске оружия и денег в горные районы одной из балканских стран. Другому корреспонденту, по его словам, предполагали ехать на барже со взрывчатыми материалами, предназначенными для взрыва у Железных Ворот с целью помешать входу в Дунай германских кораблей.

Одна из таких многочисленных попыток завербовать представителей прессы на секретную работу окончилась весьма неприятно для моего коллеги. Однажды знакомый из дипломатической миссии попросил его взять к себе чемодан на хранение. Корреспондент согласился. Через некоторое время ему понадобилось уехать из города по какому-то делу, и он, для большей сохранности, оставил доверенный ему чемодан в британской миссии, а там нашлись люди, которые в большей степени, чем он, заинтересовались содержимым чемодана. Вернувшись, он, к своему ужасу, узнал, что его обвиняют в хранении взрывчатых веществ в британской королевской миссии. В результате этого инцидента его в срочном порядке перевели в другое место.

Не только журналисты, но и многие англичане, рабо-

тавшие на Балканах в качестве инженеров, коммерсантов, технических руководителей и директоров концессионных фабрик и шахт, были завербованы здесь агентами тайной британской дипломатии. Из различных толков, ходивших по всем белградским кафе и ночных клубам, явствовало, что эта тайная организация снабжала оружием людей, которых намеревались впоследствии использовать как английскую опору на Балканах. Вместе с тем оружия не давали тому, кто мог бы повернуть его против изменников своего народа. Это было не только на Балканах, — даже в момент падения Франции и поражения в Дюнкерке английское правительство не решилось дать оружие в руки рабочего класса и сельского пролетариата.

Большинство агентов английской разведки были молодые люди из буржуазной среды, и поэтому такая «осторожность» английского правительства их ничуть не смущала.

Работа корреспондента давала мне возможность наблюдать, как осуществлялась политика английского правительства на Балканах. Помню, например, разговор с Джорджем Рэнделлом, английским послом в Софии, одним из клики дипломатов католического толка в Форейн оффис, озабоченных больше всего сохранением так называемого «порядка» в Европе после окончания войны. Рэнделл среди английских дипломатов был в некотором роде исключением: он имел обыкновение давать обстоятельные интервью корреспондентам. Причину этого отгадать нетрудно. У Рэнделла была репутация болгарофила, и этого было достаточно, чтобы некоторые коллеги дипломаты сторонились его. Кроме того, ходили слухи о вражде между ним и английским послом в Белграде Рональдом Кэмбеллом, так как они разошлись во мнениях относительно того, в ком английское правительство найдет более надежного союзника — в югославском принце Павле или болгарском царе Борисе. Корреспондентам, приезжавшим в Софию, английский посол с необычной для него откровенностью заявлял, что в устойчивости Болгарии, управляемой царем Борисом, он видел гарантию будущего порядка на Балканах. Рэнделл откровенно излагал свои опасения, что если Советский Союз будет вовлечен в эту войну и Гитлер будет побежден, то монархический строй во всех балканских странах подвергнется жестокому потрясению, так как Россия пользуется среди балканских

народов большой популярностью. Если же королевские династии удержатся (а болгарская династия Кобургов, по мнению посла, держалась прочнее всех других), то можно будет парализовать влияние СССР. Следовательно, в интересах Англии — всеми силами способствовать сохранению монархии на Балканах, а в особенности в Болгарии. Английский посол по секрету сообщил представителям прессы, будто царь Борис решительно заверил его в том, что Болгария никогда не перейдет полностью на сторону Германии. При этом, конечно, замалчивался тот факт, что не царь Борис, а болгарский народ сопротивляется сотрудничеству с Гитлером.

Словом, Рэнделл полагал, что Англии следует подготовиться к любой ситуации — и к поражению СССР и к победе СССР над Гитлером, если удастся толкнуть Германию на Советский Союз. Он достаточно хорошо изучил Балканы, чтобы понимать, что в случае победы Советского Союза английскому влиянию на Балканах грозит величайшая опасность. Таким образом, Рэнделл утверждал, что Англии следует всемерно поддерживать царя Бориса, потому что именно вокруг него и его преемников сгруппируются «патриоты» Болгарии, и эта группа составит «ядро» того порядка, который так желателен Англии на Балканах после войны.

Послу удалось убедить одного из моих коллег, что его долг — защищать в печати монархический строй на Балканах. Журналист этот принял писать статью, надеясь, что ее оттиск будет в свое время положен на стол каждому делегату на мирной конференции. Он, вероятно, еще до сих пор трудится над нею.

Ставка английских дипломатов на монархический строй на Балканах не помешала, однако, правительству Англии уже в то время установить контакт с правой верхушкой крестьянских партий и католических кругов, которых оно использовало впоследствии как своих агентов в странах Восточной Европы.

Хотя политика Англии на Балканах часто казалась неясной, однако можно сказать с уверенностью, что проводившаяся здесь секретная работа только частично была направлена против ожидаемого вторжения немцев. Главная же цель британских дипломатов заключалась в том, чтобы всемерно противодействовать оказанию какой-либо помощи подлинным прогрессивным антифашистским эле-

ментам, борющимся за независимость своего народа, против иностранных оккупантов.

Для нас, журналистов, не было секретом, что реакционность верхушки тайной английской дипломатии на Балканах была источником той дикой разнузданности и наглости, которыми отличались агенты английской разведки, числившиеся за всеми отделами печати, вице-консульствами, в отделениях Британского совета и других агентствах, связанных с английскими дипломатическими миссиями. Ходили упорные слухи, что Рональд Кэмпбелл, британский посол в Белграде, грозился подать в отставку, когда в кабинете одного из его атташе были обнаружены мины значительной взрывной силы. Его возмущение было тем сильнее, что кабинет атташе находился непосредственно под его собственным. Хорошо известны также рассказы о дипкурьерах, прибывавших в провинциальные города с дипломатическими сумками, набитыми вместо почты оружием.

Эти скандалы завершились взрывом в гостинице чемодана, привезенного из Софии в Стамбул. Инцидент этот был официально объяснен вражеской диверсией, но в кругах журналистов уверяли, что адская машина находилась в багаже одного агента английской разведки.

Зачастую немецкие и английские агенты действовали почти рядом.

Для характеристики приведу рассказ одного моего знакомого журналиста, завербованного в английскую разведку. Ему приказали устроиться на службу в качестве проконсула в британском вице-консульстве в Скопле, главном городе югославской Македонии.

Ему было поручено ознакомиться с общей политической ситуацией для осведомления британского министерства иностранных дел и помочь военному атташе в разведке по выяснению состояния дорог и мостов, имеющих стратегическое значение, расположения войсковых подразделений и т. д. В общем, это было интересное занятие для бывшего журналиста в скромной должности проконсула, не имевшего даже официального права оформлять браки между гражданами.

С приездом нового проконсула штат вице-консульства в Скопле увеличился до трех человек. А английское население, интересы коего полагалось охранять консульству, по всей провинции состояло всего-навсего из... одного

состоятельного натурализовавшегося англичанина, владельца концессионных хромовых рудников, который, вероятно, отлично мог и сам, без помощи консула, защищать свои интересы.

Немцы немедленно реагировали на такое увеличение числа английских агентов в Македонии (на которое, кстати, даже не было получено официальное согласие югославского правительства) и в свою очередь послали туда опытного дипломата. Этот немецкий дипломат прибыл в Скопле в один день с моим знакомым — проконсулом, и оба они впоследствии не раз встречались в самолете, который еженедельно отправлялся из Скопле в Белград. Кроме них, других пассажиров на этом самолете не бывало. Так жили в Скопле эти два противника, постоянно играя в прятки друг с другом. Англичанин скоро разузнал, что его немецкие и итальянские противники действуют врозь и наперекор друг другу.

Однажды на заброшенном мусульманском кладбище за городом проконсул встретился с одним из своих агентов, передавшим ему сведения, которые привез из Албании какой-то контрабандист, торговец кукурузой. В донесении были указаны подробности конструкции мостов и состояния дорог в центральной Албании и была приложена целая коллекция итальянских пропагандистских листовок. Среди них имелась географическая карта, тайно распространяемая среди албанского населения итальянскими агентами. На ней намечены были новые, расширенные границы будущей Албании, которая якобы будет создана под эгидой Италии после победы. Границы на карте совершенно не соответствовали тому, что немцы обещали Болгарии.

Через несколько дней были приняты меры, чтобы эта карта появилась на первой странице одной американской газеты. Такое разоблачение противоречий в пропаганде «держав оси» вызвало великое смятение в Берлине и Риме. Последовал немедленный демарш Италии Белграду по поводу действий английских агентов в Македонии. Югославский министр иностранных дел сам приехал в Скопле, чтобы провести расследование, и на другой день «проконсула» пригласили в главное полицейское управление. Там, как он мне рассказывал позже, его предупредили, что если он в двадцать четыре часа не уедет из Македонии, то ему, мягко говоря, не гарантируют безопасности.

Как немецкая, так и английская тайная дипломатия на Балканах имели свои далеко идущие планы. Немцы действовали методически, подтачивая изнутри всю структуру югославского государства для того, чтобы оно при первой атаке на него рассыпалось как карточный домик. Английская тайная дипломатия, учитывая возможность войны Германии против Советского Союза и победы СССР в этой войне, главную свою ставку делала на приобретение агентуры из числа потенциальных ренегатов, которые во время войны прикрывались личиной «антифашистов» и «национальных героев».

Те из нас, кто оставался вне круга тайной дипломатии, полагали, что ее возглавляет маленький сутулый человечек с кисло-сладкой усмешкой, застывшей на широкой и круглой физиономии, хорошо знакомый всем лакеям в белградских кафе. Он славился своей коллекцией икон, которые он скупал в течение многих лет у русских эмигрантов, а также азартной игрой на бегах. Своих сотрудников он называл «мои парни» и относился к ним почти по-отечески. Он давал им понять, что долгое время играл видную закулисную роль в бурной истории югославского государства. На обедах, которые он давал на своей вилле для тесного круга друзей, он любил рассказывать анекдоты о распущенности, грубости и жестокости различных диктаторов, которые на его глазах сменяли друг друга в Белграде. За его столом, на котором при свете свечей сверкало русское серебро, собирались разведчики и представители английских фирм, рудников и страховых обществ со всей Югославии. И он терпеливо и методически ткал сеть разведки, простиравшуюся от австрийской границы до границ Болгарии.

Но началась война, и его авторитет стала оспаривать группа людей помоложе, жаждавших более бурной деятельности и считавших его методы слишком медлительными.

Одним из претендентов на место «сутулого человечка» был англичанин Лайл, известный под кличкой «Слизняк». Это был грубо скроенный, очень толстый мужчина; на его нездоровом, бледном лице нелепо торчали пышные ярко-рыжие усы. «Слизняк» щеголял своей эксцентричностью. Он был человек осторожный; большой любитель боя быков, резко изменивший свое отношение к испанским республиканцам, когда они запретили его любимый спорт.

Он был основательно знаком со всякими течениями в английской литературе XVIII века и с искренним восхищением и остроумием разглагольствовал об утонченности аристократического общества этой эпохи, презрительно указывая своей тростью с янтарным набалдашником на любителей праздных развлечений — белградских обывателей, которые сидели за столиками в кафе «Русский царь». Под внешним лоском и «культурой» «Слизняка» скрывалась натура очень грубая.

Другой кандидат, Хэкетт, был во многих отношениях самый любопытный субъект во всей этой компании. Хэкетт был не столько конспиратор, сколько актер, способный перевоплощаться и великолепно играть самые различные роли. Невысокая, тщедушная и нескладная фигура, лицо с напряженно-сосредоточенным выражением человека, играющего роль и всегда ожидающего взрыва аплодисментов, — вот каков был Хэкетт. Ему претили осторожность и скрытность, которых требовала его профессия, ему хотелось завоевать себе репутацию великого ловкача, мастера интриг и военных хитростей. Это был актер по призванию, имитатор, который хотел бы сам играть все роли своих кукол и испытывал огромное удовольствие, наблюдая собственную игру в каком-либо сложном фарсе.

Многим англичанам, жившим тогда в Белграде, было известно, что английская секретная служба, в сущности, больше стремилась найти надежных политических союзников, которые создали бы плацдарм в случае английского десанта на берегах Балканского полуострова, и мало занималась порчей вагонов, увозивших хромовую руду в Германию, или подсовыванием бомб в трюмы пароходов, направлявшихся в Дубровник с грузом боксита. Для югославов не был секретом истинный характер деятельности всей этой армии разных атташе, пресс-атташе и их помощников — английских учителей, местных консулов и представителей Британского совета.

Англичане могли вести себя в Югославии с такой беспардонной бесцеремонностью только потому, что Югославией правила клика продажных людей, предавших независимость страны. Если они делали уступки англичанам, то можно было с уверенностью предполагать, что немцам они угодждали не меньше. В тайной полиции Югославии и других соответствующих органах дело, как об этом говорили в среде журналистов, было поставлено

очень хорошо, и там не могли не знать о существовании секретной английской организации, действовавшей у них под носом. Но режим уже прогнил, в стране царили коррупция и интриги, страна катилась в пропасть. Югославия стала ареной, где подвизались иностранные шпионы и агенты. Такова участь всякой страны, как бы ни были древни ее традиции независимости, если во главе ее стоят предатели, относящиеся более чем благосклонно к иностранному вмешательству.

После пребывания в оккупированной Праге и после Белграда я имел возможность в течение нескольких месяцев спокойно продумать главный вопрос: для чего велась эта война?

Из Белграда меня перевели в Стамбул. Я ехал туда через Болгарию и Фракию. По приезде в Стамбул я некоторое время жил на вилле вблизи быстротекущего Босфора. Каждые две недели рано поутру советский пароход «Сванетия» проходил мимо древних турецких фортов, и когда из громкоговорителей доносились русские песни, рыбаки, возившиеся со своими сетями на берегах Бебека, поднимали головы и провожали сверкающий белизной корпус, пока он не скрывался за мысом, за которым начиналось Черное море. Как-то раз я попытался добраться до этого мыса, но турецкие караульные вернули меня с дороги, а офицер объяснил, что запрещается смотреть на море, за которым находится Советский Союз.

Я проехал экспрессом через Турцию в Алеппо (в Сирии), где индокитайские войска под командой французских офицеров, вооруженные пулеметами, окружали хмурую толпу на базарах. Я ездил по дорогам Северной Палестины мимо новых крепостей зловещего вида, выстроенных для британской полиции. Из порта на Красном море я проделал долгий путь вокруг мыса Доброй Надежды, вдоль побережья Западной Африки, по просторам Атлантического океана и, наконец, в Англию.

Вспоминая все пережитое на Балканах, я говорил себе, что война, которую вели народы против Германии, — это борьба за существование. Нельзя допустить, чтобы Германия победила, — это мне было ясно. Но эта война должна закончиться не только разгромом гитлеризма, но и полным уничтожением фашизма. Народы всех стран должны получить то, что им было обещано в тяжелые дни войны.

Если война не закончится этим, то не будет, не может быть полной победы над фашизмом. Никто не может считать себя свободным и наслаждаться своими правами, пока все люди не будут свободны, в том числе и те, за которыми английские правители колониальных владений не признают права считать себя людьми.

Я был в Англии в то время, когда пришла весть о нападении Германии на Советский Союз. Мне было предложено ехать в Москву корреспондентом «Таймс». И в одно серенькое осеннее утро я покинул Англию и пустился в путь навстречу неизвестному будущему, в надежде найти страну, где, наконец, фашисты, враги всех трудящихся, встретят настоящий отпор.

Г л а в а V

ПОЕЗДКА В СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

В туманной дали исчезли последние неясные очертания портовых сооружений Глазго. Над флотилией царила глубокая тишина. Мы, не торопясь, заняли свое место, как раз позади пловучего бона, и на рассвете обогнули мыс. Двумя днями позже мы вошли под парами в Скапа Флоу — последняя стоянка перед Советским Союзом. Сильный западный ветер волновал море. Временами, после налетевшего шквала, солнце заливало просторную гавань прозрачным сиянием. Мы стали на якорь среди островов, поросших ярковатой травой, но совершенно безлесных. Мягкая, волнистая линия холмов спускалась к самому морю. Была какая-то удивительная простота в этой спокойной заводи, где стояло столько больших судов.

Конвой вел суда в Архангельск. В течение двух недель мы жили размеренным ритмом военного корабля. Сначала мы шли по высоким волнам, отчего судно то резко поднималось, то падало; затем мы вступили в полосу тумана. На палубах нарастал лед, и фалы покрылись толстым слоем инея. Мы подошли к острову Яна Мейена настолько близко, что слышали крики гагар и исландских чаек, похожие на отдаленный шум водопада. Медвежий остров казался с корабля горбатой горой, покрытой снежными разводами. Держа курс на Шпицберген, чтобы избежать германской блокады, мы попали в сильный шторм — судно содрогалось и резко раскачивалось. Сигналы тревоги чередовались с часами настороженного ожидания. И за все время пути — даже когда мы шли всего медленнее — конвоируемый транспорт, казалось, мчался, словно влекомый непреодолимой силой, к месту встречи с советской флотилией на широте бесплодных гранитных скал Мурманского побережья.

На четырнадцатый день мы достигли самой северной точки нашего курса. В этот вечер снежная буря улеглась и показались звезды. Корабль сверкал в своем белом

одеянии. По всему небосводу распылялся зеленый свет, словно нанесенный самой тонкой кистью, и тихо трепетал, то вспыхивая, то угасая, как огонь под пеплом. На этом мягком фоне вдруг вырастали какие-то неопределенные, словно хрустальные фигуры, разбросанные как попало по всему небу группами — по три, по четыре.

Это великолепное зрелище северного сияния, представшее нашим глазам как раз в то время, когда мы должны были изменить курс и повернуть к югу на последней части перехода в Россию, необычайно подняло настроение экипажа. Мы были на одном из первых арктических транспортов, и каждый чувствовал, что это далеко не обыкновенное путешествие. Для молчаливых английских моряков, стоявших на вахте, перенесенные нами бури, жестокие морозы, от которых брезентовые чехлы орудий становились твердыми как железо, мины, качавшиеся в проходах между судами,— словом, все препятствия на нашем пути были частью барьера, отделявшего Англию от России.

Кочегары-арабы, которые держались особняком от остального экипажа, не говорили по-английски. Они расстелили маленькие коврики, чтобы помолиться на арктический закат. Главный механик Кэрри, сын горняка, проработавшего на одной шахте с 9 до 65 лет; третий помощник Уивер, худенький, смуглый юноша, живший в своем особом мире, населенном дирижерами джаз-бандов и белокурыми певицами; радиист, известный всем под прозвищем «Спаркс», после долгих колебаний сообщивший мне, что он тайком читает марксистскую литературу; бледнолицый, болезненный стюард Джек, который на мой вопрос, как его зовут, ответил: «Неужели я в чем-нибудь провинился, сэр?», думая, что я хочу пожаловаться на него офицерам; флегматичный плотник, приветливо встречавший посетителей в своей мастерской на верхней палубе,— все эти непохожие друг на друга моряки, собиравшиеся вместе только раз в день обучаться технике спасательного дела,— все они в разное время говорили мне о том, как страстно они хотят успешно выполнить свою миссию и доставить оружие Советскому Союзу.

На тягачах, которые мы везли, были написаны дружеские приветствия советскому народу от английских клепальщиков и докеров. Английские моряки гордились также и тем, что с опасностью для себя они открывают

этот маршрут для союзников. Много раз во время пути матросы отводили меня в сторонку и признавались по-тихоньку, как они завидуют тем, кто едет в страну, которая «сумеет как следует проучить этих гитлеровских мерзавцев».

То, что я слышал от английских моряков на пути от Глазго до Архангельска, было отражением настроения английского народа. Если до 22 июня 1941 года было, без сомнения, немало англичан, которые в глубине души считали возможным, что победит Германия, то после нападения Гитлера на Советский Союз, мне кажется, вряд ли многие сомневались в том, что как бы долго ни продлилась война и сколько бы жертв она ни стоила, победа будет завоевана союзниками. Вопреки мнению «экспертов», пророчивших, что Гитлер захватит Москву через полтора месяца, простой народ объединяла вера в непобедимость Советского Союза. Эта почти фатальная вера становилась по временам даже опасной, погружая людей в благодушную дремоту. Те, кто впоследствии приложил все усилия, чтобы оттянуть открытие второго фронта, искусно воспользовались этой общей убежденностью в том, что Россию победить нельзя.

Именно в те дни английское правительство обнаружило, что у Англии никогда не было союзника более популярного среди рабочих, нежели Советский Союз. Производительность труда на фабриках повышалась, а английские солдаты крепли духом, вдохновляясь примером Красной Армии и героического гражданского населения в советском тылу.

Для многих англичан война за одну ночь 22 июня 1941 года сразу отодвинулась куда-то очень далеко. Бомбёжка английских городов прекратилась. Возвращались эвакуированные, и в это лето Лондон, заполненный английскими и колониальными войсками, веселился почти беззаботно, отдыхая после напряжения прошлой зимы. И все это потому, что Россия приняла на себя основной удар.

Мои американские коллеги на борту «Темпл Арч», скучая по Лондону, проводили долгие арктические вечера в воспоминаниях о том, как они веселились в больших лондонских отелях во время этого летнего затишья.

Но среди простого народа Англии, как и среди моряков, с которыми я плыл сейчас в Советский Союз, все более росло чувство восхищения храбростью народа этой страны

и непреклонностью его воли к победе. Эти люди, не зная почти ничего о Советском Союзе, были твердо убеждены, что русские на фронте защищают их интересы,— чего они отнюдь не думали об английском правительстве.

На шканцах матрос Пил рассказал мне длинную историю о том, как он рос в Ньюкастле. Пил — жизнерадостный коротенький человечек с веселой улыбкой. Но его речь звучала негодующе и возмущенно, когда он рассказывал мне о восьми предвоенных годах. Тогда был кризис в торговом флоте, и сотни судовшли на слом. Пил рассказывал о безработных матросах, которые тосковали на берегу и с которыми обращались хуже, чем с нищими, о закрытых верфях — они открылись только после начала войны, когда получены были заказы на военные суда.

«А теперь, — говорил Пил, — нам твердят, что мы самые необходимые люди на войне. В мирное время они нас гноят, а как дошло до войны — пожалуйста, будьте героями! Для тех, кто засел в учреждениях на берегу, наш корабль — всего-навсего красный флагок на булавке, воткнутый в карту. Они швырнут его в мусорную корзину, когда мы нарвемся на мину, и скажут: «Не повезло, сэр!».

Далеко не один Пил таил негодование под маской строго соблюданной корабельной дисциплины. Я стоял на вахте вместе с одним из матросов — великанином, с тихими, кроткими манерами и такими взглядами на войну, которые вряд ли одобрил бы наш капитан, суровый шотландец. Этот матрос, по имени Каммингс, был одним из тех людей, для которых моя поездка в Советский Союз сняла классовые перегородки между ними и мною. Они обращались со мной как с посланником, через которого могут передать весточку советским рабочим. С виду Каммингс казался гораздо старше большинства своих товарищей; и оказывается, добровольно пошел в этот арктический рейс по причинам «политического порядка». Впрочем, он не коммунист. В гражданской жизни он был возвчиком и работал в одной ливерпульской судостроительной фирме. Он обучал меня наводить орудие и целиться в воображаемый самолет, а потом сказал так спокойно, словно мы разговаривали о погоде: «Счастливый вы человек, — едете в страну, где правят трудящиеся. Скажите им, что английские рабочие всем сердцем с Россией. Когда мы победим, мы совершим вместе с ними великие дела. Мы не станем

изводить сталь на такие орудия, как вот это; мы будем строить школы, мосты, дома в Ньюкастле». Тут подошел офицер, и мы расстались: классовое различие между полубаком и мостиком на английском корабле проводилось очень строго.

Наш капитан был во многих отношениях отличный человек: наблюдательный, образованный, преданный долгу и поддерживал дисциплину не крепкими словечками, а собственным примером. Его корабль неуклонно шел в кильватере ведущего судна: искусством кораблевождения он владел безупречно. Уроженец острова Скай, с неторопливой и тихой речью, он испытывал заражавшее других наслаждение от трудных обязанностей капитана конвойного судна. Но ему было все равно, возить ли оружие в Россию или апельсины из Испании. То, в чем экипаж судна видел возможность нанести своей рукой удар врагу, для капитана было лишь выполнением служебной обязанности.

Несколько часов спустя, после того как погасли великолепные огни северного сияния, мы легли на новый курс и пошли прямо на юг, к Стране советов.

Проснувшись на другое утро, мы впервые увидели берега Советского Союза — белые от снега скалы, изрезанные ущельями и круто обрывающиеся в море. За ними далеко вглубь уходила волнистая и, повидимому, бесплодная прибрежная полоса. Что принесут мне эти неприветливые берега? Конец нерешимости и бесцельных скитаний? Обрету ли я здесь веру в то, что стоит выше пустого и жалкого индивидуализма? Я не преклонялся лицемерно перед Советской Россией, вступая на ее берега. Я хотел взглянуть ей прямо в лицо. Одни изображали мне ее как страну, в которой воплотились все надежды прогрессивного человечества, другие — как олицетворение всякого зла. Я хотел увидеть ее такой, какова она в действительности.

* * *

Россия, которую я пересек из конца в конец за следующие три недели, переживала тогда период эвакуации, которая по своим масштабам и строгой организованности была невиданной за всю историю человечества. Все это планомерное и грандиозное передвижение промышленности и людей в глубь страны напоминало огромную пру-

жину, которую сжимали для того, чтобы, выпрямившись, она нанесла врагу удар сокрушительной силы.

К концу моей поездки по Уралу и Заволжью я понял, что Советская Россия обладает достаточной мощью, организованностью и надлежащим руководством, для того чтобы победить в войне с гитлеровской Германией, если понадобится, и без посторонней помощи, своими собственными силами. Уверенность народа в себе, его нравственная мощь, непоколебимый патриотизм, дух товарищества, который увеличивает силы каждого отдельного человека вдвое и втрой, — все это особенно ярко проявилось во время эвакуации.

Твердая уверенность организаторов эвакуации в том, что местные органы власти способны полностью выполнить широко задуманный план, методичность, с которой все это грандиозное предприятие опиралось на действия десятков тысяч отдельных людей, пристальное внимание к тому, чтобы самое важное выполнялось в первую очередь, — все это дало неопровергимые доказательства организованности и силы советского общества.

Я не мог не вспомнить в эти дни, что на Западе эвакуация превратилась в бессистемную переброску в безопасную зону тех, кто не участвовал непосредственно в военных действиях, или, что было еще чаще, в бегство слабонервных людей подальше от опасности. В Советском Союзе эвакуация была стратегическим маневром, перегруппировкой сил, предшествующей контрнаступлению. Во время долгого, совершившегося с задержками пути от Архангельска до Ярославля, от Ярославля до Свердловска и Челябинска, а оттуда до Куйбышева — пути, дававшего полную возможность наблюдать жизнь и поведение миллионов людей, снявшихся с насиженных мест, я стал свидетелем победы, имевшей не меньшее значение, чем те, которые впоследствии я наблюдал на фронте. Мы передвигались по передовой линии огромного внутреннего фронта.

Нельзя было принять нас более любезно или заботиться внимательнее, чем о нас заботились в эти тревожные и полные напряжения дни в ноябре 1941 года. Когда мы были в Архангельске, нас провожали любопытными, но приветливыми взглядами. Жизнерадостность и цветущее здоровье детей, катавшихся на лыжах, произвели на меня глубокое впечатление.

Тем не менее, не было недостатка в голосах, предоств-
регавших меня от слишком оптимистических выводов на
основании первых впечатлений. Переводчик Фишер, со-
стоявший при английском представителе в Архангельске,
в прошлом специалист по звуковому кино, считавшийся
знатоком России, утверждал, что настроение в Москве
пониженное и что там скоро начнется голод. Прочие все-
знайки, не таясь, твердили, что они мало верят в способ-
ность советского строя к организованному сопротивлению.

В течение следующих двух-трех недель мне представи-
лась возможность проверить, насколько правильны были
эти высказывания.

Наш поезд подходил к Ярославлю, вокзал которого
за несколько часов до этого подвергся нападению четыр-
надцати немецких бомбардировщиков. На станции были
раненые. Подкрепления продолжали идти к Москве
непрерывным потоком. Это произошло в ночь с 6 на 7 но-
ября, когда И. В. Сталин и другие руководители совет-
ского народа присутствовали на традиционном собрании
в Москве.

На следующее утро, когда мелкая снежная крупа про-
сеивалась через пробоины в крыше вокзала, громкогово-
рители сообщили об историческом параде на Красной
площади, где отважные защитники Москвы приветство-
вали своего непоколебимого вождя. В это время в Яро-
славле несколько воинских составов с бойцами из Сибири
стояло на запасных путях, станция была забита эвакуиро-
ванными из Москвы, Ленинграда и западных районов
России. Глядя на этих людей, напряженно прислушивав-
шихся к голосу Сталина, я заметил нечто такое, чего мне
никогда еще не приходилось видеть, — волна надежды
и радости заливалась приподнятые, оживленные лица, как
солнечный свет заливает поле волнующейся ржи.

Я понял тогда, что твердая, уверенная, звучавшая как
призыв к бою речь Сталина вселила в них твердую веру
и помогла стойко взглянуть в глаза неизвестности, на-
встречу которой ехали эти миллионы.

Пожилая медицинская сестра, которая разговаривала
с нами, стоя в дверях новенького санитарного поезда,
шедшего на запад; латышская семья, которая ночью бе-
жала из пылающей деревни; хорошенъкая блондинка, муж
и ребенок которой были убиты; женщины из Перми (Мо-
лотова) на вокзале, проводившие своих сыновей на фронт

и с любовью и тревогой прижимающие к груди детей беженцев; замечательно обмундированные бойцы, чьи задорные песни доносились до нас сквозь двери теплушек; рабочие, для которых было так же естественно смазывать эвакуируемые машины или поправлять съезжающие с них брезентовые чехлы, как для матери ухаживать за больным ребенком,— тысячи путников, которые для нас были только лицами, мелькнувшими на миг сквозь клубы паровозного пара на запасных путях в Челябинске или в обледеневших окнах поездов, ожидавших отправления. Все они чувствовали себя неотделимыми от армии, которая должна была победить, потому что стояла за правое дело.

Эти люди полностью доверяли своему правительству. Ничем иным нельзя объяснить того, что они так бодро переносили все лишения и опасности этого путешествия в неизвестное, что их отношения с представителями власти, в чьих руках находилась их судьба, были лишены и тени недоверия.

Вторым уроком для меня были их отношения друг к другу. Эти люди, думал я, лишились всего, что имели, они едут неизвестно куда, их единственное достояние — это их мастерство, их профессия. Наступило время испытаний, которое покажет, действительно ли социалистическое общество создало нового человека, чье отношение к ближнему отнюдь не определяется желанием обмануть и провести из-за личной выгоды. И вот я наблюдал, как группа рабочих сошла с поезда на маленькой станции, где должна была строиться их новая фабрика, в поселке среди редкого берескового леса. Прежде чем выйти из вагона, они собрали оставшийся у них хлеб и отдали его пассажирам в соседнем вагоне — латышам, ехавшим в Ташкент.

Когда поезд останавливался не у станции, что случалось очень часто, все выходили из вагона и отправлялись в лес за дровами. Скоро десятки костров уже горели вокруг. Дети играли, пока их родители готовили обед. Среди этих людей немало было и таких, у которых уже давно кончились припасы, но никто не оставался без еды, будь то еврей или русский, простой рабочий или ответственный работник. Не уделить товарищу еды из своих собственных, быстро уменьшающихся припасов показалось бы советским людям так же странно, как запретить желающим петь присоединиться к хору.

Я увидел умение советских людей организовать работу масс. Вся эвакуация, повидимому, велась в соответствии с очень немногими, простыми и ясными указаниями, устанавливавшими очередность и место назначения. Преданности и работоспособности местных органов доверяли почти безгранично. Я видел транспортников, военных комендантов, санитарных врачей и других работников, всегда уверенно справлявшихся с теми невероятно трудными задачами, которые возникали перед ними с прибытием каждого нового состава. Они не бегали спрашивать у кого-нибудь совета или разрешения, не рылись в столе, иска письменных инструкций. Они, повидимому, были вполне уверены в том, что вышестоящие органы поддержат их во всем, что они считали нужным предпринять. Кратко и уверенно они отдавали приказания, удивительно терпеливо выслушивая просьбы, с которыми к ним обращались.

Как-то раз я сидел в кабинете начальника станции. Кстати сказать, это была женщина. Вшел мастер и сказал, что у него сорок рабочих, которые должны ехать вместе со станками. Нельзя ли прицепить вагоны к следующему пассажирскому поезду, идущему на Свердловск?.. Учительница из Ленинграда спрашивала, где сто едущих с нею детей должны ждать своего поезда. И так далее, без перерыва, на каждой станции, в течение всего времени, пока проходила эвакуация.

На меня произвела сильное впечатление не только преданность долгу, но и самый тип правительственныеых работников, созданных советским строем, их твердость, знание дела, соединение скромности, свойственной истинным слугам народа, с чувством достоинства людей, знающих, что на своем посту они обязаны уметь распоряжаться. Я никогда раньше не видел ничего подобного.

Мы переправились через Каму, после того как целую неделю тащились из Ярославля. За Кунгуром поезд останавливался не так часто, мы проезжали по области, где деревья были гораздо выше, а большие, разбросанные селения попадались реже. Почти на каждой станции горы лыж и саней дожидались отправки на фронт. Плакаты говорили о том, что бойцы, уходящие на фронт, будут воевать до победного конца.

За несколько дней мы успели мимоходом посмотреть на огромную уральскую мастерскую, поддерживающую

военные усилия страны Советов. От Челябинска в памяти остались солидно построенные жилые дома хороших архитектурных пропорций, железнодорожный парк с сотнями паровозов. Запомнились косогоры, усеянные призывниками, обучающимися лыжному спорту, заводы Златоуста, работающие день и ночь, и их огни, отраженные в озере под горой. Мы пересекли Башкирию с ее лесами нефтяных вышек. Много раз впоследствии, наблюдая, как новые орудия непрерывным потоком движутся к фронту, я вспоминал это зрелище гигантской силы, вспоминал спокойных, уверенных людей, с которыми я проделал часть их пути к уральским заводам, к копям Сибири и Казахстана.

Долгий путь и многочисленные встречи доставили мне обильную пищу для размышлений. Мне задавали много вопросов об Англии. Русские люди в то время надеялись на союзников, верили в то, что на Западе прилагают столько же сил для того, чтобы победить фашистскую Германию, как и в России. Конечно, они не обольщались мыслью, что английские дипломаты и крупные монополии в течение одной июньской ночи 1941 года вдруг сделались преданными союзниками Советской России или перестали действовать наперекор интересам своего народа. Но русские надеялись, что правительство Англии сдержит свои обещания, потому что Советская Россия спасла Англию от немецкого вторжения.

Г л а в а VI

В ТО ВРЕМЯ КАК РОССИЯ СРАЖАЛАСЬ...

В течение следующих четырех лет моя задача состояла в том, чтобы давать английскому и американскому народам ежедневные сообщения о ходе войны на Восточном фронте. На Западе люди жадно набрасывались на всякую весть о титанической борьбе Красной Армии с гитлеровскими войсками.

Во время поездок на фронт я наблюдал, как постепенно развертывалась одна из самых грандиозных в истории войн. На подступах к Москве, в Калинине, Сталинграде, Ржеве, Корсунь-Шевченковском, Севастополе, Киеве, Ленинграде, Одессе, Таллине, Минске, на берегах Вислы и, наконец, в Берлине...

Орудия грохотали на западе, и прожекторы рыскали по небу, когда я приехал в Можайск, вскоре после того как части генерала Говорова выгнали оттуда бронетанковые дивизии фон Бока. На Бородинском поле, возле памятника 1812 года, где в октябре 1941 года 32-я стрелковая дивизия генерала Полосухина задержала 300 немецких танков, дотлевала изба Марфы Кулаковой. Ее трое детей и шестидесятичетырехлетняя старуха-мать сидели на корточках у пожарища. Группы женщин и детей стояли с веревками у шоссе, готовые помочь красноармейской транспортной колонне перебраться через снежные сугробы. Городские власти в Можайске, которые вместе с другими жителями партизанили, уже приняли от армии управление городом.

В город Калинин я приехал также сразу после его освобождения.

— Мы знали, что вернемся, и остановились всего на несколько километров от занятого немцами города,— сказала мне женщина — председатель городского совета, бывшая работница.— Мы планировали освобождение еще тогда, когда уходили из города.

В заваленном снегом овраге под Вязьмой я видел, как десятки девушек выкапывали из-под снега швейные машины, зарытые перед приходом немцев. Они работали на швейной фабрике, безустали строча обмундирование для Красной Армии, под артиллерийским обстрелом.

Каждый раз, когда я встречался с советскими людьми, я испытывал чувство глубокого изумления перед силой, которая таилась в каждом рядовом советском человеке. Мир, ужаснувшийся размерам катастрофы, которая постигла русскую землю, выражал свое восхищение твердостью духа русского народа в эти дни, полные тревоги и страданий. Однако на очевидца производили впечатление не столько страдания советского народа, сколько то, как этот народ отвечает на вызов врага, с непревзойденной стойкостью отражая его нападение.

Я проделал большой путь для того, чтобы изучить дух советского бойца — от берегов Арктики, где дозорные в белых маскировочных халатах подстерегали появление немецких судов, до высот Крыма, переходивших в то время из рук в руки. Я видел, как молодые добровольцы проходили военное обучение на заснеженных окраинах Москвы; видел юношу, который успел уже стать ветераном и вспоминал с товарищами о боях за Москву; видел раненых в госпиталях, которые рвались обратно на фронт.

Из всего, что я видел, я понял, что образ советского воина — это, в сущности, образ рядового советского гражданина. В этой стране не сложилось никакой военной касты. Советское воспитание в равной мере оказывается на всех гражданах.

Красноармеец сражался, зная, что его вожди считают основой советской стратегии возможно большее сохранение живой силы. Красноармеец сражался за родину в полной уверенности, что его высоко ценят, дорожат им.

Я заметил и нечто другое, особенно потому, что в этом сказывалась огромная разница между Советским Союзом и Англией: красноармеец на фронте был спокоен за судьбу своей семьи. В Каире мне рассказывали ответственные английские офицеры, что большая часть писем, посылаемых на родину солдатами Северо-африканского фронта, выражала именно эту тревогу за родных и что всякая задержка с почтой серьезно отражалась на настроении и духе солдат. Насколько мне было известно, советский воин на

Фронте не сомневался в том, что социалистическое государство постоянно заботится о его семье. Несмотря на то, что благодаря эвакуации миллионы людей оказались далеко от родного дома, бойцы Красной Армии вполне полагались на советскую власть в тылу.

Постепенно у меня сложился образ красноармейца, который суров и грозен, когда атакует врага, и который любит читать стихи Пушкина и Маяковского, уважает своего командира за его боевые заслуги, который мечтает о мире и при случае сидит над книжкой, готовясь к послевоенной жизни даже в окопах, который верит в свои силы и, познакомившись с приемами противника, ставит себе задачей победить его, как преждеставил задачей освоить новый станок или участок необработанной земли. Итак, это простой советский гражданин, вставший на защиту советского строя, упорно, страстно и до конца верящий в правоту своего дела.

И вот, в то время когда советский воин показывал чудеса храбрости, верности, кристальной чистоты и умения воевать, в то время как весь Советский Союз, напрягая свои силы, отдавал все помыслы только одному — борьбе с гитлеровской Германией, в то время как он сражался во имя свободы и счастья всего человечества, — в это время на Западе, в военных и дипломатических кругах уже плелись сеть тайного заговора против этого героического и самоотверженного народа.

В 1943 году я на несколько месяцев приехал в Лондон. Там я видел военных и политических деятелей Англии, державших в своих руках возможность открыть второй фронт и вместе с русскими уничтожить противника. Но военные и политические лидеры Англии отнюдь не были заняты срочной необходимостью открытия второго фронта. Генералы обсуждали планы кампании на Балканах, а политические деятели занимались «проблемами», которые должны были якобы возникнуть после того, как Красная Армия войдет в Центральную Европу. Роль генерала Александера искусственно возвеличивалась в глазах британского народа, как человека, который с горстью камней, захваченных им при эвакуации английских войск из Европы в 1940 году, должен был вернуться обратно на континент. Но эти камешки были с побережья Атлантического океана, а высыпать их пришлось на берег Средиземного моря.

Меня, только что приехавшего из Москвы, наперебой приглашали к себе министры, видные сотрудники секретариата военного министерства, верховные комиссары, доминионов, отставные генералы, превратившиеся в военных корреспондентов. Тогдашний министр информации Брэнден Брэкен пожелал узнать от меня, как идет английская пропаганда в СССР. Из разговоров с ним мне стало ясно, что он уже не верит в прочность англо-советских отношений, предусмотренных договором о дружбе. Он спрашивал: «А как вы думаете, можно будет убедить русских, что наше вторжение в Европу через Средиземное море равносильно открытию второго фронта?»

А плотный, вылощенный Оливер Литтльтон, бывший в то время министром военного транспорта, пожелал услышать мое мнение насчет того, как Москва отнесется к освобождению Балкан английскими войсками. Мне вспомнился этот вопрос много позднее, когда я узнал, что Оливер Литтльтон одним из первых одобрил черчиллевскую политику интервенции в Греции после того, как английская дипломатия сделала все, чтобы помешать греческому народу избрать популярное демократическое правительство.

Компания бизнесменов, желавших после войны возобновить торговые отношения с СССР, пригласила меня провести с ними вечер, и там мне был задан вопрос: возможно ли, что советское правительство откажется от монополии внешней торговли?

Чиновники из министерства информации просили у меня «хоть каких-нибудь материалов», доказывающих, что Советский Союз «уже отходит от коммунизма». Один из «маститых» сотрудников «русской» секции министерства информации в беседе со мной цинично похвастался, что назначение он получил за статьи, которые писал для Уинстона Черчилля, на тему о преемственности между царской Россией и Россией Советской. «Единственный способ «заработать» на России — это подать ее старику под таким соусом,— говорил он.— Старик только и ждет такой выдумки».

У меня сложилось впечатление, что чуть ли не все мои лондонские знакомые служат в каком-нибудь отделе разведки, вместо того чтобы сражаться с неприятелем на фронте. Кой-кого из них я встречал позже в Каире, и один даже сообщил мне, что ему обещано назначение в качестве

сотрудника будущего английского военного губернатора в... Румынии.

Именно в то время, в 1943 году, когда после провала немецкого наступления на Курско-Белгородской дуге стало ясно, что разгром немцев Красной Армией неминуем, в лондонских политических и военных кругах разговоры о помощи Советскому Союзу сменились раздраженными жалобами на то, что русские «неблагодарны», что они упорно не хотят признать «руководства» Америки в этой войне. Черчилль в переговорах с Рузвельтом неприкрыто проводил свою реакционную политическую линию, стараясь оттянуть открытие второго фронта в Западной Европе.

На побережье Англии стягивались «коммандос» (десантные отряды), храбрейшие в английской армии. Но они покидали Англию не для вторжения первыми во Францию, а для того, чтобы оказаться на берегах Африки и в Италии, которая была преддверием в Албанию и в Югославию. Их отправляли в Каир для того, чтобы потом бросить в Грецию, хотя греческая народная армия ЭЛАС сама вполнеправлялась с оккупантами. Английские парашютисты спускались на территорию оккупированной Франции, но французы, с которыми они там работали, получили инструкцию не давать оружия коммунистам, стоявшим во главе движения сопротивления.

Английский народ работал изо всех сил, стремясь уничтожить воплощение реакции — гитлеровскую Германию. Однако уже тогда рабочие пели популярную песенку «Мы в долгом ожидании» — о действиях английских политических кругов.

Однажды на завод, где работала молодая белокурая Мод Грин, пришла группа военных. Они, поздравив ее с производственными успехами, спросили, что заставляет ее так напряженно работать.

— Я работаю для открытия второго фронта в 1943 году, для того, чтобы мы победили сообща с русскими, — сказала работница.

— Ты не так ответила, Мод, — насмешливо посмотрел на нее мастер, — надо было сказать, что ты работаешь для спокойствия его величества или для Британской империи.

Мод Грин уволили с завода, придавшись к какому-то пустяку, но она сделала правильный вывод из того, что с ней случилось. Произнося речь на митинге женщин-работниц, после того как ее уволили, она назвала себя

первой из армии рабочих, которые окажутся «лишними» после войны.

Политика «сидячих» генералов и правящей верхушки Лондона как в зеркале отражалась в политике английских дипломатов в Москве.

Хотя война привела Советский Союз и западные державы в один лагерь, в настроениях дипломатического корпуса во время войны преобладала глубокая недоброжелательность предшествовавших лет. Публичные воисторженные излияния государственных деятелей западных держав по поводу заслуг Красной Армии шли вразрез с поведением их представителей в советской столице, где желторотые офицерики и нахальные молодые секретари посольства позволяли себе отзываться на советские победы саркастическими замечаниями, за которые на родине, в Америке или Англии, народ их освистал бы, если не сказать больше.

В дипломатических кругах восхищение русскими шло на убыль в обратной пропорции к успехам Красной Армии. К тому времени, когда враг был изгнан с советской земли, недоброжелательство превратилось чуть ли не в ненависть.

Английские дипломаты снисходительно выражали сочувствие страданиям русских, но отказывались признать за ними тот могучий боевой дух, с которым миллионы советских людей защищали свой советский строй. Английские и американские представители в Москве особенно пытались затушевывать значение партизанского движения в оккупированных немцами районах Советского Союза, так как они явно боялись его народного характера. Ассошиэйтед пресс, одно из крупных газетных агентств в Америке, дошло до того, что запретило своему корреспонденту передавать какие бы то ни было сообщения о партизанах. Излишняя гласность, как полагали газетчики, может настолько воодушевить народные массы в Европе, что они, вопреки советам своих укрывшихся в Лондоне правителей, пожалуй, еще восстанут против оккупантов.

Иностранные дипломаты в Москве пропагандировали выгодную им «теорию» о том, что русский народ защищает не советский строй, но свое отчество независимо от его социального строя и что Красная Армия обязана своими успехами «чуду», «природным свойствам характера русского человека». Американские военные представители в Москве особенно яро отрицали достижения Красной

Армии. Некий полковник Парк утверждал, что наступление советских войск в районе Сталинграда не может быть названо подлинной военной операцией, потому что немцы все равно «планировали отступление»(!). Когда события в Сталинграде со всей очевидностью опровергнули эту злостную бессмыслицу, его шеф, генерал Микела, пришел на помощь Парку, заявив, что немцы «поступили мудро», дав себя окружить, ибо таким образом они «удержат под Сталинградом большие соединения русских войск в течение всей зимы».

Когда мне случалось беседовать о советских достижениях в дипломатических кругах, мне всегда казалось, что все эти представители государственного департамента и Форейн оффис в глубине души лелеют надежду, что с каждым шагом Красной Армии навстречу победе силы России иссякают; им мерецилось, что в конце длинного пути на Берлин они встретят смиренное, истощенное войной советское государство, готовое в угоду мировым державам отказаться от своих экономических и социальных принципов, готовое «либерализовать» коммунистический режим и, может быть, даже открыть свои границы для иностранного капитала.

Эти дипломатические представители, естественно, с радостью подхватывали, а чаще сами выдумывали всякий вздор, который можно было использовать для «доказательств», что к концу войны от идеологии и практики марксизма не останется почти ничего. Необычайный эффект в дипломатических кругах произвел рассказ одного американского курьера, ехавшего из Владивостока по Транссибирской железной дороге и доложившего посольству США, что, проезжая Сибирь... он наблюдал «признаки отхода» от системы колхозов. Не менее сенсационным явилось донесение одного работника английского посольства из Архангельска о его разговоре с каким-то брюзгливым магазинным продавцом; тот будто бы просил, чтобы англичане остались в России, так как тогда ему можно будет открыть частную торговлю.

В каждой патриотической демонстрации православной церкви усматривалось свидетельство «отхода русского народа от коммунизма». В страстную субботу весь дипломатический корпус съезжался в московский кафедральный собор поглядеть на живописный обряд православного богослужения, и многие из дипломатов, вероятно, спокой-

нее спали в эту ночь, так как им казалось, что они присутствовали не при праздновании воскресения Христа, а при погребении коммунизма.

Все сведения о положении в немецком тылу, доходившие через советские каналы, объявлялись «пропагандой» и тут же отмечались. Вернувшись после одной из первых моих поездок на фронт, я рассказывал о том, как в Можайском районе, где мне пришлось побывать, местная организация коммунистической партии после прихода немцев ушла в подполье и продолжала существовать, полностью сохраняя все органы советской власти, так что после освобождения вопрос о восстановлении этой власти даже не вставал, — и меня слушали со скептической улыбкой.

В этих кругах не могли и не хотели взглянуть в лицо истине, заключавшейся в том, что население освобожденных районов радовалось возвращению советской власти, что в период временной оккупации советские люди рисковали жизнью именно ради ее защиты. Признать это — значило отказаться от утверждения, будто советский строй держится на запугивании масс.

Утверждение же о «запугивании масс» является одним из коньков английских правящих кругов. Это утверждение беспрестанно подкреплялось свидетельствами разных «специалистов по России», работавших в иностранных миссиях в Советском Союзе. Среди них были офицеры и дипломаты, числившиеся в «специалистах по России» единственно потому, что они изучали русский язык в русско-эмигрантских домах Парижа или в прошлом — Риги и Таллина; другие считались авторитетными знатоками Советского Союза, так как принадлежали к английским или французским семействам, имевшим магазины, фабрики или концессии в царской России. Но больше всего было белоэмигрантов или даже немцев, в некоторых случаях лишь недавно натурализовавшихся.

Когда же в ходе войны даже тем, у кого глаза были затуманены предубеждением, стало ясно, что ни коммунистическая партия, ни весь советский народ не собираются отходить от своих принципов, а, напротив, видят в одерживаемых победах доказательство справедливости этих принципов — тогда стали раздаваться голоса, называвшие русских «нелегкими союзниками». И пока этот «нелегкий союзник» ценой своей крови изматывал гитлеровские армии, чтобы потом перейти в победоносное наступление, англий-

ские и американские дипломаты сидели на земле «нелёгкого союзника» и занимались антисоветской деятельностью.

Когда в 1941 году я попал в Куйбышев, то увидел, что многих дипломатов различных стран, представленных в России, объединяет не совместная борьба против гитлеризма, а их общая ненависть к Советскому Союзу. И неудивительно: от тех из моих коллег, которые жили в России до войны, можно было еще услышать о неразлучной дружбе, связывавшей фон Вальтера, секретаря германского посольства, и фон Гервarta, личного секретаря германского посла фон дер Шуленбурга, с Боленом, Дюрбrou (из посольства США) и Джоном Рэсселом, секретарем посольства Великобритании.

Многие из основных участников этого содружества в 1941 году уехали из Москвы, но завещали свои традиции оставшимся. Не изменилась, в частности, и самая существенная особенность этого дипломатического «блока» — «общий фонд» всей информации о Советском Союзе. Этот «фонд» создавался из информации, собранной американскими, английскими и французскими агентами и наблюдателями. Постепенно в «фонде» втягивали посольства и других стран. Главенствовали в «фонде» американцы и англичане, которые использовали его в своих разведывательных целях.

Некоторые дипломаты, наотрез отказывавшиеся пополнять «фонд» или черпать из него сведения, почитались недостойными приличного дипломатического общества из-за своего «неколлегиального поведения». Так было со Зденеком Фирлингером, чехословацким послом, а впоследствии и с Роже Гарро, представителем Сраживающейся Франции. Другие, представители стран настолько «незначительных», что они не могли рассчитывать на полноправное участие в предприятии, шли на всяческие унижения, чтобы снискать расположение старших компаний.

Однако, кроме «фonda», английское посольство использовало своих собственных, наиболее опытных разведчиков.

Пожалуй, самым примечательным в этом смысле было назначение на высокий дипломатический пост в Москве Джорджа Хилла.

Среди книг, купленных мною в лондонском книжном магазине перед самым отъездом в Россию, была книжка Хилла, озаглавленная «Иди шпионить». В дороге я прочел ее; это был наспех, кое-как написанный отчет о работе

английского секретного агента в России в 1917—1918 гг. У читателя не оставалось сомнений в том, что автор, офицер королевского воздушного флота, с некоторым стажем в области разведывательной службы, был одним из секретных агентов Великобритании в то время, когда прилагались все усилия к тому, чтобы помешать ленинскому плану установления мира на русско-германском фронте. Усилия эти потерпели полный крах, как и все диверсионные и террористические акты, к которым прибегала Интеллидженс сервис после Октябрьской революции. Тем не менее капитан Джордж Хилл был щедро вознагражден за свои труды — явление необычное, потому что, как правило, Интеллидженс сервис отрекается от своих агентов, когда они проваливаются. Книжонка заканчивалась славословием шпионам и предположением, что в будущем — она была напечатана в 20-х годах — борьба против большевизма представит широкое поле для шпионской деятельности.

Этот материальный шпион слыл добродушным весельчиком и весьма заботился о том, чтобы закрепить за собой именно эту репутацию. Невысокий, плотный, слегка кривоногий, с круглыми красными щеками, с лысой, похожей на биллиардный шар, головой, он представлял собой законченный образец стареющего волокиты, типа совершенно необычного для военной Москвы.

На самом же деле это был человек, обладавший всеми необходимыми для разведчика качествами. Он любил жить широко, и когда после неудачи его миссии в революционной России ему пришлось отойти от разведывательной работы, жизнь для него стала тягостной и серой. Но природная энергия и изобретательность, змеиная живучесть, способность переносить удары судьбы, не утрачивая вкуса к власти и комфорту, и несомненный актерский дар помогли Хиллу перепробовать с десяток профессий вплоть до начала второй мировой войны, когда он снова был призван к работе разведчика.

За мнимым добродушием этого человека крылась холодная расчетливая натура, и его пресловутая простота была одной из многих личин, которые он снимал и надевал по своему желанию. То преданный друг, расположенный к душевным беседам, то дипломат, искушенный в ведении переговоров, то любитель антисоветских анекдотов в американском вкусе, то восторженный поклонник русского народа; подлинное же его «я» было загадкой для многих.

Чем занимался Хилл в период между двумя войнами — точно неизвестно, но, повидимому, его хозяева были им довольны, так как в дипломатическом корпусе, когда я приехал в Куйбышев, только и говорили, что о гостеприимстве и превосходной кухне уже не капитана, а майора Хилла. Через некоторое время Хилл получил чин полковника, а перед самым окончанием войны был произведен в чин бригадного генерала. Между 1942 и 1945 гг. он возглавлял специальную военную миссию в Советском Союзе.

Назначение Хилла рассматривалось в дипломатических кругах как жест явного неуважения к Советскому Союзу со стороны английского правительства. Каждый разумный человек мог усмотреть в назначении Хилла только одно: решение восстановить шпионскую сеть в Советском Союзе. Однако в самом скором времени это назначение обернулось против его инициаторов. Выяснилось, что, вопреки всем надеждам и расчетам, советские органы отнюдь не расположены допускать, чтобы английские и американские военные миссии изучали их оперативные планы и занимались шпионажем. Та бдительность советских людей, которую роковым для себя образом не учли немцы, оценивая материальные и моральные силы Советского Союза, продолжала существовать, и никто не собирался от нее отказываться. |

Миссия Джорджа Хилла встречала со стороны русских внешне любезное отношение, но в самой этой любезности был оттенок презрительной издевки, словно ему хотели сказать: «Уж мы-то вас хорошо знаем! Что ж, если напростились — сидите, только не рассчитывайте причинить нам неприятности. Вам этого не удавалось раньше, не удастся и теперь».

Сам Хилл был не из тех людей, которых можно смутить подобным обращением. Он обладал двумя качествами, чрезвычайно важными для разведчика: настойчивостью и нечувствительностью к уколам самолюбия. Кому из английских или американских корреспондентов не приходилоось бывать в роскошно обставленном особняке в Гранатном переулке, с его букетами живых цветов, отличным винным погребом, превосходным угождением и любезными улыбками свободно изъясняющихся по-русски молодых офицеров? И кого из них толстый маленький бригадир после закуски и хорошей сигары не приглашал в свой кабинет побеседовать «по душам о русских делах»? Сол-

даты и офицеры разных военных миссий в Москве и очень многие дипломаты были не менее частыми гостями в особняке в Гранатном переулке. Хилл бесспорно лучше других был осведомлен о связях, имевшихся у иностранцев, живущих в Москве, с советскими гражданами.

Оказавшись в какой-нибудь компании русских, Хилл внимательно наблюдал за каждым из них, явно интересуясь прежде всего тем, какое положение они занимают в обществе и насколько пользуются влиянием среди своих сограждан. Если он приходил к заключению, что это простые люди, рядовые граждане Советской страны, то сразу терял к ним всякий интерес и, встретив их в другой раз на улице или в театре, не отвечал на поклоны. В тех же, кто чем-либо возбудил его любопытство, он вцеплялся как клещ.

Шпионская деятельность английских дипломатов во время войны наиболее наглядно, пожалуй, видна в том, с какой тщательностью и с каким размахом английское посольство пыталось использовать в своих целях ту часть польской эмиграции, находящейся в то время в Советском Союзе, которая была тесно связана с реакционным польским правительством в Лондоне. Очень скоро польское посольство и польская военная миссия превратились в филиал английской секретной службы.

Впрочем, так называемый «польский вопрос» заслуживает того, чтобы о нем сказать подробнее.

Как известно, в Куйбышевскую и Саратовскую области в 1941 году стекались поляки, бежавшие от немецких оккупантов. Мужчины призывного возраста вступали в армию Андерса, надеясь, что, как хорошо обученные и вооруженные солдаты, они рано или поздно примут участие в боях с немцами. Гражданское население, бежавшее из Польши во время оккупации, было эвакуировано в глубокий советский тыл. Все они были убеждены, что, пройдя горнило войны, советско-польские отношения обретут новую, дружественную основу.

Но большинство представителей польского эмигрантского правительства, находившегося тогда в Лондоне (почему их и называли «лондонскими поляками»), придерживалось совершенно иного взгляда на перспективы советско-польских отношений и делало все возможное, чтобы и широким массам поляков внушить недоверие к Советскому Союзу.

Прежде всего работники польской военной и политической разведок, действуя по указанию англичан, объявили, что долг каждого поляка — сообщать польским властям решительно все, что ему известно о Советском Союзе. Скоро в польском посольстве появились толстые папки с информационными материалами, копии которых передавались в «фонд». Когда в 1943 году Советский Союз разорвал дипломатические отношения с «лондонскими поляками», англичане, уже не таясь, забрали эти папки. Посещавшим польское посольство дипломатам показывали огромную карту, на которой обозначены были места, где жили польские беженцы, и предлагали дать информацию по любому вопросу жизни в СССР.

В среде высшего офицерства, принадлежавшего по большей части к замкнутой касте старой польской военщины, господствовало пораженчество. Польские штабные офицеры в куйбышевском Гранд-отеле совершенно открыто говорили о своих планах организации, после падения Красной Армии, временного польского государства на Волге, откуда потом, дескать, начнется польское контрнаступление на Восточном фронте и закончится возвращением в Варшаву. Ввиду этого, доказывали они, нецелесообразно вводить польские дивизии в бой вместе с Красной Армией, когда их обучение будет закончено.

В трагической истории Польши особенно памятны мрачные дни, когда десятки тысяч польских патриотов, вступивших в армию в надежде встать лицом к лицу с врагом на Восточном фронте, были выведены из боевого строя накануне этого величайшего сражения и посланы в дальнее путешествие по Среднему Востоку, в конце которого многих из них ожидала унылая и тяжелая жизнь эмигрантов.

Польские реакционеры в Куйбышеве, подстрекаемые своими лондонскими покровителями, открыто агитировали против идеи второго фронта в Западной Европе. Они боялись, как бы западные державы не израсходовали своих сил слишком рано, они строили свои расчеты на том, чтобы в Польшу первыми вступили войска западных держав, наступая с юга, через Балканы. Для польской реакции это была бы единственная возможность захватить власть в стране. Многим из этих польских ультранационалистов грезилась Центральная Европа с польско-чехословацкой федерацией в качестве господствующей славянской

державы. С самого начала этот проект получил официальное благословение Форейн оффис. Брюс Локкарт, известный английский разведчик, принимал активное участие в подготовке этих планов.

Локкарту помогал Виктор Казалет, личный адъютант Черчилля, известный своими промюнхенскими и прогабсбургскими настроениями. Казалет происходил из семьи, имевшей крупные денежные интересы в царской России. По приезде в Куйбышев в 1941 году Казалет высказывал друзьям свой взгляд на чешско-польские отношения — взгляд, который Форейн оффис находило «вполне здравым». Поляки, говорил он, пользуются симпатией у правых англичан, чехи — у левых. Пусть они объединятся, и им обеспечено хорошее отношение всей Великобритании.

Успехи Красной Армии развеяли впрах все эти эфемерные планы. Однако кое-кто из поляков с ними не расстался, и это была одна из причин, почему Андерс и его штабные офицеры уже зимой 1941 года замышляли вывод польских вооруженных сил из Советского Союза и передачу их под английское командование для будущего похода через Балканы.

На Востоке Советская Армия одерживала новые и новые победы. Второй фронт в Европе все еще не открылся. Было ясно, что освобождение Польши придет с Востока. Теперь «лондонским полякам» — этой кучке своекорыстных честолюбцев, отнюдь не являвшихся представителями своей нации, осталась одна только ставка — посеять вражду между славянскими народами, поднять в Польше восстание не против немцев, но против русских, украинцев, белорусов. Гаков был план Андерса, поддержанный Форейн оффис.

Понятно, что Советское правительство не могло поддерживать отношения с этим предательским польским правительством. И в скором времени последовал разрыв.

Очень многие общественные деятели на Западе, под влиянием коварной и щедро финансируемой англичанами пропаганды польского эмигрантского правительства, в недоумении спрашивали себя: какую же позицию займет в будущем Советское правительство по отношению к Польше? Именно это побудило меня обратиться с письменными вопросами к И. В. Сталину.

Это было в Москве весной 1943 года. Я спросил маршала Сталина, желает ли правительство СССР видеть

сильную и независимую Польшу после поражения гитлеровской Германии, и далее — на каких основах должны, с точки зрения маршала Сталина, строиться послевоенные отношения Польши и СССР?

Ночью, ровно через сутки, меня разбудил телефон, звонивший с необычайной настойчивостью. Звонили из отдела печати НКИД, предлагая немедленно туда явиться. Я поспешил оделся, захватив на всякий случай пишущую машинку, и вышел из «Метрополя» с тем приятным чувством ожидания, которое испытывает каждый журналист в предвидении сенсационной новости.

Была прекрасная майская ночь. На зданиях Театрального проезда еще висели портреты советских вождей, выставленные к первомайскому празднику. Этот май, первый после Сталинградской победы, Москва праздновала с особым чувством торжества, и даже в этот поздний час в притихших по-военному улицах еще оставалось что-то от праздничного оживления.

— Имею честь вручить вам письмо от председателя Совета Народных Комиссаров Иосифа Виссарионовича Сталина,— сказал один из работников отдела печати и передал мне большой белый конверт.

«Посылаю Вам мои ответы», — гласило врученное мне письмо.

1. Вопрос: Желает ли Правительство СССР видеть сильную и независимую Польшу после поражения гитлеровской Германии?

Ответ: Безусловно желает.

2. Вопрос: На каких, с Вашей точки зрения, основах должны базироваться отношения между Польшей и СССР после войны?

Ответ: На основе прочных добрососедских отношений и взаимного уважения, или, если этого пожелает польский народ, — на основе союза по взаимной помощи против немцев, как главных врагов Советского Союза и Польши.

С уважением

И. Сталин.

4 мая 1943 г.»

Таким образом, ответы советского вождя, ясные, точные, свободные от дипломатических околичностей, разрушили все планы «лондонских поляков», как карточный домик.

Сочувствие к «лондонским полякам» в кругах западных дипломатов в Москве приняло форму самой ярой враждебности к демократическим представителям польского народа, с которыми сотрудничал Советский Союз, стремясь к установлению крепкой и подлинной дружбы с Польшей. В дипломатическом корпусе не гнушались никакой клеветой, никакими выпадами против Союза польских патриотов, против Комитета национального освобождения, организованного в Холме, против люблинского правительства. Английская военная миссия грубо отказалась прислать своих представителей для участия в церемонии вручения знамени польским дивизиям, обученным на Оке и готовым выступить против врага плечом к плечу с Красной Армией.

В мае 1944 года посетившая Москву делегация Польской народной армии обратилась к послам Англии и США с просьбой о снабжении оружием. Ответа не последовало. А между тем антисоветские группы в Польше продолжали получать английское и американское вооружение. В то время как пламенные призывы Союза польских патриотов находили горячий отклик в сердцах всех поляков, живущих в Советском Союзе, английские дипломаты повторяли клеветнические измышления лондонского польского правительства о новой польской армии, сформированной в СССР.

Помню, какой крик поднялся после моей статьи в «Таймс», описывавшей, как Советское правительство помогает польскому гражданскому населению сохранять польские обычаи и традиции. Я написал эту статью, побывав в детском доме для польских сирот в Загорске, где дети воспитывались в духе истинного польского патриотизма. А несколько позднее, когда, после поездки в освобожденный Люблин, я был настолько восхищен всем виденным, что позабыл об осторожности и во все-слушание объявил о своих симпатиях к демократическому правительству, мне пригрозили увольнением из «Таймс».

Эта история заслуживает того, чтобы о ней рассказать подробнее. Люблин в то время не имел телеграфной связи со странами Европы. Единственным средством связи была радиостанция небольшой мощности. Польские власти предложили иностранным корреспондентам передавать свои статьи по радио, предварительно обращаясь к радиослушателям с просьбой сообщить содержание статей в ре-

дакции газет, для которых они предназначались. Опыт удался; несколько английских радиослушателей позвонили в редакцию «Таймс» и передали туда содержание моей корреспонденции.

Вернувшись в Москву, я обнаружил, что ни одна строчка моей статьи о создании первого польского правительства на освобожденной польской земле не попала в печать. Вскоре пришло весьма суровое письмо от редактора с выговором «за выступление по радио с пропагандой в пользу польского правительства».

Несмотря на дальность расстояния между Москвой и Лондоном, до меня доходили отголоски дискуссии, разгоревшейся в редакции «Таймс» по поводу «отсутствия объективности», которым якобы грешат сообщения их корреспондента из Советского Союза.

У меня были все основания подозревать, что источник недовольства находился в английском посольстве в Москве, где, вероятно, предпочли бы видеть на моем месте корреспондента, ничего не имеющего против предварительной «обработки» его сообщений.

Весь ход англо-советских отношений в польском вопросе отражал классовую борьбу, развертывавшуюся в Польше параллельно с борьбой за национальное освобождение.

Когда деятели польской крестьянской партии во главе со Станиславом Миколайчиком, недовольные конституцией 1935 года, готовы были пойти на замену ее конституцией 1921 года, Фрэнсис Бидл, посол США при эмигрантском польском правительстве, и Форейн оффис употребили все свое влияние, чтобы удержать их от подобного шага.

В 1944 году, во время пребывания Миколайчика в Москве, представитель западной печати подробно расспрашивал его о том, как он относится к конституции 1935 года. Из всех публичных высказываний этого политического деятеля (а о Миколайчике шла слава, что каждый раз, когда он открывает рот, он говорит лишнее) его ответ на этот вопрос является, пожалуй, самым ярким разоблачением его собственной политики. «Я не питают особой симпатии к конституции 1935 года, я, собственно, даже не признаю ее», — заявил человек, возглавлявший правительство, созданное на основе этой самой конституции. «Но тем не менее было бы не по-джентльменски вносить в нее изменения», — продолжал он, и корреспонденты едва удержи-

вались от смеха, слыша из уст польского «крестьянского вождя» слова, столь явно отштампованные в английском Форейн оффис.

Когда Николайчик в следующий раз приехал в Москву, уже в качестве вице-премьера варшавского правительства, мне пришлось беседовать с ним. Я спросил, что думает делать его партия, чтобы привлечь голоса крестьянства. «Мы прежде всего,— отвечал он,— должны подумать о том, как возместить себе потерю тех крестьянских голосов, которые могут уйти к коммунистам. Моя партия будет искать поддержки у городской буржуазии, в частности, у тех ее слоев, которые лишатся своей собственности». Это мне очень напомнило слышанные еще до войны высказывания Маниу, Годжи и других правых лидеров аграрных партий Восточной Европы.

Антисоветская позиция большинства англо-американских дипломатов в польском вопросе достигла апогея во время битвы за Варшаву. Их симпатии были особенно велики к Бур-Комаровскому, военному представителю «лондонских поляков», по инициативе которого вооруженные силы в Варшаве начали восстание без согласования с действиями Красной Армии. Трагедия Варшавы полностью обличает предательство польского лондонского правительства и английских правящих кругов.

Во время битвы за Варшаву группа корреспондентов побывала в Люблине и там услышала от очевидцев рассказ о том, как люди, ставившие свои эгоистические интересы выше патриотического долга, спровоцировали это преждевременное восстание.

Восстановить правдивую картину варшавского восстания было особенно важно в те дни потому, что общественное мнение на Западе всячески сбивали с толку различные официальные и полуофициальные представители печати, приходившие в ярость при одном упоминании о дружбе между Советским Союзом и Польшей и распространявшие злобную и беспардонную клевету о событиях в Польше.

В те дни, когда мы находились в Любlinе, Висла уже была форсирована и к югу и к северу от Варшавы. С южной стороны, в Варке, польские и советские войска отбили ожесточенные атаки немецких танковых дивизий. Продвижение к северу от Варшавы не дало ожидаемого эффекта из-за ожесточенного сопротивления немцев в Восточной

Пруссии. Командование Красной Армии разработало план окружения немцев в Варшаве, чтобы таким путем спасти столицу Польши от разрушения, неизбежного при фронтальном наступлении.

Польские войска, сражавшиеся бок о бок с Красной Армией, были поставлены в известность о советском плане обхода Варшавы, и генерал Жимерский говорил нам, что он и его штабные офицеры видели в этом плане единственную возможность спасти Варшаву от разрушений.

Однако польские эмигранты в Лондоне были заинтересованы лишь в том, чтобы захватить, вопреки народной воле, власть в Варшаве, прежде чем туда придут войска Красной Армии и польского Комитета национального освобождения.

Весь план варшавского восстания был, в сущности, подчинен одной основной цели: обеспечить захват всех главных правительственныех зданий, как только разожмется немецкий кулак, удерживающий город. Тотчас же вслед за этим должна быть провозглашена власть правительства Миколайчика. С теми силами и тем количеством оружия, которые имелись в наличии, нельзя было рассчитывать занять Варшаву иначе, как в последний момент. К длительным боям даже и не готовились. Это был чисто политический план.

Варшавяне, истомившиеся в немецкой оккупации, страстно жаждавшие освобождения, горячо отзывались на призыв взяться за оружие. Они не могли знать, что не было сделано никакой попытки согласовать план восстания с командованием Красной Армии. Они не могли знать, сражаясь против превосходящих сил противника в Старом городе, на Театральной площади и в Политехническом училище, что самый план восстания делал невозможным снабжение оружием с воздуха. Они не могли знать, что когда польские освободительные войска по ту сторону Вислы предложили доставить повстанцам оружие, Бур-Комаровский отказался сообщить координаты тех двух пунктов за чертой города, куда можно было безопасно сбросить с самолета груз. Только те, кому удалось улететь в разрушенном городе, узнали впоследствии, как их предали миколайчиковские политики, активно поддержанные Лондоном.

Полгода спустя после варшавского восстания, в январские сумерки, я смотрел на этот город с бывшего наблю-

дательного пункта на крыше богатой виллы в Саско-Кемпа. Неподалеку виднелся затейливый переплет вмерзших в лед Вислы ферм моста Понятовского. Похожие на коробочки домики этого фешенебельного предместья Варшавы казались рябьми от шрапNELи. За нами была освобожденная Прага, холодная, голодная, но полная патриотического воодушевления. Но за Вислой Варшава казалась мертвой. Пожары дрогорели. На вечернем небе алела узкая полоса заката, точно знамя, приспущенное в знак уважения к павшим варшавянам. Скорбным силуэтом вырисовывались на этом фоне очертания разрушенных домов. Оттуда доносились приглушенные расстоянием звуки — то грохот обвалившейся стены, то звон железной балки, рухнувшей под тяжестью обломков. С правого берега Вислы тоскливо смотрели на это трагическое зрелище польские солдаты, помнившие Варшаву красивым, вечно веселым городом...

Я остановился так подробно на польском вопросе потому, что он наиболее ярко показывает черную измену английских правящих кругов в дни, когда советский народ вел напряженную, героическую борьбу против гитлеровской Германии.

Г л а в а VII

НАРОДЫ СТАВЯТ ВЕХИ

Народы всего мира встретили весть о победе над гитлеровской Германией торжественно, с глубокой радостью, к которой примешивались слезы горя, сурово сдерживающего во время войны.

В День Победы я вспомнил своего любимого друга, замечательную чешскую женщину. Ее казнили немцы в Шарлоттенбурге 25 мая 1943 года. Когда эта женщина сидела в тюрьме Панкрац, о мужестве ее ходили легенды. Другая чешка, сидевшая с нею в одной камере, вылепила ее голову из хлебного мякиша и после казни подруги переслала эту крошечную скульптуру в Прагу вместе с ее одеждой. Ее прекрасная голова напоминала «Флору» Боттичелли. Перед самой смертью эта верная дочь чешского народа написала письмо, в котором звучала глубокая вера в то, что для Чехословакии наступит новая жизнь.

Новая жизнь пришла в Чехословакию после ее освобождения Советской Армией. Мой друг чех, принадлежавший к интеллигентным кругам Праги, писал мне о дне освобождения:

«Мы услышали громкие крики радости. Народ бежал со всех сторон к советским танкам. Наши освободители — русские — казались нам братьями, с которыми мы долго, слишком долго были разлучены. Мужественные, приветливые, они обнимали нас, ласкали детей, раздавали им сладости, поднимали их на танки и машины. Это самые яркие и радостные впечатления в моей жизни. Да не будут никогда нарушены узы, связавшие нас с нашими дорогими братьями!»

А вот что писал другой мой знакомый чех:

«То были русские! Я переживал самые замечательные минуты в моей жизни! Какими утомленными казались эти молодые воины, стоявшие в открытых люках запыленных танков, переваливших через горы, — живое олице-

творение всего того, что я представлял себе при слове «Россия». Великодушные, благородные люди с широкой натурой... Я сразу почувствовал, что они — свои, что они для нас не чужеземцы. Танки проходили не задерживаясь, за ними появился грузовик. Шофер, украинец, подхватил на руки нашу маленькую Славку и, целуя ее, сказал, что у него дома дочка такого же возраста».

Дни освобождения Восточной Европы были началом нового пути, по которому идут эти страны.

В английских официальных кругах много говорили о том, что послевоенная Восточная Европа слишком истощена, чтобы возродиться без усиленной технической и материальной помощи со стороны Соединенных Штатов. Говорили об «экономической помощи», а имели в виду политическое закабаление. Но освобожденные народы Восточной Европы отвергли эту «помощь». Словно феникс из пепла, поднималась Восточная Европа из руин, поднималась с помощью Советского Союза.

Новая жизнь строилась в напряженной борьбе с теми, кто продолжал толкать страны Восточной Европы в объятия Америки, кто никак не хотел понять, что времена Мюнхена для Чехословакии давно прошли. Я видел сам эту новую жизнь, побывав в Чехословакии и Польше.

На борту самолета, вылетевшего из Москвы, были генерал Свобода, премьер-министр Фирлингер и члены его правительства. Мы пролетели над страшными развалинами Варшавы, над Вроцлавом, где только начинала вновь теплиться жизнь, и уже к вечеру пересекли границу Чехословакии в Судетских горах.

— Здесь так прекрасно,— сказал Вацлав Носек, сын горняка, ныне министр внутренних дел Чехословакии, в то время как мы, вытягивая шеи, любовались причудливым рисунком горных кряжей.

Все согласились с ним; действительно, страна, в которую они возвращались, была прекрасна. Мы летели над тесно застроенными деревнями, реками, текущими между ровных берегов, над безупречно возделанными полями. Потом как-то неожиданно мы оказались над Прагой, полускрытым от нас голубовато-серым туманом, сквозь который поблескивала Влтава, река мягкого жемчужного цвета. Мы приземлились на Ружинском аэродроме, усеянном разбитыми немецкими самолетами и украшенном красными и трехцветными чехословацкими флагами.

Итак, я снова был в Праге. Какой стала она после стольких лет оккупации и войны?

* * *

На протяжении первых месяцев после окончания войны холл пражской гостиницы «Алькрон» в послеобеденные часы превращался как бы в сточную яму, куда выливалось все прогнившее, обреченное, что было в чехосlovakском обществе, все элементы, обуреваемые тщеславием и страхом.

Здесь были промышленники, поспешно вернувшиеся из Швейцарии и Аргентины, чтобы заявить права на свою собственность и закрепить за собой что удастся; судетские немцы, надеющиеся получить чехосlovakское гражданство, чтобы не потерять права собственности на дома, и в панике ищащие поручителей; американцы — работники ЮНРРА, которые во время мюнхенского кризиса были известны своими антисоветскими взглядами и которым теперь не разрешали посещать чешские металлургические заводы для выполнения «благотворительных поручений»; молодчики с бегающими глазами, имеющие репутацию людей, способных «наладить дело» с министерством внешней торговли. Они назначали свидания дельцам, надеющимся вывезти свой капиталы. Тут были обескураженные генералы, которые в свое время делали ставку на то, что Прагу освободят американцы; теперь им грозила потеря 5 процентов комиссионных (оплачиваемых в долларах) за контракты на вооружение, заключенные ими в Лондоне. Тут можно было встретить вкрадчивых молодых женщин, старающихся избавиться от привычки говорить по-немецки, ожидающих, что кто-нибудь увезет их в оккупированный американцами Пльзень. В маленькой комнатушке за вестибюлем фокусник-хорват совершил подпольные биржевые сделки. Его любимой штукой было незаметно снять подтяжки с жертвы своего юмора. Здесь у кельнера, работавшего прежде в гестапо, можно было купить бутылку сливовицы за 1 600 крон. Худощавый молодой человек с длинными ресницами, рекомендующий себя одним из крупнейших землевладельцев в Моравии, приглашал к себе в имение в гости всякого, кто сможет достать бензин. Узнав, что распределять горючее имеют право русские, он содрогнулся и вернулся к своему лимонаду — эрзацу цвета ржавчины и без сахара.

Все чего-то ждали. Ждали демобилизации, эвакуации иностранных армий из Чехословакии, обещанного улучшения продовольственного положения, ждали, что грузовики привезут из Лондона оставленную там обстановку, ждали жен из Швеции, возврата имущества, ждали, что вот-вот начнется контрреволюция или что кто-нибудь, может быть, предложит американскую сигарету.

В ресторане, куда имели доступ только чиновники и политические деятели, можно было встретить самодовольного монсеньора Гала, чья наружность добродушного деревенского священника маскировала каменное сердце иезуита; Петера Зенкла, национал-социалистского лидера, чей «национализм» выражался в том, что он старался продать независимость своей страны Америке, и чей «социализм» не допускал национализации важнейших отраслей промышленности страны; Вацлава Майера, министра продовольствия, кому завидовали многие его сотоварищи-министры, так как он распоряжался огромным количеством спиртного. Вокруг каждого из этих продажных представителей старого мира увивались чешские политики младшего поколения — духачеки, странские и таборские, соперничавшие друг с другом из-за мест и милостей и расчетливо прикидывавшие, в какую партию выгоднее вступить.

Все эти отбросы чехословацкого общества путались под ногами у народа, мешая ему идти по новому пути. И именно среди этих политиков в отставке, среди тех, кто смертельно ненавидел новую Чехословакию, — именно среди них англо-американские представители искали и находили опору для своей подрывной работы в Восточной Европе.

Очень скоро стало очевидным, что англо-американская дипломатия в послевоенной Чехословакии намеревалась употребить все свое влияние, чтобы помешать осуществлению широких планов перестройки экономической, политической и социальной жизни страны, которые большинство чехов и словаков желало выполнить в более короткий срок. Впоследствии посольства Англии и Соединенных Штатов использовали в своих целях правую верхушку так называемых оппозиционных партий, которая по их заданию готовила реакционный переворот в Праге, к счастью своевременно раскрытым демократами Чехословакии.

Форейн оффис всеми мерами пыталось помешать чехословацкому народу встать на путь построения социализма

и дружественного сотрудничества с Советским Союзом. Английское посольство в Праге, возглавляемое Филиппом Никольсом, не щадило усилий, чтобы оказать давление на развитие политических событий в Чехословакии. В первые месяцы после окончания войны эти усилия сводились к тому, чтобы убедить президента Бенеша ограничить деятельность прогрессивных элементов в правительстве, созданном после длительных переговоров между лидерами четырех партий, образовавших Национальный фронт.

Президент упомянул об этих попытках во время данного им мне интервью в Градчанах, в Праге в июле 1945 года. В ответ на вопрос о том, как далеко пойдет Чехословакия в проведении мероприятий по социализации и национализации, президент весьма недвусмысленно дал мне понять, что он употребит все свое влияние, чтобы не допустить повторения случившегося после первой мировой войны. «Тогда, — сказал он, — англо-французская буржуазия в страхе перед большевизмом помешала чешскому и словацкому народам создать социалистическое государство».

«Мы не можем рассчитывать, — заметил он, подчеркивая свою мысль характерным для него, чем-то похожим на профессорский жестом, — мы не можем рассчитывать, что они вновь не попытаются оказывать на нас давление. Но теперь имеются три новых фактора. Во-первых, существование Советского Союза как великой державы; во-вторых, уважение, которым пользуются коммунисты в нашей стране, благодаря их безупречному поведению в дни сопротивления; в-третьих, уроки Мюнхена еще долго будут заставлять наш народ относиться к Западу с большим подозрением. Пусть вас не вводит в заблуждение то, что у нас воздают должное британским военным усилиям. Это чувство вполне искренне. Но могу заверить вас, оно испарится в одну секунду, если, во-первых, наш народ заподозрит, что Англия старается повернуть нас против Советского Союза, и, во-вторых, если он увидит, что Англия участвует в заговоре по восстановлению агрессивной монди Германии».

«Некоторые из ваших соотечественников, — сказал в заключение президент, — говорят мне о том, что Чехословакия должна быть мостом между Востоком и Западом. Но беда в том, как говорил Ян Массарик, что по мостам проходит слишком много народа. А мы не хотим, чтобы через Чехословакию вновь проходил кто-нибудь».

В это первое лето мира я имел много случаев убедиться в том, что народ Чехословакии твердо встал на путь дружбы с Советским Союзом. В Братиславе я присутствовал на массовом митинге, посвященном единству славянских народов. Тысячи людей, одетых большей частью в крестьянскую одежду и заполнивших великолепный естественный амфитеатр, спускающийся от развалин Девина, горячо приветствовали ораторов, говоривших о славянской солидарности.

Дипломатические представители западных держав со все возрастающей недоброжелательностью относились к этим новым настроениям в послевоенной Чехословакии. Прожив некоторое время в Праге, я убедился, что большинство попыток помешать объединению народа Чехословакии исходит из англо-американских дипломатических кругов. Каждый раз, когда раскрывалась политическая интрига или контрреволюционный заговор, можно было проследить нити, идущие к «информационным агентствам», обществам «культурных отношений» и специальным миссиям, через которые дипломаты делали свое дело, пытаясь сыграть на «борьбе между Западом и Востоком». Промышленники, банкиры, землевладельцы и католическое духовенство, тоскующие о «добром старом времени» и понимавшие, что восстановить свои привилегии они могли бы лишь насильственным путем, ожидали от иностранного империализма помощи и поддержки, и, надо сказать, в редких случаях их ожидания не оправдывались. Американский посол Лоуренс Штейнгарт не скрывал своих симпатий к такого рода людям. Для них он устраивал роскошные приемы, на которых вместе с десертом подавались найлоновые чулки в целлофановых пакетах.

Впрочем, за найлоновые чулки и за кое-что другое, полученное от англо-американских дипломатов, предатели чехословацкого народа, конечно, должны были платить. И они платили шпионажем и диверсиями.

На границе Чехословакии с Германией чешским пограничникам приходилось отбивать атаки вооруженных банд диверсантов, в которые зачастую входили немецкие эсэсовцы. Чехи были убеждены, что эти вооруженные подпольные банды террористов имеют хорошую связь с американской зоной Германии. Справедливость этих предложений подтверждают найденные фотографии американских грузовиков и свидетельства пленных.

Справки, наведенные в Праге, убедили меня в том, что так именно и обстояло дело. Британское консульство в Пльзене, возглавляемое офицером разведки, который прежде состоял при польской армии в Лондоне, фактически служило пересыльным пунктом для польских ренегатов. Более того, дипломаты пользовались своим иммунитетом, чтобы контрабандой провозить недовольных судьбой чехов и поляков из Праги в Пльзень.

Мне доподлинно было известно, что члены семьи Бур-Комаровского были тайно вывезены из Польши через Чехословакию в Нюрнберг именно этой подпольной дорогой.

В 1947 году была установлена подобная же связь, на этот раз американским генеральным консулом в Братиславе, чтобы помочь бандам украинских националистов — бендеровцев, состоявшим, главным образом, из немецких эсэсовских офицеров, прорваться через горы Словакии и австрийскую границу в американскую зону оккупации.

Оказывая, при содействии реакционных католических священников и «мягкосердечных» чиновников из словацкой администрации, помочь преступным националистическим элементам, англо-американские представители стремились, таким образом, оживить у них надежды на то, что война между Востоком и Западом неизбежна. Именно в это время агенты англо-американской реакции пытались сорвать продажу крестьянами зерна государству по всей Чехословакии, применяя гитлеровскую технику распространения слухов о том, что «пятнадцатого числа начнется война».

Со времени февральских событий 1948 года, когда прогрессивные силы в Чехословакии нанесли сокрушающий удар реакции, центр заговора против нынешнего народного чехословацкого правительства открыто переместился в Вашингтон, как об этом заявил в апреле 1949 года представитель так называемого «Совета свободной Чехословакии» — эмиграционной организации чехословацкой реакции.

Уже в первые месяцы после окончания войны народ Чехословакии был далеко не лестного мнения об американцах. Это объяснялось аморальным поведением американских войск в Западной Богемии («Джон помешан на девочках», — говорили чехи). Мне самому довелось наблюдать американские нравы в Западной Богемии. Но ночам нам не давали спать хриплые песни пьяных американских солдат, которые торговали сигаретами и за коробку

консервов покупали любовь голодающих немок. Отчасти отношение чехов к американским оккупационным войскам объяснялось также беспактностью, с которой американцы выступали в защиту эсэсовцев и пленных немецких солдат.

Наиболее бесстыдным из всех действий англо-американских дипломатов, направленных против интересов чехословацкого народа, была попытка помешать выселению судетско-немецкого меньшинства. Они отказывались расселить судетских немцев в американской и английской зонах оккупации и пытались оказать дипломатический давление на Прагу. Британское министерство иностранных дел, предавшее Чехословакию Гитлеру, теперь имело наглость читать чехам мораль о «бесчеловечности» выселения. Англичане назначили в Карловы-Вары вице-консула Бандру, главной обязанностью которого, по собственному его признанию, было собирать материал о «зверствах» над судетскими немцами.

Без сомнения, англо-американские дипломаты надеялись создать из судетско-немецкого вопроса еще одну «проблему», подобную тем, при помощи которых им в прошлом удавалось разобщить народы Центральной и Юго-Восточной Европы. Однако чехословацкий народ вскоре убедился, что в лице Советского Союза он имеет друга, на чью помощь он может полностью рассчитывать при решении всех вопросов. На Потсдамской конференции советская делегация твердо и недвусмысленно поддерживала точку зрения чехословаков, утверждавших, что быстрое и радикальное решение судетского вопроса является единственным путем к установлению в будущем нормальных отношений между Чехословакией и новой демократической Германией.

Мне не раз приходилось бывать в Праге в послевоенное время, и я воочию убедился, какое большое зло причинили чехословацкому народу британское и американское посольства, ставящие своей целью разбить единство народа, всячески поощряя и вдохновляя реакционных лидеров буржуазных партий. Того, чего чехословацким реакционерам не удалось добиться путем пропаганды и политических интриг, они старались добиться саботажем и подготовкой мятежа и государственного переворота. Но они натолкнулись на сопротивление народа, твердо решившего бороться за построение новой Чехословакии.

Вспоминая, какой была Восточная Европа в довоенные годы, я больше всего поражаюсь тем гигантским изменениям, которые произошли во взаимоотношениях между восточноевропейскими странами.

Эти новые государственные взаимоотношения в Восточной Европе особенно наглядно проявились в развитии экономики этих стран.

Одним из ярких примеров новых преобразований в Восточной Европе является работа Совета экономического сотрудничества между Польшей и Чехословакией, созданного в 1947 году. Один из видных членов Совета — чехословацкий представитель Лебль — обрисовал мне недавно картину достижений и планов этого Совета. Рассказав о соглашениях, которые были заключены Советом по вопросам совместного планирования, транспорта, внешней торговли, совместных капиталовложений, он обратил мое внимание на особенность польской и чехословацкой экономики, которая заключается в разделении труда между этими двумя странами так, чтобы каждая развивала те отрасли промышленности, для которых имеются большие ресурсы в стране.

В результате этого, например, к концу 1948 года, Польша разместила в Чехословакии большие заказы на капитальное оборудование в обмен на продовольствие и сырье. В довоенной Восточной Европе такие меры экономической взаимосвязи между Польшей и Чехословакией были бы невозможны. Обе страны начали строительство общих мощных электростанций в индустриальных районах польской Силезии и чехословацкой Моравии.

Из всех изменений, произошедших в Восточной Европе, освобожденной от иностранной оккупации и владычества реакции, индустриализация Словакии и восстановление польской Силезии являются, пожалуй, наиболее значительными.

Индустриализация Словакии идет в пятнадцать раз быстрее, чем это было при господстве капиталистов. Этим путем будет положен конец искусственно поддерживавшейся отсталости Словакии. Нигде, кроме Советского Союза, еще не были взяты такие быстрые темпы.

Этот прогресс, ощущающийся в каждой деревне и городке на склонах словацких гор, оказался возможным только благодаря тому, что новая Чехословакия строит свою экспортную экономику на совершенно новой основе.

Стране, наметившей себе широкий план развития, чрезвычайно важно иметь постоянный рынок для сбыта своей продукции и приобретения нужных ей товаров. Причем чрезвычайно важно, чтобы торговля велась на принципах взаимности и полного сохранения национального суверенитета. Плановая социалистическая экономика Советского Союза и стран, участвующих вместе с ним в Совете экономической взаимопомощи, дает возможность Чехословакии и другим странам Восточной Европы быстро восстанавливать свое хозяйство.

В прошлом огромные отели, стоящие высоко в горах среди лесов Словакии, существовали для важных гостей из Праги и Братиславы, Будапешта и Вены. Как только кончался короткий сезон, их владельцы закрывали окна ставнями и разъезжались. Недавно я посетил горы Татры; теперь в этих отелях расположены дома отдыха для рабочих и крестьян, причем многие из отдыхающих ничего не платят за свое содержание. Иностранные дипломаты в Праге жаловались, что рыбная ловля для них «испорчена» и что прогулки в горах в компании простолюдинов «не доставляют удовольствия». Но трудящимся Чехословакии мало до этого дела, они впервые в жизни воспользовались благами, которыми располагает их родина. Сегодня в Словакии, стране песни, звучат новые мотивы. Печальные, унылые песни прошлого, тосклиевые песни рабов уступили место бодрым, жизнерадостным напевам.

Летом 1948 года я поехал из Братиславы в деревню Новая Косаришкя. По виду Косаришкя представляет собой типичную словацкую деревню. Дома расположены вдоль широкой единственной улицы, внушительные ворота отгораживают внутренние длинные дворы. Стоящая на плодородных суглинках Житного острова, эта деревня, прежде населенная немцами, при послевоенном переделе земли была предоставлена бедным крестьянам. Три года назад эти крестьяне жили в другой деревне — Старой Косаришке. Это была одна из самых бедных словацких горных деревушек. Земли там было мало, да и та, что была, почти ничего не родила. В прежние годы в бесплодных поисках счастья оттуда эмигрировало в США много народа.

В 1942 году двое русских, бежавших из немецкого плена, нашли приют в Косаришке. В течение двух лет жители прятали их и заботились о них. В 1944 году, когда в центральной Словакии было поднято восстание против немцев,

эти двое русских убедили жителей деревни присоединиться к восставшим. В награду за проявленный патриотизм, после изгнания немцев и их прислужников, жители Косаришки были в числе первых внесены в список тех, кого предполагалось наделить конфискованной землей.

В горной деревне, откуда они вышли, только двое крестьян имели более чем по два га земли. В Новой Косаришке после земельной реформы каждая семья получила около 12 га. От Старой Косаришки железнодорожная станция находилась в 14 км; от новой деревни до станции не более 10 минут ходу. В 1948 году все избиратели Косаришки голосовали за правительство Клемента Готвальда. Никто из них теперь, конечно, не думает об американском «счастье»—достаточно они его хватили и в бытые времена...

Таким образом, все пророчества англо-американских дипломатов о том, что Чехословакия «не встанет на ноги» без помощи США, провалились. Между «планом Маршалла» и национальной независимостью Чехословакия выбрала последнее; что же касается помощи, то она ее получает в достаточной мере от Советского Союза.

Впрочем, то же самое можно сказать не только о Чехословакии, но и о всех странах новой народной демократии, в частности о Польше. Установление польской границы по Одеру представляет собой лучшее из всех возможных решений проблемы границ между Польшей, Чехословакией и Германией. Поляки, уверенные в поддержке Советского Союза, который хочет видеть Польшу сильной и демократической, добились замечательных успехов, особенно в Силезии.

После окончания войны я впервые побывал в Силезии на Одре в 1946 году, когда Вроцлав был все еще в развалинах и в нем так мало было признаков жизни, что он едва ли заслуживал названия города. Приехав туда в последний раз на Конгресс в защиту культуры и мира осенью 1948 года, я увидел цветущий деловой город, окруженный обработанными полями, с которых был собран богатый урожай.

В 1948 году во Вроцлаве была открыта выставка, посвященная показу новых условий жизни в Силезии.

В павильонах, спроектированных и оборудованных наиболее талантливыми польскими художниками, можно было увидеть, какие усилия прилагались для ликвидации серьезнейших последствий военных разрушений.

Война нанесла страшный урон сельскому хозяйству возвращенных Польше территорий. Около 124 тысяч ферм были полностью разрушены или серьезно повреждены. Погибло много скота, особенно рабочего, и большая часть тракторов уничтожена.

Сразу же после окончания войны, когда Вроцлав все еще стоял в развалинах, две крестьянские семьи из центральных районов Польши поселились в бывшей немецкой деревне в шести милях от города. Постепенно сюда приехали и другие поляки. Когда я побывал в этой деревне в 1946 году, большая часть амбаров и конюшен все еще была без крыш, хотя в них уже стояли 11 коров и 3 лошади. Я тогда заметил про себя, что если кто-нибудь захотел бы доказать, что поляки, получив новые территории, откусили кусок, который им не прожевать, он мог бы привести в пример эту полуразрушенную, заброшенную деревню.

В 1948 году я снова приехал в эту деревню. Там жило уже 120 польских семей; конюшни и хлевы (с новыми крышами) были полны скота, тяжелые снопы хлеба сложены в стога и готовы к отправке. Урожай был выше довоенного.

Я зашел в дом Галины Матушевской. Ее муж крестьянствовал раньше в перенаселенных центральных областях Польши. В прошлом году, сказала она, было собрано ровно столько, сколько нужно на жизнь и на посев. В 1948 году дела пошли еще лучше, и они уже продавали излишек зерна кооперативу. Кроме того, она посыпала сына во Вроцлав продавать молоко и яйца. Крестьяне гордились своими успехами.

— А вы не боитесь, что немцы вернутся? — спросил я у одного крестьянина.

— Забыли и думать об этом, — ответил он.

Полученные Польшей промышленные предприятия возвращенных областей были повреждены и разрушены, не имели персонала и технического руководства, не было производственных планов. Но уже в конце августа 1945 года 413 предприятий, на которых было занято 75 тысяч рабочих, были на ходу. Через два года число предприятий превысило 1302, а число занятых рабочих достигло 304 400 человек.

Запад не оценил этого крупнейшего достижения Польши — почти полного восстановления угольной,

металлургической, текстильной, бумажной, сахарной и энергетической промышленности на возвращенных территориях. Между тем европейская экономика в целом многим обязана Силезскому угольному бассейну, где добыча угля на человека значительно выше, чем где бы то ни было в Европе.

Наряду с развитием сельского хозяйства и промышленности, произошли изменения в культурной жизни возвращенных территорий. Материальная база культуры, т. е. школьные здания, библиотеки, театры, музеи, была разрушена не в меньшей степени, чем промышленность. К концу 1948 года, однако в возвращенных областях уже были открыты низшие, средние и высшие учебные заведения.

Следует особо отметить значение, которое в этих областях придается книге. Немцы миллионами уничтожали польские книги, и потому в Силезии, как и в других частях страны, ощущался «книжный голод». Уже в 1947 году на возвращенных территориях была создана система окружных и городских библиотек, благодаря чему книги можно было получать даже в самых глухих уголках. Посетив однажды такую библиотеку, я вспомнил, что произошло в Люблине в 1944 году. В здании газеты «Речь Постолита» ее редактор Юрий Борейша, все еще одетый в форму офицера польской армии, в рядах которой с первых дней ее существования он воевал на Восточном фронте, рассказал о своих планах иностранным корреспондентам. В то время эти планы казались грандиозными, даже невыполнимыми. Варшава все еще была в руках немцев. Германская армия была еще сильной и боеспособной. Но Борейшу и его друзей вдохновляли надежды, порожденные освобождением первой полоски польской земли.

— Знаете, где зародилась идея создания большого государственного издательства? — спросил он, указывая на огромную схему, иллюстрирующую его план. — Это было на Оке, где проходила подготовку первая польская дивизия. В те дни трудно было достать польские книги, и я был тронут тем, что солдаты дорожили ими почти так же, как горстью родимой земли, которую многие из них носили в вещевых мешках. Тогда я сказал самому себе, что как только Польша станет свободной, я приложу все силы к тому, чтобы книги в нашей стране были доступны всем.

Так было основано польское прогрессивное издательство «Чительник»; в 1948 г. был заложен первый камень большого нового здания издательства в центре Варшавы.

Неудивительно, что замечательные успехи новой Польши вызывают бешеную злобу у ее врагов, и не в последнюю очередь у дипломатов, представляющих Англию и США в этой стране.

Эта злоба носит далеко не бездейственный характер. Приведу несколько примеров.

В марте 1946 года я приехал в Варшаву и зашел в отдел печати при английском посольстве, чтобы посмотреть обзоры польской прессы. Немолодая дама представительной наружности, графиня Малиновская, дала мне нужные материалы, и я уселся с ними в углу кишевшей людьми конторы. Через некоторое время мое внимание привлек явно относившийся ко мне тихий, но настойчивый свист с другого конца стола, где за грудой бумаг сидела графиня. Я увидел, что она осторожно, стараясь, чтобы никто этого не заметил, подвигает ко мне карандашом свой словарь. Я взял словарь, открыл его и нашел между страницами сложенную бумажку с надписью: «Уничтожьте это!» Развернув бумажку, я прочел: «Если Вы полагаете, что Вашу газету заинтересуют настроения подпольщиков, дайте мне знать — можно будет устроить Вам встречу с ними».

На другой день мне передали, что графиня отзвалась обо мне, как об «удивительно чванном типе англичанина». Мне следовало знать, что подобные предложения не следует так легко отвергать.

В посольстве царила какая-то суэта, люди бегали по коридорам гостиницы «Полония» (где временно помещались английские дипломаты). Я спросил у Майкла Уинча, первого секретаря английского посольства в Польше, в чем дело, и он рассказал, что Уинтон, помощник военного атташе, хочет в субботу и воскресенье устроить «охоту за русскими».

Дело в том, что Уинтон решил «доказать» Лондону, что в районе Варшавы происходит передвижение русских войск. Теперь он вербовал для своей «экспедиции» охотников отправиться в субботу за город под тем предлогом, что там они хотят снять дачу.

Я поехал вместе с ними в красивую долину Вислы, где преобладают песчаная вересковая степь и сосновые

леса. Останавливая машину у каждого из бесчисленных ларьков под предлогом покупки всяких ненужных ему мелочей, Уинтон расспрашивал продавцов (он свободно говорил по-польски) о сдающихся поблизости дачах — да кстати и о русских войсках. Но его надежды найти след Красной Армии улетучились так же быстро, как и этот весенний день.

В «Полонии» в этот вечер все ходили угрюмые, с хмурыми физиономиями. «Охотникам» удалось «заметить» всего-навсего одного русского — служащего советского посольства, который мирно занимался вскапыванием грядок в саду своей дачи. Тем не менее, появившиеся в лондонских газетах рассказы о передвижениях войск вокруг Варшавы продолжали муссироваться при полном молчании Форейн оффис.

У Майкла Уинча всегда наверняка можно было встретить какого-нибудь польского политического деятеля, но это неизменно бывал член одной из оппозиционных партий; в отделе печати посольства было много служащих поляков, но все они без исключения принадлежали к бывшим правящим классам. В Варшаве были иностранные журналисты; большинство их, однако, совмещало журналистскую деятельность с какими-то другими обязанностями: корреспондент Ассошиэйтед Пресс Ларри Аллен — с изданием информационного бюллетеня посольства США, корреспондент Кемсли Пресс Сельби — со шпионской работой для польских террористических банд. Польские власти считали Сельби опасным ренегатом, и в правильности такой оценки я убедился после единственной беседы с ним. Я встретил его в лифте гостиницы «Полония». Это хилый белокурый молодой человек, с жестким, но беззаботным и довольно любезным выражением лица. «Чего действительно нехватает Польше,— сказал он в ответ на мой случайный вопрос о политическом положении,— так это еще одной кровавой бани. Гражданская война — это ее единственный путь к спасению».

Посольство США в это время возглавлялось Артуром Блессом Лэйном — горьким пьяницей и игроком, бывшим в 1939 году министром-резидентом в Белграде. Когда я навестил его в Варшаве, он разразился целой серией антисоветских «историй», настолько нелепых, что вряд ли они могли звучать убедительно для кого бы то ни было, и уж тем более для журналиста, который провел пять лет

в Москве. «Номер первый» была история о том, как жен советских офицеров, возвращавшихся из Берлина в Москву, арестовали на советской границе, насильно обрили и одели в «русский национальный костюм», чтобы, как уверял меня американский дипломат, советский народ не был деморализован при виде перманента или европейского платья! «Мои люди присутствовали при этом», — заявил он мне.

На всякого англичанина и американца, путешествовавших после войны по Восточной Европе, набрасывались изменники, недовольные и мошенники всех сортов, считавшие, что из затруднений их может вызволить только война или эмиграция. При этом использовались всякого рода домогательства, начиная от осторожных намеков какого-нибудь промышленника со средствами, готового хорошо оплатить иностранца, если тот согласится для проформы сочетаться браком с его дочерью, чтобы вся семья могла получить иностранные паспорта, и кончая настойчивыми предложениями предоставить «исключительно ценную информацию». Ясно, что таких людей англичане и американцы не оставляли без внимания.

Вскоре, в 1946 году, после возвращения из поездки по Восточной Европе я получил предложение редактора газеты «Таймс» временно выехать в английскую зону оккупации Германии.

«По нашим предположениям, — говорил мне редактор, — русские займутся теперь, главным образом, наведением порядка у себя дома, а из этого вряд ли можно извлечь много интересного для газеты».

«Таймс», как и почти все другие английские газеты, видимо, решила, что чем меньше будет появляться сообщений о том, как идет в Советском Союзе восстановление народного хозяйства, тем лучше. Вступал в силу действия заговора молчания, имевший целью набросить непроницаемый покров на все, что делалось в стране, где народ с такой энергией и энтузиазмом приступал к разрешению задач послевоенного времени.

Г л а в а VIII

КАКОЙ БУДЕТ ГЕРМАНИЯ?

Серый и унылый Берлин лежал в развалинах, разрушенные здания зияли пустотой, — на многих улицах стояла такая тишина, что, казалось, сердце города замерло навсегда. Но стоило присмотреться к городу, чтобы увидеть, что он не только жил, но начинал понемногу двигаться к новому будущему.

... День подходил к концу. Свежий ветер гнал на восток пушистые белые облака, покрывая рябью воды озера Мюгельзее, и короткие, но сильные волны пенились на песчаных берегах. Клубы кирпичной пыли поднимались над развалинами Кепеника. Толпа худых, угловатых немецких подростков выходила из кино, где показывали «Чапаева». У некоторых блуждала на губах сдержанная улыбка, свойственная людям, получившим неожиданное и до сих пор запретное удовольствие. Другие увлеченно и серьезно разговаривали между собой. Их тонкие башмаки на картонной подошве глухо шаркали по пыльному тротуару. Вокруг рекламной тумбы, где сейчас были вывешены списки адресов немецких военнопленных в Советском Союзе, стояла кучка женщин всех возрастов в наброшенных на плечи шалах и с корзинками для провизии. На геометрически правильной асфальтовой площадке между хмурыми, некрасивыми стенами уцелевших зданий весело прыгали и играли дети. По прямой, однообразной дороге шагали рабочие, они направлялись к огородам, толкая перед собой самодельные тачки и потчужа друг друга вместо табака сушеным ореховым листом и курительной смесью, которая у них называлась «последний дар товарища», потому что делалась из сухих лавровых листьев кладбищенских венков. Около груды кирпичей вытянулась длинная цепь женщин; они работали неторопливо, но споро, передавая по цепи один кирпич за другим.

Среди берлинцев можно было встретить людей,

которые, пережив поражение Германии, уже смотрели на будущее с надеждой.

В маленьком, похожем на ящик домике близ Венденшлоссе немец-токарь, тихий слегка застенчивый человек, говорил мне: «Сейчас мы можем говорить все, что думаем. А знаете ли вы, что значит «немецкий взгляд»? Это значит непрерывно оглядываться через плечо: не подслушивает ли тебя кто-нибудь... Теперь с этим покончено, мы чувствуем себя свободными».

Другой немец, антифашист Гешке, член временного городского совета Берлина, сказал мне в своем кабинете: «Нам еще предстоит борьба за полное очищение Германии от нацистов. За это мы отвечаем перед народом. Нам придется искупить свою вину, прежде чем нас примут снова в семью народов как честных людей. Теперь наша задача и наш долг доказать массам, что мы сделали правильный выбор. В этом деле нам понадобится помочь настоящих антифашистов всех стран. Они должны помочь нам выбраться из пропасти, в которую нас, немцев, бросил нацизм. Я прошел через четыре концлагеря: Зонненбург, Лихтенберг, Бухенвальд и Саксенгаузен. Я не навижу убийц моих товарищай, и я всей душою с теми, кто пережил это время и искренне стремится строить новую Германию без фашизма, я с ними, к какой бы партии эти люди ни принадлежали и каковы бы ни были их политические убеждения».

Так начала возрождаться новая демократическая Германия. Я был свидетелем того, как советские оккупационные власти делали все возможное, чтобы помочь немцам быстрее демократизовать Германию и таким образом быстрее вернуть ее в семью демократических народов. В Дрездене я увидел огромные разрушения, причиненные англо-американской бомбардировочной авиацией, когда в этом уже не было нужды. Но на меня самое сильное впечатление произвели даже не эти бессмысленные разрушения, а тот дух решимости и желания побыстрее восстановить город, который сумели поднять у населения Дрездена местные власти.

Я увидел также, что немецкие крестьяне получили землю, которая раньше принадлежала юнкерам и крупным помещикам. Это было в советской зоне. А что я увижу в другой зоне, где стоят войска моей страны — Англии?

Весной 1946 года в качестве корреспондента лондон-

ской «Таймс» я приехал в английскую зону оккупированной Германии. Я нашел там полный застой и безнадежность.

Эрнест Бевин в качестве английского министра иностранных дел использовал свое влияние в кабинете министров для того, чтобы препятствовать каким бы то ни было начинаниям, которые могли бы способствовать денацификации Германии и разрешению всей германской проблемы в духе потсдамских решений. У Бевина уже тогда имелись планы, которых он не собирался раскрывать, пока они не были еще полностью согласованы с планами США.

Приверженцы Бевина, окопавшиеся в отделе политической разведки, пользовались любым способом, чтобы помочь Курту Шумахеру, самозванному лидеру СДПГ (социал-демократической партии Германии).

Нередко это вызывало недовольство честных и непредубежденных людей, еще работавших в то время в английской военной администрации в Германии. В Дортмунде, Гагене и других городах Рура и Рейнской области мне приходилось слышать жалобы этих представителей, которые, начиная работать с искренним энтузиазмом и твердым намерением выполнить потсдамские решения, были глубоко шокированы циническим крючкотворством политических директив, получаемых ими из Форейн оффис.

В то время в английской и американской зонах не только не велась борьба за восстановление хозяйства, но, наоборот, искусственно создавалась административная неразбериха и трудности, чтобы легче было оправдать создание так называемой Бизонии под руководством американцев.

Особенно наглядно это было видно в Руре. Приведу один пример.

Как-то раз я присутствовал на техническом совещании в Эссене, где обсуждался вопрос о том, как восстановить водопроводно-канализационную сеть в городах, разрушенных англо-американскими бомбардировками. Нам показали на карте те места, где английские фугасные бомбы разворотили магистральные узлы сточных труб под центральными улицами Эссена. Потом мы пошли в рабочие районы Эссена, карабкаясь по грудам обломков. Все погреба и нижние помещения жалких домиков шахтеров были затоплены сточными водами. Мы видели людей, копавших

мокрую глину в глубоких канавах. Их тонкие башмаки на картонной подошве совсем разлезлись. Когда мы снова собрались в кабинете, чтобы узнать из доклада, как будут производиться работы, как и кто будет снабжать рабочих резиновыми сапогами и комбинезонами и когда будут выстроены временные бараки для рабочих, чтобы перевести их из затопленных, зараженных лихорадкой лачуг, оказалось, что никто об этом и не думает, что все строительные материалы забронированы исключительно для восстановления шахт и заводов. Объединившиеся угольные магнаты, заседавшие в безобразном дворце, который раньше принадлежал Круппам, Северо-Германская контрольная угольная комиссия, были озабочены только тем, чтобы скорее начать выкачивать богатства из Рура.

Я познакомился с одним немцем, механиком крупновского завода. В 1942 году он был мобилизован и послан на Украинский фронт, где в одном из первых же боев сдался в плен. Он пригласил меня к себе в домик, стоявший в ряду других таких же унылых стандартных домиков, недалеко от автострады, кольцом окружающей Рур. На чердаке у него была устроена голубятня, и там, сидя на балке перед пустыми клетками, он рассказал о себе.

«Когда я сидел в лагере, много было толков о том, какой станет Германия после войны. Так как я происходил из Рурской области, то мне было известно (это первый политический урок, который мы тут получаем), что это именно та часть Европы, где рождаются войны. Если Рур попадет в хорошие руки, то и вся Европа будет в безопасности. В это я твердо верил...

Ну, а теперь вы и сами видели, что тут происходит. Бывших нацистов освобождают под тем предлогом, что без них никак нельзя поднять производительность угольных шахт, а в то же время шахтерам запрещают организовываться в профессиональные союзы. Знаете ли вы, какую работу получили женщины-нацисты вон в той шахте за автострадой? Они раздают продовольственные пайки! Как вы думаете, могут шахтеры доверять им теперь, когда кусок хлеба на черном рынке стоит 35 марок?

Правда, завод Круппа и угольные копи были отобраны у старых владельцев и отданы англичанам. Нет нужды говорить, что собираются делать англичане, мы можем догадаться, если видим, что нацистов опять сажают на те же ответственные посты. Почему мы, рабочие, должны

голодать, никогда не видя мяса, а на ганноверских фермах его сколько угодно? Почему продукты питания, привезенные в Гамбург и предназначенные для Эссена, попадают в другие районы Вестфалии? Потому что более половины служащих в Бюро продовольственных и сельскохозяйственных заготовок являются членами национал-социалистской партии, весь департамент возглавляет известный Шланге-Шениген».

Шланге-Шениген был мне более известен как автор книги «Крестьянин и земля», которая вышла в 1933 году и встретила самое горячее одобрение у нацистов. А теперь план земельного переустройства в английской зоне оккупации, составленный Шланге-Шенигеном, изучался в Бюро продовольственных и сельскохозяйственных заготовок под руководством англичан!

Многое из виденного мною в английской зоне оккупации Германии свидетельствовало о той подозрительной терпимости, с какой английская администрация относилась к деятельности фашистов в своей зоне. Проезжая через сельскохозяйственные районы Вестфалии и Шлезвиг-Гольштейна, я был удивлен множеством нарисованных повсюду свастик. Кроме того, я видел несколько раз, что немецкая молодежь приветствует друг друга по-гитлеровски — поднятием руки. В районе Гамбурга была раскрыта тайная организация, именовавшая себя «радикал-националистской». У нее имелись свой подпольный арсенал, укрытый на английском аэродроме, свой военный штаб и тайная полиция. Английский суд выпустил на свободу большинство арестованных членов этой организации, причем судья заявил, что желает дать им возможность «начать новую жизнь». На что они употребят эту новую жизнь, позволительно спросить?

Когда в 1946 году один член английского парламента торжественно заявил, что для него свобода убеждений означает свободу, если вздумается, стать фашистом, он как раз повторил то, что было на уме у очень многих занимавших ответственные посты в английской военной администрации в Германии.

Впрочем, это было не только на уме, это осуществлялось в жизни. Английские оккупационные власти санкционировали возвращение на ответственные посты видных немецких национал-социалистов. Северо-Германская комиссия по контролю над углем открыто игнорировала реше-

ния судов по денацификации и посмеивалась над протестами прогрессивных элементов немецкого общества. В школу под Гамбургом, которую создали для того, чтобы подготовить руководителей будущей организации немецкой молодежи (директором этой школы был некий английский пастор), пригласили на несколько месяцев Курта Силекса (в прошлом ревностного пропагандиста речей Геббельса) для участия в политических дискуссиях. Нужно ли удивляться, что, имея перед глазами такие примеры, средний немецкий рабочий сомневается в добросовестности оккупационной армии, пришедшей на смену нацистам?

Однажды ко мне пришла молодая немка — работница. Ее звали Эрна Пинекер. Оказывается, она получила письмо с требованием явиться для отбытия наказания в тюрьме за дезертирство с работы на военном заводе в августе 1944 года.

На конверте, в котором лежало это письмо, была оттиснута огромная свастика, кроме того, на нем стояла казенная печать нацистской прокуратуры Вуппертальского гражданского суда.

Эрна Пинекер рассказала мне, как во время бомбардировки в 1944 году дом, где она жила, был разрушен, и она, бросив работу, побежала домой, как на нее донесли, как суд отложил дело потому, что она была беременна, и передал его в гестапо, как ее отправили в концлагерь, где она родила мертвого ребенка, и как, наконец, ее выпустили из лагеря после разгрома Германии. А теперь она получила вот эту повестку. Если она не подчинится, ее опять арестуют.

Я усадил Эрну Пинекер в свою машину и повез ее в Вупперталь. В мрачном черном здании, охраняемом немецкой полицией, я разыскал председателя ландгерихта (окружного суда), высокого, худого человека с лисьей мордочкой. Я потребовал у него для просмотра дело Эрны Пинекер и нашел в нем заключение немецкой полиции, написанное спустя год после войны. В нем сообщалось, что «Пинекер может отбывать наказание, так как ее ребенок родился мертвым».

В конце письма было приписано: «Пинекер — коммунистка», дальше стояла неразборчивая подпись.

— Кто это писал? — спросил я председателя суда.

— Этого я не могу вам сказать, не имею права; документ не подлежит оглашению, — ответил он в замешательстве.

Я спросил его: разве закон допускает аресты за политические действия, совершенные при нацистском режиме?

Он ответил мне взглядом, выражавшим самое подкупавшее простодушие.

— Но это же не за политическое действие. Пинекер обвиняется в нарушении гражданского кодекса, а по таким делам еще не была объявлена амнистия.

— А полгода, которые Пинекер провела в концлагере? Разве это не освобождает ее от дальнейшего наказания, даже если вы имеете право наложить его?

— Ах да, концлагерь! Но ведь это была экстренная мера. Гестапо, знаете ли. Нас это не касается. Мы являемся защитниками общественного порядка. Саботаж — это серьезное преступление.

— А свастика на конверте и печать нацистской прокуратуры на письме? Как вы это объясняете?

Судья смущенно откашлялся.— Нехватает бумаги. Невозможно заказать новую печать... штаты недостаточны...

А вот другой пример. Секретарь Гельзенкирхенской коммунистической организации Фриц Тарашевский, в прошлом известный деятель движения сопротивления в Голландии, был арестован при загадочных обстоятельствах. Его выслали в Голландию, где и предали суду по обвинению в убийстве.

Я знал, что Тарашевский, бежавший из немецкого концлагеря в 1937 году, скрывался после этого в Голландии. Когда гитлеровцы захватили Голландию, этот храбрый антифашист сражался в рядах голландского движения сопротивления. Его не смогли поймать гитлеровцы, зато он арестован сейчас английскими оккупационными властями.

«После полуночи, — рассказала мне жена Тарашевского, — шестеро немецких полицейских, вооруженных карабинами, в сопровождении двух английских офицеров ворвались к нам в дом и забрали моего мужа. Целый месяц его продержали в Реклингаузенской тюрьме, не разрешая видеться ни с адвокатом, ни с родными. Вчера мне сообщили, что его перешлют в Голландию, где и будут судить за убийство голландского нациста, совершенное во время одной партизанской операции».

Герой сопротивления, бывший политический заключенный гестапо, ныне арестован немецкой полицией под

руководством английской администрации и выдан реакционному правосудию той страны, за освобождение которой он боролся. И это всего лишь год спустя после того, как мы торжественно провозгласили победу над фашизмом!

А история Эмиля Карлебаха, редактора «Франкфуртер Рундшау», первой газеты, которую стали выпускать в американской зоне оккупации? Как еврей и антифашист, Эмиль Карлебах, член коммунистической партии, провел одиннадцать лет в гитлеровских концлагерях. В Бухенвальде он руководил лагерной подпольной организацией и помог спасти жизнь многих людей. Он вышел из Бухенвальда борцом за демократическую Германию. Вместе с тремя социал-демократами, одним коммунистом, католиком, а также беспартийным демократом он был назначен в редакцию «Франкфуртер Рундшау» в такое время, когда еще в соответствии с Потсдамским соглашением только проверенные антифашисты назначались на работу в прессе. Эта газета настойчиво требовала чистки нацистов. Она способствовала делу мира, постоянно призывая к сотрудничеству всех антифашистов.

Но через несколько месяцев генерал Клей, глава американской военной администрации, удалил Эмиля Карлебаха из редакции «Рундшау», объяснив, что «его политические убеждения и самый склад характера» оказались «неподходящими» для газеты. Этим было доказано, что англо-американские власти стремились изолировать коммунистов и таким образом воспрепятствовать формированию единого фронта германского народа в борьбе за возрождение новой, демократической Германии.

Ничто не сгущало в такой мере атмосферу безнадежности и угнетения в английской оккупационной зоне Германии, как лагери перемещенных лиц, где большей частью содержались поляки и граждане прибалтийских советских республик. Формально обитателям этих лагерей якобы предоставлялась свобода начать новую жизнь по собственному желанию. В действительности же они были лишены какой бы то ни было свободы выбора, ибо в таких лагерях фактически распоряжались ярые реакционеры, скрывавшие от интернированных истинное положение дел в Восточной Европе и в Советском Союзе.

Я посетил некоторые лагери, когда был в Германии, и у меня сложилось твердое убеждение, что в них установ-

лен настоящий режим политического террора. Почти все интернированные, находящиеся в этих лагерях, стремятся к себе на родину, но их постоянно запугивают всевозможными дикими баснями об их странах.

Особенно отличались этим лагери для перемещенных лиц из Прибалтики, большая часть которых находилась в Северной Германии. Здесь командовали совершенно откровенные реакционные элементы, предатели, сотрудничавшие с немецкими захватчиками. Они проводили цензуру над газетами, контролировали школы и другие учреждения в лагерях. Так называемый «Прибалтийский университет» под Гамбургом пользовался учебной программой, сохранившей все худшие стороны реакционного воспитания. Рижские юристы открыли свои конторы, чтобы разрешить «спорные дела» о правах собственников — дела, которые были раз навсегда решены социализацией Латвии.

Однажды я узнал, что почти все обитатели одного из лагерей для поляков, на пути между городами Сойста и Гаммом, вопреки «советам» администрации лагеря, решили возвратиться в Польшу с поездом для репатриантов, который должен был уйти через несколько дней. Однако когда я заехал в лагерь, то увидел, что вещи поляков распакованы, и все их планы коренным образом изменились. Я узнал причину этого у одной польки, худой и изможденной, с тремя маленькими детишками, цеплявшимися за ее юбку. Комендант лагеря, скрыв до поры до времени бешенство, до которого довело это «игнорирование» его авторитета, пошел на хитрость, объявив, что польская организация Красного Креста в Лондоне прислала специально для этого лагеря большую партию продуктов и одежды. Люди испытывали такой страшный голод, что этой провокации коменданта оказалось достаточно, чтобы они отложили свое возвращение на родину.

Естественно, что эти лагери стали рассадником всевозможных преступлений. И ответственность за это несут англо-американские оккупационные власти, превратившие лагери перемещенных лиц в рассадник лжи, провокации и террора.

И если в этих лагерях перемещенных лиц, «виновных» лишь в том, что они хотели вернуться на родину, свирепствовали голод и террор, то зато проявляли всемерную милость к немецким преступникам, находившимся в специальных лагерях.

Я побывал в одном таком лагере, близ Изерлона, где содержались бывшие чиновники национал-социалистских учреждений. Кроме несения не слишком трудных обязанностей, вроде уборки собственной комнаты, 1800 обитателей этого лагеря ничего не делали. Я спросил, чем же они заняты целый день? «Они слушают лекции», — ни на минуту не задумавшись, ответил английский офицер.

Библиотека, перевезенная из соседнего замка, состояла большей частью из книг по военной истории Германии.

Лекции, читавшиеся бывшими нацистами для бывших нацистов, состояли, главным образом, из теософии, метафизики и творчества Фридриха Ницше.

Я взял посмотреть книжку у одного экс-нациста, щеголеватого, наглого юнца, свежего как майский цвет. Он сидел в группе интернированных, — все они были в драповых пальто и держали на коленях мягкие фетровые шляпы.

«Меч духа» — так называлась книга — антология цитат из произведений Ницше. Под названием книги я прочел: «Слово к немецкому бойцу и солдату».

То, что происходило в этом лагере при покровительстве англо-американских властей, звучит особенно кощунственно, потому что по соседству с ним находится братская могила, где похоронены сотни советских бойцов, погибших в борьбе с нацизмом, в борьбе за то, чтобы и в Англии была демократия.

Впрочем, совсем не обязательно увидеть лагерь для бывших нацистов, чтобы убедиться в их вольготной жизни в англо-американской зоне оккупации Германии. Это можно видеть на каждом шагу. Достаточно, например, посмотреть, как живут бывшие офицеры вермахта. Большинство из них живет ничуть не хуже, чем до войны. В то время как трудовой народ Западной Германии переживает ужасающую нищету, эти люди не испытывают никаких затруднений. Их рассуждения на политические и экономические темы ничем не отличаются от аналогичных рассуждений немецких дельцов, с которыми я встречался в английской зоне. Многим из них удалось избежать денацификации, потому что, как военные, они якобы не играли активной роли в национал-социалистской партии или связанных с нею организациях. Один мой немецкий знакомый, общавшийся с этой военной кастой, хорошо охарактеризовал ее традиции и ее исто-

рию перечислением лозунгов, которые она последовательно принимала:

«Да здравствует Бисмарк!

Да здравствует кайзер!

Да здравствует Гинденбург; долой красных!

Да здравствует Гитлер!

Да здравствует христианско-демократический союз!

(Потому что более правой организации пока не имеется.)

Когда мы опять будем воевать с Россией?»

Эта категория бывшего офицерства, так же как и часть немецкой молодежи в западных зонах, является носителем нацистской идеологии. Именно в разговорах с людьми этого типа можно услышать откровенные сожаления о «добром старом времени». Они с презрением отвергают демократию как «слабую и неэффективную форму правления». Высокомерные, наглые и озлобленные, они живут с надеждой на будущее, которого они не мыслят без войны. Повидимому, многие из прежних кадровиков и даже молодежь, сидящая теперь на студенческой скамье, не считают свою военную карьеру оконченной.

В Боннском и Мюнстерском университетах, где среди студентов много бывших офицеров, очень строго соблюдается чинопочтание. До сих пор эти последыши Гитлера не хотят признать, что германская армия была разбита потому, что встретилась с армией более сильной. Одни из них считают причиной поражения ошибки нацистских стратегов, другие, еще более откровенные нацисты, утверждают, что Гитлера предали его подчиненные.

Один из этих людей сказал мне с наглостью, которую можно объяснить лишь его ярым национализмом: «Германия должна получить жизненное пространство на Востоке. Если этого не будет, рано или поздно немцы снова поднимут против вас оружие. Ради этого я готов поддерживать любую партию, за исключением коммунистов».

Совершенно бесспорно, что нынешняя откровенная антисоветская политика правящих кругов Англии и США не только поддерживает эти реваншистские настроения, но и вдохновляет всех бывших гитлеровцев на различные антисоветские, антидемократические провокации.

Английские оккупационные власти широко пользуются услугами бывших нацистов. Многочисленная армия немцев, обслуживающих в Западной Германии англичан, представляла собой организацию полувоенного харак-

тера, как крупные соединения рабочих корпусов. В соседнем со мною доме жили шоферы, обслуживающие сотрудников английской прессы. Офицер, под начальством которого они находились, муштровал их по всем правилам немецкой армейской дисциплины. Даже в концентрационных лагерях в Реклингхаузене, где содержались нацистские чиновники, сохраняли свой былой авторитет бывшие руководители гитлеровской партии при полной поддержке английских властей.

Так же как на заводы и угольные шахты были возвращены нацистские управляющие, а в муниципалитетах оставлены скомпрометированные чиновники, так и организация полиции и других видов гражданской службы была передана в руки бывших гитлеровских офицеров и фельдфебелей.

И вот я то и дело возвращаюсь мысленно к рабочему, с которым я беседовал в его домике под Эссеном. Я спрашиваю себя, какое впечатление произвела на его смятенную душу эта «новая Германия»? Как он воспринимает «английский образ жизни» и «демократические ценности», о которых tanto много пишут находящиеся под английским контролем газеты?

В американской зоне оккупации немецкому народу, в надругательство над всеми европейскими традициями, усиленно прививается вульгарная «цивилизация» свиной тушонки. На берегах Верхнего Рейна и в Баварии царит страшная атмосфера черного рынка, публичного дома и беспробудной пьянки.

В маленьких городах английской зоны в воскресный день из громкоговорителей не несется визг джаза и по улицам не шатается пьяная солдатня, непристойно под свисты вав немецким девушкам. И все же по своей бессердечности, по грубому пренебрежению к чувствам немецкого народа английский оккупационный режим не уступает американскому. В Дюссельдорфе и Кельне тысячи людей, оставшихся без крова, живут в душных уцелевших бомбоубежищах. Я видел, как в гамбургском порту 20 000 моряков пробовали ся и сейчас пробовляются случайными заработками.

Нищета и безработица в западных зонах все растут. Но англо-американские оккупационные власти ничуть не озабочены этим. У них одна цель — восстановить военный потенциал Германии и направить его против

Советского Союза. Ради этого они проводят политику раскола Германии и ее полного экономического и политического закрепощения.

Осуществляя свой план расчленения Германии и превращения ее в один из основных плацдармов в будущей войне против Советского Союза, англо-американские власти опираются на самые реакционные партии Германии, в лице которых они нашли себе подобострастных помощников. Как немецкие социал-демократы, так и христианско-демократическая партия приложили немало усилий, чтобы расколоть немецкий народ и помешать воссозданию единой и демократической Германии. Особую роль в этой антинародной раскольнической деятельности играет Курт Шумахер. Этот безупречный слуга американского империализма, верный последователь Бевина, прошел через все стадии предательства от демагогического шовинизма, замаскированного разговорами о том, что Западная Германия должна занять «подобающее место» среди западных держав, до прямых попыток смазать военную вину Германии и призывов к возрождению немецкой тяжелой промышленности, способной осуществить германскую «миссию» на Востоке.

Шумахер был ярым сторонником проекта раздела Германии на две части, что западная оккупационная администрация и осуществила, не считаясь с интересами немецкого народа. Без сомнения, он видел в этой мере первый шаг к федерализации Западной Германии, первый шаг к ее мобилизации для новой войны с Восточной Европой.

Впервые я увидел Шумахера на социал-демократическом конгрессе в Ганновере. Английские друзья Шумахера приписывали большое значение этому конгрессу, о чем свидетельствовало присутствие там английских военных и большой группы корреспондентов немецкого происхождения, одетых в английские мундиры. Британское министерство иностранных дел могло быть спокойно за то, что они постараются создать Шумахеру рекламу в печати.

Связь между руководством СДПГ и английскими властями была возложена на помощника Шумахера — Гейне, который жил прежде в Англии в качестве политического эмигранта и был хорошо знаком с методами работы английской политической разведки.

Столовая на фабрике Ганомаг, где происходили заседания конгресса, была украшена красным кумачом, а в речах неоднократно упоминалось имя Карла Маркса. Эта лисья тактика Шумахера была рассчитана на то, чтобы представить СДПГ в виде радикальной левой партии, борющейся за независимость Германии.

Но вся его демагогия не могла скрыть тот факт, что ни в одном вопросе он ничего не добился для рабочего класса Германии, интересы которого якобы так пламенно защищал, и что в английской зоне оккупации нельзя было усмотреть ни малейшего признака продвижения к социализму.

Шумахер разглагольствовал о международном социализме и предлагал делегатам спеть «Интернационал». Но ни для кого не было секретом, что он ведет тайные переговоры с доминиканскими монахами в Бонне о подыскании «идеологической платформы», на которой социал-демократы и католики могли бы объединить свои усилия в борьбе против коммунизма.

Он заявлял, что социалистам незачем стремиться к позиции более левой, чем позиция СДПГ, так как хорошо знал, что его хозяева никогда не потерпят Германию «более левую», чем «бевиновская Англия».

Этот конгресс проходил в удушливой атмосфере лжи и предательства, заискивания перед англо-американским империализмом и звериной ненависти к Советскому Союзу и странам Восточной Европы. Удрученный всем виденным, я шел среди гор щебня, где между полуразвалившихся стен с пустыми глазницами окон угрюмо бродили мрачные, изможденные безработные, собирая обломки дерева и металла для ремонта своих убогих жилищ. Под дорогам катились вереницы английских штабных машин, направляясь в загородный клуб с надписью «Немцам вход воспрещен».

Немного позже я разыскал помещение центра СДПГ, где и состоялось мое свидание с Шумахером.

Услышав, что все годы войны я провел в Москве, этот высокий, с негнущейся шеей, человек, который был самым яростным врагом немецких коммунистов, придвинул поближе свое кресло и положил мне руку на колено. В первый раз за весь вечер он посмотрел мне прямо в глаза неподвижным, тяжелым взглядом, и мне вспомнились разговоры о том, как Гитлер пытался гипнотизировать своих собеседников.

— Скажите мне честно, — произнес он с ударением на последнем слове. — Правда ли, что, если бы эта необычно ранняя зима в 1941 году, обстоятельства могли бы повернуться для нас совершенно иначе?

Задавая этот вопрос, Шумахер так многозначительно взглянул на меня и в голосе его звучало такое волнение, что я сразу почувствовал в нем жгучее желание успокоить какую-то тревогу, томившую его много лет.

И когда он откинулся в кресле, ожидая ответа, я понял, что этого долговязого, лихорадочно взвинченного человека, сидящего напротив меня, снедает лютая ненависть к Советскому Союзу, что это господствующая страсть всей его жизни, что он не остановится ни перед чем ради уничтожения коммунизма.

Я посмотрел в эти глаза маньяка и, чуть помедлив, сказал:

— Я, кажется, знаю, какого ответа вы от меня ждете, герр Шумахер. Но совершенно точно известно, что зима в 1941 году была скорее необычно поздняя, чем необычно ранняя. Впрочем, позвольте мне кое-что рассказать вам в объяснение причин, по которым ваша армия не дошла до Москвы.

И я рассказал ему о том, как осенью 1941 года, двигаясь вместе с гражданской эвакуацией в тыл, я встречал войска, шедшие на фронт, и каков был дух, царивший в этих войсках. Я рассказал ему о том, что я видел на вокзале в Ярославле. И еще я рассказал ему о народном партизанском движении.

Курт Шумахер круто переменил разговор. Он предложил мне задавать вопросы относительно конгресса. Несколько минут спустя я сказал, что он позволил себе некоторые весьма критические замечания по поводу английского оккупационного режима. Его лицо, обычно напоминающее своим выражением морду испуганной лошади, расплылось в улыбке. Он многозначительно посмотрел на меня и произнес с расстановкой:

— Не думаю, чтобы представители вашей политической разведки остались недовольны этими замечаниями. Скорей напротив...

Он долго распространялся на тему об единстве рабочего класса. О сотрудничестве с коммунистами не может быть и речи. Читал ли я их возмутительные нарекания по его адресу? Как же можно с такой публикой работать? Но

среди католиков есть люди разумные, с этими людьми можно найти общий язык.

Насколько поощрительно английская администрация относится к антнародной деятельности социал-демократов и христианско-демократической партии, настолько же враждебно ее отношение к подлинно народной политике немецких коммунистов.

Под совершенно неосновательным предлогом газета «Вест дейтч фолькс эхо», важнейший орган КПГ в Руре, получила предписание отдать большую часть бумажных запасов христианско-демократической партии, которая даже в то время принимала в свои ряды бывших нацистов. Редактор коммунистической газеты получил письмо от начальника английского контроля печати, в котором его предупреждали, что издавать газету, придерживающуюся определенных политических взглядов, «является преступлением».

Когда дело касалось других партий — правых и социал-демократов, — незаметно было, чтобы английские чиновники проявляли такое же усердие.

За время моего пребывания в Германии я убедился, что коммунистическая партия Германии является единственной партией, борющейся за создание единой, демократической Германии.

Мне пришлось встретиться в западной зоне с одним из руководителей немецких коммунистов, Максом Рейманом.

Ни по блестящим черным глазам Реймана, ни по его веселой, ласковой манере обращения не угадаешь железную волю шахтера, который еще в 1919 г. вступил в КПГ и с тех пор мужественно и беззаветно боролся за дело коммунизма. Шесть лет Рейман провел в Саксенгаузенском концлагере. Худощавый, пожалуй даже хрупкого сложения, он в то время еще не оправился от последствий лагерного заключения, но это не мешало ему неустанно разъезжать по всей Рурской области, создавая и укрепляя партийную организацию, вопреки всяческому противодействию властей. Казалось, именно в общении с массами он черпает свою духовную и физическую силу. Рабочие Рура любят его за искренность и теплоту, за преданность делу и непоколебимую честность.

Политические враги Реймана распространяют всякую клевету о нем, стараясь подорвать его авторитет среди немецкого народа. Я бывал у него дома и видел, что он,

его жена и ребенок ведут такое же полуголодное существование, как и те немецкие рабочие, представителем которых он является, и я не слышал более здравых мыслей и притом чрезвычайно просто и понятно изложенных. Умники из политического отдела британской военной администрации в Германии уверяли меня, что я встречу человека, совершенно измотанного той кампанией, которую они против него ведут. Я нашел его веселым и полным боевого духа. Им не удалось сломить его веру в будущее.

— Мы, рурские рабочие,— сказал он мне,— знаем своего врага лучше, чем кто бы то ни было,— это рурские промышленники, которые прячутся за спиной военной администрации. У нас к англичанам одна только просьба. Дайте рабочим организациям право денацификации, и дело будет сделано как следует. Могут ли англичане требовать, чтобы шахтеры работали, когда на заводах и шахтах Рура попрежнему распоряжаются реакционные элементы? Один вопрос наши рабочие никогда не устанут задавать: для кого и для чего мы работаем? Для мира или для войны? Англичане недооценивают стремлений рурских рабочих, а я вам скажу, что придет время, и мы призовем к ответу предателей, мешающих осуществлению этих стремлений и снова отдавших Рур в руки тех, кто создал Гитлера.

Англичане посадили Макса Реймана в тюрьму за то, что он громогласно провозгласил этот основной принцип борьбы германского народа.

По дороге из Берлина в Москву — я ехал на машине через Польшу и Белоруссию — я много думал обо всем виденном и слышанном в Западной Германии.

Меня поразила та бесцеремонность, с которой английские лейбористские правители возвращали власть немецким реакционерам. Конечно, подход к германской проблеме в восточной и западной зонах не мог быть одинаковым. Но это не исключало возможности для всех держав, заинтересованных в немецком вопросе, прийти к конечному соглашению. А между тем, мне было ясно, что каждый шаг западных держав, направленный к возвращению в Руре прежних хозяев и управляющих, уменьшает вероятность такого соглашения.

Я проезжал один разрушенный город за другим. Среди развалин Варшавы уже возрождалась жизнь.

Жизнь бурлила и на пыльных улицах Бреста. Минск стоял под ясным августовским небом, весь одетый строительными лесами. Иссущенная зноем Белоруссия встретила нас песнями и плясками — в фруктовых садах колхозной деревни праздновали «яблочный спас». В Москву мы попали поздним вечером, и, когда машина проезжала по кольцу бульваров, Москва вся светилась веселыми огнями, точно большой дом, где празднуется семейное торжество. В настроении народа чувствовались бодрость, надежда и твердая уверенность в будущем. Каждое утро газеты сообщали о том, как идет осуществление плана восстановительных работ. Загорелые, обветренные солдаты, вернувшиеся после демобилизации, бродили по улицам столицы, отдыхая и осматриваясь перед тем, как приступить к мирному труду.

Этот энтузиазм мирного труда был повсюду, по всему Союзу. Я был в Донбассе, на заводах Макеевки, в Воронцовграде и Сталино, разрастающихся точно веселые березовые рощи, которые еще вчера были кудрявым подлеском. Я видел затопленные в войну шахты, откуда уже откачивали всю воду и первая клеть была готова к спуску. И я думал: за эти годы война разрушила и Рур и Донбасс. В течение долгих военных лет Европа ничего не получала от этих двух сокровищниц, богатства которых способны во многом облегчить жизнь народов. Неужели же теперь природные богатства Рура вновь переданы тем самым людям, которые уже раз обратили их на разрушение Донбасса? Неужели на Западе сошли с ума и решили вернуть власть преступникам войны?

...Бурное лето сменила осень; а когда крыши уютных арбатских особняков припорошил первый снежок, мрачная картина Западной Германии почти стерлась в моей памяти. Никогда еще мне так не нравилась Москва. Я бродил по ее улицам и паркам. Люди занимались своими делами энергично, словно торопясь наверстать упущенное. На широких, сверкающих магистралях, проложенных в хаосе старой Москвы, возобновилось строительство домов, коробки которых все эти годы напоминали о прерванной войною реконструкции советской столицы. Теперь Москва снова окунулась в атмосферу волшебных превращений, которые до войны делали ее самым интересным городом Европы. Заводы, оборудование которых было вывезено во время эвакуации, уже почти достигли довоен-

ной производительности. Нигде в Европе только что окончившаяся война не казалась такой далекой.

Я бы еще долго грезил о земном шаре, плавно двигающемся к прочному и незыблемому миру, если бы мои мечты не прервала сессия совета министров иностранных дел, посвященная германскому вопросу, о которой мне надлежало писать в мою газету.

* * *

В переговорах между делегациями, возглавляемыми министрами иностранных дел СССР, США, Соединенного Королевства и Франции, происходивших с февраля по апрель 1947 года в Москве, самое большое место занимала германская проблема, и в особенности будущее Рура. Вернемся немного назад, чтобы проследить развитие последних событий в Руре.

Жизнь показала, что проблема Рура стала одной из самых острых проблем послевоенного устройства мира. Здесь в сущности решался вопрос, будет ли германский промышленный потенциал использован для укрепления мирного порядка в Европе и повышения жизненного уровня ее народов, или же ему еще раз суждено стать источником военных материалов для будущего агрессора. Ответа на этот вопрос напряженно ждали все народы Европы; с неменьшим напряжением ждали его и рабочие рурских шахт, сталелитейных заводов и химических предприятий.

В Потсдаме казалось, что нет никаких серьезных препятствий к решению этой проблемы в интересах дела мира. Устранение с руководящих постов нацистов и представителей немецкой военщины, прекращение производства вооружений, уничтожение картелей и монополий, организация международного контроля, осуществляемого четырьмя великими странами, участниками антигитлеровской коалиции, и распределение продукции Рура между всеми государствами Европы, включая Германию,— таков перечень мероприятий, по которым было достигнуто соглашение, перечень, торжественно скрепленный подписями министров в Потсдаме.

Но уже осенью 1946 года английские оккупационные власти в качестве «первого шага к декартелизации» издали приказ, номинально лишавший многие немецкие пред-

приятия права контролировать снабжение сырьем, размещение заказов и установление цен. Этот приказ, однако, отнюдь не касался крупных немецких промышленников, которые находятся в самом тесном контакте с английскими оккупационными властями. В феврале 1947 года командующий британскими оккупационными войсками генерал Робертсон опубликовал закон о разукрупнении германских концернов. Этот закон формально запрещал указанным в особом списке фирмам входить в объединение с международными или германскими концернами. Но в этом списке не было таких монополистических концернов, как И. Г. Фарбениндустри, АЕГ и других, признанных «необходимыми для содействия практическим целям военной администрации и уже находящимися под ее контролем». Этим самым английские власти недвусмысленно заявили, в чьи руки и для каких целей они намерены передать Рур.

Разумеется, англо-американская политика опоры на самые реакционные элементы Германии и на крупные немецкие монополии в целях превращения Германии в военный плацдарм чрезвычайно осложнила перспективу урегулирования рурской проблемы ко времени московской встречи министров иностранных дел.

Иностранные дипломаты ожидали, что русские на этой конференции «будут сговорчивы», — ведь в СССР в тот год была засуха. Учитывая, что помощь ЮНРРА Украине и Белоруссии прекратилась, русским, должно быть, теперь приходится тяжко. Не успеет окончиться конференция, как они запросят помощи у американцев и откажутся от своего упрямства в вопросах денацификации и демилитаризации Германии. С такими настроениями многие английские и американские дипломаты приехали на заседания в Москву.

Руководители английской и американской делегаций даже не пытались скрывать своей враждебной по отношению к Советскому Союзу позиции. Всем делегатам США даны были секретные инструкции не вести никаких разговоров о работе конференции у себя в гостинице или даже в помещении посольства, — а только в особой «микрофононепроницаемой комнате». Предполагалось, что все телефонные разговоры перехватываются и во всех комнатах, занимаемых американцами, установлены аппараты для подслушивания.

Английская делегация и сопровождавшие ее корреспонденты приехали в Москву одетыми, как для экспедиции на Северный полюс: в бесформенных, точно мешки, теплых пальто и тяжелых сапогах на шерстяной подкладке, которые Форейн оффис выдает всем едущим в Россию. Они были весьма удивлены, а некоторые даже как будто разочарованы, когда оказалось, что жить им придется в теплых и светлых номерах комфортабельной гостиницы «Москва», что там их ждет отлично организованное обслуживание, что к их услугам машины, закуска и выпивка в любой час, билеты во все театры и на все виды транспорта. Все это очень плохо вязалось с «убогой, некультурной и недружелюбной азиатской» столицей, которую они ожидали увидеть. Ведь уверял же Уолтер Ситрин, что в России все ванны без пробок! А рассказы журналистов У. Л. Уайта и Уинтертона об «однообразии» московского пейзажа? А разговоры в Форейн оффис об ужасающей дороживизне жизни 'в Москве'? Нарисовать ту отталкивающую картину Советского Союза, к которой готовились приезжие корреспонденты, оказывается не так легко. Правда, им «доподлинно» известно, что гостиница «Москва» — единственное современного типа здание в столице, и то туда пускают только генералов и членов правительства; а снег на главных улицах убирается лишь для отвода глаз заезжим иностранцам. Говорят, всем гражданам, живущим в центре Москвы, перед самой конференцией выдали новые костюмы, а магазины по улице Горького получили специальный приказ выставить в витринах побольше товаров. А эти живописные чистильщики обуви на перекрестках — ведь их специально привезли с Кавказа, чтобы придать Москве некоторый экзотический колорит! Потом — кто знает — может быть, как только иностранные делегаты разъедутся, из номеров гостиницы уберут и ванны, и умывальники, и телефоны.

Вот какого рода басни ходили в эти дни между обитателями гостиницы «Москва».

Приехавшие из Лондона корреспонденты работали в тесном контакте с официальными должностными лицами. В английском посольстве каждое утро для них проводились инструктивные совещания, причем даже для английских корреспондентов, проживающих в Москве, доступ туда был закрыт. Повидимому, опасались, что их присутствие может нарушить гармонию отношений, существующих

между Форейн оффис и дипломатическими корреспондентами, приехавшими из Лондона, которых называли «ручными тюленями» или «друзьями дома». Последнее прозвище намекало на их близость к Ридсдейлю, главе отдела печати Форейн оффис, принимавшему их в любое время дня и ночи. «Друзей дома» информировали о той линии, которую будет проводить на сегодняшнем заседании английская делегация, и каждый вечер они собирались в номере официального представителя Форейн оффис, чтобы выслушать его версию отчета. Эти вечерние сборы получили прозвище «брифингс» — термин, обозначающий боевой инструктаж летчиков перед вылетом на бомбёжку. Тотчас же после них корреспонденты сломя голову бежали к своим машинкам отстукивать очередную телеграмму.

Я невольно любовался искусством, с которым представитель Форейн оффис дрессировал своих «ручных тюленей». Его отчеты о работе конференции ограничивались перечислением фактов. Желательный для Форейн оффис тон подачи материала был заранее задан немногим избранным, и не малые усилия прилагались к тому, чтобы подчеркнуть «объективный» характер этих публичных пресс-конференций. Однако путем перестановки акцента, применения иронии и насмешки, путем сознательного обхода щекотливых тем достигалось именно то освещение событий, которое больше всего устраивало Форейн оффис. Достаточно вспомнить, как были смазаны весьма серьезные советские обвинения против Динкельбаха и других бывших нацистов, состоявших на английской службе. Представитель Форейн оффис спотыкался на немецких именах, не знал, как они пишутся, и под конец заявил, что «не стоит задерживаться на этом вопросе, так как он имеет лишь второстепенное значение». А между тем от разрешения вопроса о денацификации Рура в значительной степени зависел исход Московской сессии совета министров иностранных дел.

Еще в ходе сессии по той информации, которую получили журналисты, не трудно было убедиться, что линия англо-американцев, а за ними и французской делегации должна привести к провалу переговоров. Вслед за этим англо-американский блок планировал образование Бизонии как антисоветского «заслона». Уильям Стрэнг, в то время представитель Форейн оффис в Германии, в своих

кратких интервью с представителями прессы заявил, что Англия должна быть «реалистичной». Быть «реалистичной», по мнению этого выразителя взглядов министерства иностранных дел, означало отказаться от «всего иного вздора» о демократизации британской зоны оккупации Германии, это означало полное принятие американской политики «свободного предпринимательства», под чем подразумевалось предоставление власти германским промышленникам при условии, что они будут действовать в американских интересах.

Мой коллега Пьер Куртад, который был на обеде у Джона Фостера Даллеса, рассказывал, что Даллес пытался убедить французских корреспондентов, что Франция может защитить себя от британских посягательств на французскую независимость, только если она объединится с Германией в западно-европейскую федерацию под покровительством США. Сообщения об этом обеде вызвали серьезный переполох, когда они дошли до англичан, поскольку в то время Бевин и его сторонники настойчиво проповедовали теорию о том, что они находятся в тесном сотрудничестве с Францией (Бевин только что подписал англо-французское соглашение в Кале) и поэтому Франция, мол, должна защищать себя от американских посягательств.

Многие маститые журналисты Америки и Европы использовали сессию министров для того, чтобы побывать в Москве. В английском и американском посольствах спешно принимались меры к тому, чтобы эти новые обозреватели не вздумали нарисовать такую картину советской жизни, которая расходилась бы с открыто антисоветской позицией этих посольств. Англо-американские дипломаты были сугубо заинтересованы в том, чтобы истинная жизнь Советского Союза оставалась скрытой от общественного мнения их стран. Ведь это они усиленно распространяли басни о том, что послевоенная пятилетка не разрешит проблемы повышения жизненного уровня советских людей.

Как только иностранные корреспонденты приехали в Москву, их сейчас же уведомили, что посольства располагают большим количеством информационного материала, которым они могут пользоваться. Английское посольство предлагало готовые отпечатанные отчеты о советской культуре, просвещении и других сторонах

жизни СССР; посольство США тоже порадовало американских корреспондентов отчетами, составленными с целью доказательства той истины, что «край советского государства неизбежен».

За всю свою журналистскую деятельность я не встречал примеров столь трогательного сотрудничества официальных представителей правительства с газетными корреспондентами. Американские журналисты в Москве, главным образом, занимались тем, что переписывали посольские отчеты. Поль Уорд, корреспондент «Балтимор Сан», именно из этого источника почерпнул почти весь материал для своего цикла статей об СССР. За меткость своих «наблюдений» о Советском Союзе он получил в 1947 г. пулитцеровскую премию, считающуюся в западном мире высшей наградой. Представитель журнала «Тайм», Сэм Уэллс, специально затянув свое пребывание в Москве, чтобы закончить переписывание посольских отчетов в свой блокнот. Год спустя вышла его книжка о Советском Союзе, в которой глава о просвещении в СССР целиком построена на материалах английского посольства, и эта книжка была разрекламирована как результат «личного изучения» автором условий жизни в Советской России!

Но рекорд фальсификации побил французский корреспондент Падовани, описывавший русский быт якобы со слов некой русской девушки по имени... Миша!

Вестибюль гостиницы «Москва» во время Московской сессии совета министров служил местом сборищ иностранных делегатов и гостей. Спесивые чины американской военной полиции в белых касках, кучки суетливых корреспондентов с блокнотами в руках, старательно записывающих каждое слово официальных представителей Форейн оффис, американские генералы, втихомолку поругивающие русских в беседе с молодыми адъютантами, английские машинистки, обрадованные перспективой впервые в жизни увидеть русский балет, чикагский журналист, громко хвастающий «первосортным» материалом для статьи, который дало ему посещение вытрезвителя, и его коллега-француз, возмущенный тем, что, когда он стоял на площади Дзержинского с картой в одной руке и фотоаппаратом в другой, к нему подошел милиционер и потребовал документы.

В те дни, возвращаясь домой из гостиницы «Москва»,

я спрашивал себя: почему эти люди упорно не хотят объективно информировать общественное мнение о Советском Союзе? Почему дипломатический обозреватель «Дэйли телеграф» Эшли предпочитает шлепать по грязи в мартовскую оттепель, чтобы потом оплакивать какой-нибудь разваливающийся обломок Московской Руси в тихом арбатском переулочке, а не едет полюбоваться новыми многоэтажными домами на Калужском шоссе? Откуда взялось убеждение, что если люди не заняты исключительно своими нарядами, значит, они не восприимчивы к культуре, что девушка, которая водит троллейбус, неспособна к любви и романтике, что люди, мечтающие о строительстве новых заводов в своей стране и радостно следящие за успехами народно-освободительных войск в Китае, не могут, надев новые туфли, с увлечением носиться вальс?

Было время, когда некоторые из этих людей готовы были видеть в Советском Союзе «интересный эксперимент» «временного гостя» на земле, но испугались, когда этот гость выразил намерение остаться навсегда. Они успокаивали тайную тревогу, которую внушал им советский коммунизм, соображением, что это эксперимент, возможный лишь на русской почве; но то, что они увидели в Москве Первого мая, окончательно убедило их, что на Красную площадь устремлены взоры рабочих всего мира. И от этого им стало так страшно, что они, спрятав в карман свою «объективность», стали еще более ревностно служить своим хозяевам.

Десять недель, проведенные в Москве, ясно показали необходимость сделать выбор: или вместе с Советским Союзом трудиться над созданием новой демократической Германии, или держать курс на превращение Германии в орудие агрессии против всего, что есть живого и прогрессивного в Европе, во всем мире.

Оправдываясь неудачей московской конференции, западные державы усиленными темпами стали осуществлять свои планы развития Западной Германии в духе, прямо противоположном решениям Ялты и Потсдама. Это можно было предвидеть по некоторым замечаниям Бевина на приеме корреспондентов в Москве в апреле 1947 г. перед отъездом делегаций. Было совершенно очевидно, что для него московская конференция послужила лишь новым поводом к нарушению обязательств, торже-

ственno взятых в Потсдаме. На протяжении всей своей карьеры тредионистского лидера Бевин придерживался принципа: «с коммунистами работать нельзя» и, сделавшись министром иностранных дел, остался верным этому принципу. И Бевин даже не трудился скрыть свое удовлетворение по поводу того, что Московская сессия совета министров иностранных дел развязывала ему руки для новых односторонних действий в Западной Германии.

Естественным развитием позиции, занятой англо-американцами в Москве, явился тот роковой день, когда мир узнал о том, что в Руре снова пришли к власти гитлеровские военачальники.

Конечно, немецкие промышленники и финансисты, вновь всплывающие после временной опалы, служат лишь ширмой для настоящих хозяев Рура, представителей англо-американского капитала, таких, как И. Стил, вице-президент компании «Фрик-кокс», одного из крупнейших угольных концернов в США, как его помощник Маршалл из Питтсбургской «Кол консолидэйтед компани». Немецкие промышленники пробираются теперь снова к власти с разрешения генерала Клея, который сказал, что «если устраниТЬ тех, кто наживался в годы гитлеризма, придется устраниТЬ всех способных и деловых людей».

... Все больше сгущается туман, нависший над Руром в атмосфере политического цинизма и возрождающегося германского национализма, порожденного преступным забвением потсдамских принципов. И это должно напоминать германскому народу, что он живет на поле первого сражения будущей войны, предотвратить которую могут лишь объединенные силы всех демократов мира.

Г л а в а IX

ЗА ОКНАМИ ПОСОЛЬСТВА

Каждый, кто побывал в Москве, видел, конечно, ее старинные красивые особняки. В некоторых из них расположились иностранные посольства и миссии. Здесь находятся представители чуть ли не всех стран мира,— показатель той важнейшей роли, которую играет СССР в международных делах.

Обстановка во всех посольствах приблизительно одинаковая: безмолвные и важные слуги встречают вас в вестибюле, откуда широкая лестница ведет в приемные, сверкающие позолотой, убранные мебелью, более или менее выдержанной в стиле Людовика XVI, толстыми коврами и портретами королей, президентов, шахов. В кабинете посла — громадный письменный стол, глубокие кожаные кресла, фотографии иностранных государственных деятелей с их автографами. Здесь сверкают серебро и бронза, здесь царит атмосфера не только роскоши и комфорта, но и какой-то обезличенности: все напоминает посетителю о том, что в массивном кресле за столом раньше сидели другие люди, что и этот, сидящий в нем сейчас лысый дипломат — только временный хозяин, такая же перелетная птица.

Английское посольство, которое помещается на Софийской набережной, не является исключением. Из вестибюля с дубовыми панелями в стиле английской усадьбы (как ее представляют себе московские мебельщики) массивные двери ведут в кабинет посла (где вы увидите портреты членов английского королевского дома, умерших и живых, во всех регалиях), в канцелярию, где люди разговаривают только шепотом, в библиотеку, где советник посольства, главный собиратель всей информации о жизни Советского Союза, может предаваться размышлению, любуясь великолепным видом на Кремль.

Но это, так сказать, фасад посольства. Если же вы хотите увидеть бурную деятельность современной англий-

ской дипломатии, напоминающую по своим темпам процветающее коммерческое предприятие, вам следует заглянуть на «задний двор» — в тесные маленькие комнаты во флигеле или в домах посольства на улице Калинина и улице Боровского.

Здесь вы не увидите ни дорогих ковров, ни почтительных лакеев, ни массивной мебели. В канцеляриях, в архивах, в конторах, где работают атташе, непрерывно трещат пишущие машинки, освещенные ярким светом настольных ламп, по коридорам с бумагами в руках озабоченно снуют молодые секретари, все углы загромождены какими-то ящиками, мешками, кожаными сумками дипкурьеров — красными, синими, черными.

Что же происходит в особняке на Софийской набережной? Чем занимаются английские дипломаты, отправляющие в Лондон шифрованные донесения по радио или через королевских курьеров, которые два раза в неделю ездят из Москвы в Англию и обратно? А главное — какова политика английского правительства, которую его дипломаты обязаны проводить в СССР? Чтобы лучше за ней проследить, следует побывать прежде всего в Лондоне, столице Британской империи.

Политика английской дипломатии определяется английским кабинетом министров, заседающим в трехэтажном закопченом кирпичном доме на Доунинг-Стрит, официальной резиденции премьера. Но практически отношения английского правительства с правительствами других стран намечает и проводит в жизнь Форейн оффис, здание которого находится на противоположной стороне этой же узкой улицы.

На втором этаже Форейн оффис, куда ведет лестница, выложенная разноцветным мрамором и украшенная статуями английских государственных деятелей прошлого, находится кабинет м-ра Эрнеста Бевина, министра иностранных дел Англии. Кабинет имеет внушительный вид, он оклеен светлыми обоями — золотые звезды на зеленом фоне, — и когда м-ра Бевина в кабинете нет, то внимание посетителя прежде всего привлекает портрет Георга III, монарха, которого англичане обвиняли в неправильной политике, приведшей Англию к потере ее американской колонии.

В Форейн оффис с его душными старомодными комнатами, высокими сводчатыми коридорами и каминами,

напоминающими мавзолеи, сидят вот уже много лет одни и те же люди. Состав сотрудников при всех правительствах не меняется, если не считать нормальных перемещений в связи с продвижением по службе. Кстати сказать, при продвижении здесь принимаются во внимание, главным образом, не заслуги человека, а долголетняя служба.

Штат Форейн оффис состоит из людей, получивших специальную дипломатическую подготовку. Все это — воспитанники самых привилегированных школ и университетов, люди, на которых, несмотря на все их уверения в «совершенной аполитичности», министерство может рассчитывать как на абсолютно преданных защитников интересов английских капиталистов. Именно эти люди проводили и проводят в дипломатии политику, направленную против интересов широких народных масс Англии.

Во время выборов 1945 года, благодаря которым Бевин получил портфель министра иностранных дел, английский народ рассчитывал на изменение этой политики; он думал, что новые люди будут проводить новую политику, на основе дружеских взаимоотношений с Россией.

Народ Англии избрал лейбористское правительство для того, чтобы оно проводило такую внешнюю политику, какую обещала программа лейбористской партии, озаглавленная — «Взглянем в будущее», а также обнародованный в декабре 1944 года проект послевоенного урегулирования международных отношений.

Лидеры лейбористской партии, когда их избирали, обязались сотрудничать с Советским Союзом и странами Восточной Европы. Выполнение лейбористами этого обязательства было бы залогом мира в Европе и повышения благосостояния народных масс Англии.

Но не прошло и нескольких недель после прихода к власти лейбористов, как стало ясно, что они изменили своей предвыборной программе и обманули надежды миллионов людей, объединившись в проведении внешней политики с консерваторами.

Все осталось прежним в Форейн оффис — и его политика, и люди, которые проводят эту политику.

Рассказывают, что как-то раз Бевину сказали, что сейчас, когда у власти стоит правительство, обещавшее проводить новую внешнюю политику, следовало бы пересмотреть личный состав Форейн оффис. На это Бевин

ответил: «Единственное, что я могу сказать против нынешнего состава сотрудников Форейн оффис, — это то, что их слишком мало и им слишком мало платят».

Это заступничество Бевина за работников Форейн оффис уже тогда было показателем того, что лейбористское правительство решило продолжать прежнюю внешнюю политику Англии.

Бевин, как известно, славится своей грубостью и нахальством. Однако эту свойственную ему наглость он проявляет только в отношении тех, кто критикует его в партии и в прессе.

Что же касается людей, от которых зависит его карьера, то с ними Бевин сразу становится английским джентльменом. Этим же объясняется и то, что Бевин не только не сменил старый прогнивший аппарат Форейн оффис, но, наоборот, всячески его поддерживает.

Чем более «самостоятельным» казался Бевин на публичных митингах, тем больше он подпадал под влияние своих советчиков. Поэтому не следует удивляться тому, что человек, назначение которого вызвало сперва недовольство в Форейн оффис, сумел стать там настолько популярным, что старые сотрудники Форейн оффис охотно и преданно ему служат.

Принятый лейбористским правительством принцип преемственности внешней политики объясняется тем, что лейбористы, как и консерваторы, подчиняют свою политику интересам американских монополистов, нисколько не заботясь об интересах английского народа. Этот принцип проведения проамериканской и антисоветской политики помог вновь выйти на арену политическим деятелям, скомпрометировавшим себя в годы «умиротворения».

С появлением Бевина в Форейн оффис опять выступила на сцену «старая гвардия» — такие люди, как сэр Айрон Кирпатрик (ближайший советник сэра Невиля Гендерсона, посла Англии в Берлине), который в 1945 году был назначен директором отдела пропаганды для заграницы, сэр Уильям Стрэнг, прежде возглавлявший отделы Форейн оффис, которые в период «умиротворения» занимались Советским Союзом и Германией.

Когда к власти пришли лейбористы, сэр Уильям Стрэнг стал политическим советником сначала фельдмаршала Монтгомери, затем генерала Робертсона в английской Контрольной комиссии в Берлине, а в 1949 году полу-

чил повышение — занял пост постоянного заместителя министра иностранных дел Англии. Поклонники Стрэнга уверяли, что он человек «истинно аполитичный», а это в Англии означает «верный служака», который с одинаковым усердием готов проводить любую политику. Однако в действительности Стрэнг, как и все старые английские дипломаты, был по-настоящему предан только той политике, которая выражалась идеей: хотя лейбористское правительство, может быть, и избрано голосами рабочих, оно должно быть благоразумным и вовсе не питать иллюзий, будто его уполномочили улучшать отношения с СССР.

Итак, приход к власти лейбористской партии не вызвал никаких перемен во внешней политике Англии и в личном составе Форейн оффис, который проводит эту политику. Новое правительство лишь стало искать новые способы проведения той же политики. Прежде всего это касается различных «секций» и «отделов», созданных в военные годы для разведывательной деятельности.

Во время войны был создан целый ряд организаций, большей частью секретных, основной целью которых было расширить сеть своих агентов в других странах. Английское министерство иностранных дел восстановило так называемый «Пид» — отдел политической разведки, функционировавший во время первой мировой войны. Во главе его был поставлен Рекс Липер, который впоследствии, в период кампании против греческих патриотов в 1944 году, был английским послом в Греции. «Пид» проводил тайную разведку во всех странах, которые уже участвовали или по всем данным должны были рано или поздно принять участие в войне. В 1939 г. руководителем русского отдела «Пид» был назначен Брюс Локкарт, известный тем, что, находясь в 1918 г. в России, он вместе с генеральными консулами США и Франции организовал реакционный заговор, названный «заговором дипломатов». Впоследствии Локкарт был назначен начальником отдела разведки в Восточной Европе и на Балканах.

В помощь отделу политической разведки, «Пид», был создан еще специальный «исследовательский» отдел, возглавляемый профессором Тойнби. Штат его был набран большей частью из членов Королевского института международных отношений (Чэтэм-Хауз), где под маской «научной объективности» много лет собирали клеветнический антисоветский материал.

Сторонники Мюнхенского соглашения, в частности сэр Сэмюэль Хор, задавали тон и в министерстве информации, ведавшем пропагандой в союзных и нейтральных странах. Когда к власти пришел Черчилль, во главе этого министерства был поставлен Брэнден Брэжен, который стал политическим деятелем после весьма успешной карьеры в торговой газете в Сити.

Пропагандой во вражеских и оккупированных врагом странах ведал сугубо секретный отдел, помещающийся в Уоберн-Эбби, усадьбе герцога Бедфордского. Здесь работала большая группа мужчин и женщин из самых разных слоев населения: бизнесмены, журналисты, школьные учителя, агенты по сбору объявлений, биржевые маклеры, ученые-психологи. Работали они в тесном контакте с находившимися в Англии эмигрантскими правительствами, так как каждое из этих правительств имело свою собственную разведку. Секретный отдел в Уоберн-Эбби в 1940 году был подчинен Хью Далтону, министру военного снабжения, в то время как фактическим руководителем отдела оставался Рекс Липер.

В этом отделе имелась особо секретная военная секция, работа которой была связана со снабжением армий. Она же посыпала агентов туда, где существовало движение сопротивления. Об организации этой секции рассказывают следующее. Вскоре после того, как Черчилль занял свой пост, он решил, что нужно использовать в своих целях движение сопротивления в Европе. Он сказал Эттли по телефону: «Послушайте, Эттли, нам придется помочь поднять революцию в Европе. Это ведь по вашей части, поскольку вы лейборист. Не посоветуете ли, кому из министров поручить это дело?» И Эттли, зная, как Хью Далтону хочется сделать карьеру в области внешней политики, предложил передать новую организацию в ведение министерства военного снабжения, во главе которого стоял тогда Далтон.

Все эти разведывательные организации снабжали министерство иностранных дел и военное министерство обширной информацией.

Уже в 1943 году шли разговоры о том, что, когда все придет в норму, необходимо реорганизовать английское дипломатическое ведомство. Были в Англии люди, которые, учитывая позорный провал предвоенных дипломатических отношений Англии с Восточной Европой и Бал-

канскими странами, говорили, что в будущем министерству иностранных дел следует лучше знать, что думают и чувствуют народы, с правительствами которых ему приходится иметь дело.

Вскоре после окончания войны член парламента и в прошлом лектор Оксфордского университета, Ричард Кроссмэн, работавший сначала в отделе в Уоберн-Эбби, а потом находившийся в качестве политического консультанта при генерале Эйзенхауэр в Северной Африке и Париже, писал:

«Какой должен быть следующий шаг? Мы видели, сколько ошибок было сделано из-за того, что департаменты министерства иностранных дел полагались на тенденциозную информацию, получаемую от наших посольств за границей. Этот недочет можно устранить, если будет создан самостоятельный отдел разведки для сбора и оценки всей нужной нам информации, политической, социальной, экономической и стратегической. Пожалуй, ныне существующая библиотека * могла бы стать основным ядром такого разведывательного отдела, но тогда ее придется сильно расширить, пополнить и пересмотреть весь ее штат. Это будет нетрудно, так как в различных организациях военного времени, обслуживавших министерство иностранных дел, имеются разведывательные секции, где прекрасно и по-новому поставлено дело».

С окончанием войны отпала надобность в различных специальных организациях разведки, которые в Лондоне в эти годы росли как грибы, и перед министерством иностранных дел встал вопрос, как бы все-таки сохранить многочисленные добавочные источники, обогащавшие сведениями его секретные папки и картотеки. Было много разговоров о том, как сделать структуру Форейн оффис более «обтекаемой», как «демократизировать» дипломатию и бороться с традиционной рутиной. Но каждый раз, когда дело шло о Советском Союзе и странах народной демократии, все эти громкие слова и благие намерения сводились к одному: как организовать там широкую надежную разведку.

* Библиотека министерства иностранных дел выполняет не только функции обычной библиотеки, но является также центром секретной информации, там хранятся архивы разведывательной службы, поэтому библиотека — наиболее тщательно охраняемый отдел МИД Великобритании. (Прим. автора.)

Много внимания было также уделено реорганизации службы информации Форейн оффис, которая выполняет двойную функцию: 1) информирует английскую прессу и радио и руководит ими, 2) снабжает все другие страны текущей информацией. К концу войны важное значение пропаганды было уже всеми признано. Дипломатия вынуждена была считаться с общественным мнением.

Рабочий класс Англии стал проявлять активный интерес к внешней политике еще со времени гражданской войны в Испании — войны, которую многие рассматривали не с точки зрения узких национальных интересов Англии, а как борьбу между фашизмом и демократией. Мы уже видели, какие глубокие симпатии к Советскому Союзу проявляли английские рабочие в военные и послевоенные годы. А Форейн оффис считало одной из главных своих послевоенных задач борьбу с этими симпатиями, ибо солидарность между рабочими Англии и Советского Союза могла помешать правительству проводить его планы.

Таким образом, было крайне важно создать такой отдел, который влиял бы на общественное мнение Англии. А так как внешняя политика правительства Эттли — Бевина — это политика антинародная, то информационному отделу Форейн оффис было предписано обманывать народ, замалчивать и исказять факты. Новая разведка должна была играть важную роль — лить воду на мельницу Эттли — Бевина.

Министерство иностранных дел усиленно старалось «исправить» то добroе мнение о Советском Союзе, которое народ Англии составил себе за годы войны. Для этого оно употребило все свое влияние на «Би-Би-Си»* и прессу, действуя через всяких неофициальных и полуофициальных советчиков. Общественное мнение Англии и Америки систематически вводится в заблуждение разными «популярными» фельетонистами и авторами сенсационных статей, черпающими свои сведения, главным образом, из официальных английских источников.

В народных массах отмечался все эти годы огромный интерес к Советскому Союзу. После войны спрос на серьезные книги о СССР увеличился, а издатели усиленно старались снабжать публику сенсационными «разоблачениями» Страны советов. Обиженные генералы, не сумевшие сделать карьеру на своей службе во время войны

* Британская радиовещательная корпорация.

в военных союзнических миссиях в Москве, бесчестные журналисты, почувствовавшие послевоенные настроения правящих кругов, подкупленные предатели, эмигранты-белогвардейцы и троцкисты, присмиревшие было в годы войны,— словом, можно было бы продолжить этот перечень писак, которые, уверяя публику, что они открывают ей «загадки России», на самом деле стремятся подорвать авторитет, который Советский Союз завоевал себе во всем мире.

Первое, что я услышал, когда приехал в Англию в 1945 году, было выступление члена парламента, лейб-риста Ричарда Стокса, который, председательствуя на собрании организации «Свободная Европа» (во главе ее стояла герцогиня Аттольская), требовал «немедленного вывода» Красной Армии из Европы к границам Советского Союза 1939 года. Радиостанции «Би-Би-Си» высказывали и разносили всякие басни с клеветой на Красную Армию.

Зажим и искажение информации о Советском Союзе были не единственным методом, который использовало министерство иностранных дел, чтобы воздвигнуть стену между Англией и Советским Союзом. Все чаще стали чинить препятствия советским гражданам, приглашенным в качестве гостей или делегатов общественными организациями Англии.

Уже на пятый месяц по окончании войны и правительство, и большинство газет встретили заговором молчания приехавшую на Всемирную конференцию демократической молодежи советскую делегацию, в которую входили люди, прославившиеся во всех областях труда. С тех пор это стало правилом.

В английском посольстве в Москве ни для кого не было секретом, что посол сэр Морис Петерсон бомбардировал письмами Форейн оффис, протестуя против того, что русским выдают визы. Только бурное выражение всеобщего негодования помешало сэру Морису Петерсону закрыть въезд в Англию группе советских женщин, приглашенных в марте 1949 года английскими женскими организациями. Почти в это же время английские власти пытались помешать советскому гостю приехать на конференцию английских педагогов. А между тем эти гости из Советского Союза приехали с одной целью — укрепить дружбу СССР с Англией.

Чтобы понять, насколько деятельность дипломатов Форейн оффис за границей шла вразрез со стремле-

ниями народа Англии к мирным и дружеским отношениям с другими миролюбивыми народами, надо поближе присмотреться к жизни и деятельности английских дипломатов в Москве. Вернемся же для этого, читатель, в старинный особняк на Софийской набережной.

Во время войны и в первые послевоенные месяцы пост английского посла в Москве занимал сэр Арчибалд Кларк Керр, сменивший сэра Страффорда Криппса в 1942 году. Сложилось всеобщее мнение, что Кларк Керр слишком склоняется перед своими американскими коллегами. В начале своей долголетней дипломатической карьеры он занимал должность английского атташе в Вашингтоне и теперь любил повторять, что те годы были счастливейшими в его жизни. Он работал тогда в тесном общении с Уолтером Липпманом (который впоследствии стал одним из ведущих американских публицистов и ярым пропагандистом идеи англо-американского мирового господства) и с Ф. Франкфуртером, ныне членом верховного суда США. Керр не скрывал своих симпатий к американцам. За последний год-два его службы в Москве в среде дипломатов ни для кого не было секретом, что Керр мечтает о переводе на пост английского посла в США. Эти симпатии Керра наиболее сильно проявлялись в отношении Джорджа Ф. Кеннана, бывшего в то время советником американского посольства в Москве при Гарримане и ставшего впоследствии одним из пропагандистов «холодной войны».

Впервые я встретил этого американского дипломата в Праге.

Кеннан, родившийся в богатой семье и получивший образование в военной академии, к моменту нашей пражской встречи уже довольно далеко продвинулся на дипломатическом поприще. В течение пятнадцати лет его перебрасывали с места на место: он побывал в Швейцарии, Германии, Риге и в Москве. Государственный департамент считал, что большую часть этого времени он проходил специальную «русскую» подготовку. Кеннан основательно изучил русский язык, литературу, историю и другие родственные дисциплины. Он был одним из первых в группе американских дипломатов, воспитанных на идее, что со временем, когда изоляционистские взгляды американской публики будут изжиты, Соединенные Штаты приберут к рукам все области международных дел.

В прекрасном, спокойном саду миссии США в Праге Кеннан лицемерно заявил мне, что он — «друг и почитатель русского народа». Он говорил, что «скучает» по лесным прогалинам и лугам Подмосковья, по катанию на коньках и игре в теннис на посольской даче, по «милым русским людям». На самом же деле Кеннан всегда смотрел на Россию как на страну, которую американцам еще предстоит завоевать и колонизировать.

Поразительно до чего уживаются почти патологическое влечение к наиболее разложившимся элементам европейского общества с удивительной жестокостью и бессердечием, плохо скрытыми под маской благодушия, что является главным свойством американских дипломатов школы Кеннана. Придя в Европу для того, чтобы грабить ее, они ханжески твердят о своей миссии и долге, который они якобы должны выполнить на «древнем континенте».

Кеннан — это тип дипломата, не в интересах которого видеть могучие живые силы Европы. Он пренебрежительно заявляет, что этот континент населен плохо управляемыми, ранодушными, морально и физически утомленными людьми, вполне готовыми подчиниться воле американской буржуазии. Он упивается лихорадочными тонами умирания, тонами осени. Свежая терпкость весны не для него. Длинные коридоры средневекового замка, по которым он бродит рядом с каким-нибудь хлипким старым графом, обладающим жидкой кровью и извращенными вкусами, бесконечные разговоры с бывшим адъютантом Юденича — вот мир, где Кеннан чувствует себя хорошо. В Америке он обзавелся выстроенным каким-то украинским эмигрантом загородным домом — точной копией старорусской помещичьей усадьбы. Здесь, поработав над планами окружения Советского Союза военными базами Соединенных Штатов, он может хотя бы в мечтах представлять себя русским помещиком.

Объявление Советскому Союзу «холодной войны» произошло тогда, когда Советская Армия еще вела жестокую борьбу с гитлеровскими ордами. Фронт на Одере еще не был прорван, Будапешт оставался еще в руках немцев, а Рур не был занят армией Эйзенхауэра. Но уже было ясно, что победит СССР, и вот представитель Государственного департамента в Советском Союзе Кеннан уже говорит о новой войне. Жертвой ее должны стать народные массы во всем мире. С иезуитской жестокостью этот стратег

«холодной войны» и проповедник антисоветской внешней политики США рассчитывал, что советский народ придет к победе «физически и морально выдохшимся», разочарованным. В погоне за этой своей эфемерной мечтой, Кеннан доносил своему правительству, что советские люди «утратили веру в свой строй и преданность ему». Представитель нации, которая своим спасением обязана высокому мастерству советских танкистов и артиллеристов, презрительно отзывался о новых технических достижениях советской науки, о «невежественных крестьянах, которых обучили кое-как орудовать машинами». Человек, который был в Москве в священные, радостные дни победы, говорил об «усталости и унынии» советских людей, о том, что «Россия станет экономически уязвимой и в некотором смысле обессиленной державой».

Разумеется, сам Кеннан ни на одну минуту не верил в то, что писал. Я убедился в этом во время прогулки с ним как-то раз, незадолго до окончания войны. Мы шагали по боковым улицам Таганки и беседовали. Кеннан злобно отворачивался от действительной жизни Москвы, сознательно не хотел видеть всего того, что доказывало мощь советского государства и, в подтверждение своих донесений в США, указывал мне то на ветхость домов, запущенных за годы войны, то на усталые лица москвичей, так много перенесших за эти годы.

Однако он был достаточно умен, чтобы не заметить неисчерпаемый запас сил и энергии Советского Союза. Он хотел ввести в заблуждение народ Америки, помочь своим хозяевам в Государственном департаменте поднять дух агрессии в растерявшемся и одряхлевшем капиталистическом мире; он уверял, что от Америки «зависит жизнь или смерть СССР», что она может «довести до высочайшего предела давление на политику советской власти», «нажать на Кремль» и так далее, и так далее. Все это Кеннан писал в своем докладе, который двумя годами позже был напечатан в одном американском журнале за скромной подписью «Х».

Словом, Кеннан был первым и в некоторых отношениях самым влиятельным агентом американских поджигателей войны. Ему следовало бы поставить памятники на тех сотнях военных баз, которые имеет Америка по всему свету.

И вот перед этим человеком, со звериной ненавистью

не только к Советскому Союзу, но и ко всему демократическому человечеству, перед этим «стратегом» преступной «холодной войны» английский посол в Москве сэр Арчибалд Кларк Керр подобострастно гнул спину.

В течение всех военных лет можно было наблюдать, как английское посольство все больше и больше подчинялось посольству США. Всякому англичанину, убежденному, что дальнейшая независимость его родины в международных делах в первую очередь зависит от той позиции, которую Англия займет в отношении США, тягостно было наблюдать преклонение английских дипломатов в Москве перед их американскими коллегами.

Один инцидент ярко продемонстрировал мне отношения, существующие между обоими посольствами. Я написал в представляемые мною газеты о том, что советский народ возмущен необоснованным обвинением американского посла адмирала Стэнли, будто Советское правительство намеренно скрывает от населения, что Советский Союз получает продукты по ленд-лизу из Америки.

Сэр Арчибалд Кларк Керр счел нужным принести за меня письменные извинения Стэнли, причем меня поставил об этом в известность уже после того, как письмо было послано. Повидимому, американцев следовало безоговорочно считать безупречными.

«Удивляюсь, как это вы решаетесь здесь показываться», — заметил сэр Арчибалд, когда мы с ним встретились немного спустя в американском посольстве.

Когда послом Соединенных Штатов был назначен Аверелл Гарриман, позиция смиренного послушания, занятая британским посольством, выявила еще более ярко.

Правда, в дипломатических кругах ходили упорные слухи, что Кларка Керра, как старшего и более опытного дипломата, отнюдь не радовала второстепенная роль, которую ему предлагали играть; но, съездив в Англию и проконсультировавшись с английским правительством, он стал так подчеркнуто выражать свое уважение к своему американскому послу, что эти слухи сразу прекратились.

Корреспондентам английских газет в Москве гораздо труднее было получить доступ к британскому послу, чем американским журналистам.

Более того, одно время существовало соглашение, по которому английские корреспонденты пользовались

правом присутствовать на пресс-конференциях Гарримана, а для американцев в свою очередь были открыты двери английского посольства. Такое положение устраивало обе стороны, однако в скором времени доступ англичанским корреспондентам в американское посольство был прекращен, а когда они, пытаясь восстановить справедливость, потребовали, чтобы и американцев не допускали в английское посольство, — им заявили, что «это было бы небудобно».

Таким образом, в дипломатическом корпусе ведущую роль играли американцы, особенно если это были люди, называвшие себя «специалистами по Советскому Союзу» — как Джордж Кеннан и Дюбрю. Американцы заняли место, прежде принадлежавшее немецким дипломатам. Подобно тому, как мягкоречивый миллионер Гарриман, магнат судостроительной, авиационной и железнодорожной промышленности, финансист и бывший концессионер Чиатурских марганцево-рудных разработок в Грузии, человек с лицом преступника, оплачивающего шантаж, чтобы спасти от разоблачений, вечно сутуляющийся, словно от страха перед близким — подобно тому, как этот Гарриман командовал шотландским дворянином Кларком Керром, так и позже в трио Кеннан — Робертс — Шарпантье первую скрипку играл не француз и не англичанин, а американец. Начиная с 1944 года, почти каждый дипломатический демарш по адресу Советского Союза согласуется между тремя посольствами, причем решающий голос всегда принадлежит американцам.

Американские дипломаты даже не пытались скрыть своих антисоветских настроений. Многие из них совершенно откровенно выражали надежду увидеть вступление немецких войск в Москву. Посольство США, кстати сказать, было единственным, которое имело точно выработанную инструкцию на случай поражения русских. Когда в октябре 1941 года дипломатический корпус за несколько часов должен был собраться и выехать из Москвы в Куйбышев, выяснилось, что посольство США давно уже сделало все необходимые приготовления к переезду, вплоть до того, что были наняты три повара и собрано огромное количество продуктов. Часть же персонала посольства осталась в Москве, получив предписание, как вести себя во время предполагаемой немецкой оккупации советской столицы.

После нападения японцев на Пирл Харбор многие американские дипломаты утратили всякий интерес к русскому фронту и, не стесняясь, высказывали надежду, что поставки, обещанные России, пойдут теперь на Тихий океан. Единственным своим врагом они считали японцев. Те самые американские дипломаты и военные, которые с жаром утверждали, что советские сообщения о немецких зверствах — вымысел, «чистая пропаганда», а образ немецкого захватчика на советских плакатах — «нелепое преувеличение», теперь подняли крик, называя японцев «неполноценными» людьми, которых надо стереть с лица земли.

Американцы были очень довольны прислужничеством Кларка Керра — настолько довольны, что группа влиятельных американских журналистов, находившихся в Москве, начала агитацию за то, чтобы он был назначен британским послом в Вашингтоне.

В конце концов сэр Арчибалльд дождался осуществления своей мечты: он был назначен британским послом в США после войны, когда лейбористскому правительству понадобился подходящий человек, для того чтобы представлять в США Великобританию, отказавшуюся от своей независимости.

В 1946 году в Москву на место сэра Арчибалльда Кларка Керра был назначен сэр Морис Петерсон, дипломат старой школы, карьера которого, как говорили, близилась к концу. Если английские журналисты могли, и вполне резонно, жаловаться на то, что Кларк Керр беседует только с их американскими коллегами, то про его преемника справедливо было бы сказать, что он совсем ни с кем не беседовал. Он был по крайней мере «беспристрасен» и решительно ни с кем не делился своей государственной мудростью.

Дипломатическим кругам трехлетнее пребывание Петерсона на московском посту памятно, главным образом, по знаменитой «чашке чая» на Софийской набережной. Вот что произошло за этой «чашкой чая».

Как-то раз зимним вечером прохожие могли наблюдать, как одна машина за другой подкатывали по Софийской набережной к британскому посольству и въезжали во двор. Главы всех дипломатических миссий в Москве подымались по лестнице, проходили через темный холл в большую с позолоченными стенами приемную чрезвычайного посла его величества короля Англии.

Однако это не был обычный прием за чашкой чая. Дело в том, что в это время в Советском Союзе была объявлена денежная реформа. С момента проведения денежной реформы дипломатический корпус горел негодованием. Возврат к открытой торговле означал, что дипломаты лишаются привилегии покупать в «закрытом» магазине. Теперь они были вынуждены — подумать страшно! — сталкиваться с «местными жителями». В смелом мероприятии советского правительства, направленном на улучшение условий жизни 200 миллионов населения, они не усматривали ничего, кроме неудобств для себя.

На приеме, устроенном британским послом фактически в связи с денежной реформой, британские, французские и американские дипломаты сделали попытку убедить старшину дипломатического корпуса китайского посла Фу Бин-чана созвать собрание, чтобы обсудить возможность совместного протеста министру иностранных дел Советского Союза.

Фу Бин-chan хмыкнул. Затем он откашлялся. Затем он улыбнулся: «Будет ли удобно некоторым посольствам — я не говорю каким именно, заметьте это — выступать с подобным протестом? Разве некоторые посольства — я опять не говорю какие именно, очень прошу отметить это — не нарушили данные ими обязательства не вводить в обращение обесцененных денег?» *

Однако эта дипломатическая речь Фу Бин-чана не удовлетворила посланцев западных держав, и по предложению французского и американского поверенных в делах британский посол тут же созвал собрание.

Дипломаты уселись в круг. Можно было подумать, что они собираются играть в жмурки или какую-нибудь другую невинную детскую игру. Это впечатление усилилось, когда в самой середине круга преспокойно расположился старый пес Бриндл, закадычный друг сэра Мориса Петерсона. Пес внимательно оглядел собравшихся дипломатов, улегся и заснул. После того как хозяин прочитал проект заявления, составленного в выражениях, с которыми приличнее было бы обратиться к вождю малень-

* Речь идет о незаконном ввозе в СССР иностранными дипломатами фальшивых, а также выпущенных немцами купюр по образцу советских денег, о чем речь будет идти дальше.
(Прим. автора.)

кого племени в колониальной стране, чём к правительству великой державы, воцарилось молчание. Казалось, тут незримо присутствует дух Пальмерстона и вот-вот британская канонерка подымется по Москве-реке и бросит якорь между британским посольством и Большим Кремлевским дворцом.

— Молоко, молоко! — нарушая молчание, вскричал осанистый турецкий посол Фаик Акдур.— Уже три дня мои малютки не имеют молока! Вы должны сказать об этом в протесте.

Наконец кто-то решился напомнить одну неприятную подробность: о спекуляциях иностранных дипломатов рублем и... чаепитие на Софийской набережной закончилось в атмосфере непривычной здесь неловкости. Проект протesta даже не был поставлен на голосование.

Попытка английского посла организовать вмешательство иностранных держав в советские внутренние дела окончилась провалом, и сэр Морис Петерсон снова «ушел в себя». Только к концу пребывания в Москве этот флегматичный посол проявил некоторые признаки оживления. По примеру американского правительства, которое ограничило число виз делегатам на Конгресс в защиту мира в Нью-Йорке, сэр Морис Петерсон начал, как я уже говорил выше, бомбардировать Форейн оффис телеграммами с требованием не давать виз гражданам Советского Союза, которых приглашали в Англию прогрессивные общественные организации.

Но пусть читатель не думает, что флегматичность английского посла означала бездеятельность посольства. Как я уже говорил, у английского посольства есть два лица: на одно из них смотрит публика, а другое само смотрит на публику. В основном вся повседневная работа лежит на советниках посольства, которые должны совместно со своими коллегами-дипломатами проводить в жизнь политику Форейн оффис и постоянно держать Форейн оффис в курсе всех дел в Советском Союзе на основании имеющейся у них информации, доставляемой агентами и так называемыми экспертами. Поэтому я хочу остановиться на деятельности человека, игравшего в английском посольстве роль аккумулятора всех антисоветских настроений и клеветнических измышлений. Я говорю о нынешнем помощнике английского верховного комиссара в Индии Фрэнке Робертсе.

С 1944 по 1947 год Робертс был английским посланником в Москве и одним из самых влиятельных людей в иностранных дипломатических кругах советской столицы.

Фрэнк Робертс, подвижный и чем-то смахивающий на птицу человек, всегда элегантный, чрезвычайно работоспособный и жадно подхватывающий всякие слухи, прибыл в Москву с репутацией «восходящей звезды» в английском министерстве иностранных дел. В годы войны, когда Англия выступала в роли комиссаря Америки, пытавшейся превратить Азорские острова в свою атлантическую базу, Робертс был послан в Лиссабон, где он ловко умиротворил воинственного и подозрительного Салазара в такой момент, когда нетерпение, проявляемое военными кругами Америки, явно грозило сорвать переговоры. И Лондон и Вашингтон остались весьма довольны тем, как Робертс выполнил эту лиссабонскую миссию.

Робертс в своей работе сочетает старую и новую школу дипломатии. Он умеет быть любезным и внимательным слушателем и гостеприимным хозяином, как и его жена, знатная египтянка, дочь бывшего египетского сановника. Свою притворную «объективность» он использовал для того, чтобы возбудить к себе интерес и ловить на удочку этой «объективности» излишне доверчивых людей. Он всегда сохранял на лице улыбку, всегда был невозмутим и выдержан. Слишком осторожный и слишком честолюбивый, он тем не менее способен был откровенно и нагло доказывать «неизбежность» столкновения с Россией. Так как Робертс превосходно проводил политику своих хозяев, то он быстро делал карьеру. Бевин его ценил не менее, чем Иден, и после работы в Москве Робертс был назначен личным секретарем Бевина, а потом его перевели на более высокий пост помощника английского верховного комиссара в Индии.

В английских дипломатических кругах, где тон задавал Фрэнк Робертс, все разговоры вертелись вокруг того, что надо «выиграть время», пока Англия опять станет великой державой, способной проводить самостоятельную внешнюю политику. Робертс любил сравнивать послевоенное положение Великобритании с тем положением, в котором она оказалась после потери колоний в Америке в XVIII веке. Он говорил, что Англия должна использовать весь свой опыт и искусство дипломатии, для того чтобы выиграть время и поддерживать международные

отношения в неопределенном, неустойчивом состоянии. Другими словами, следовало, по его мнению, всячески мешать стабилизации международного положения, которая могла быть достигнута в случае дружественного согласия между СССР и США.

В таких спорах и разговорах родилась идея, что Великобритания может выжить лишь в том случае, если использует трения между Америкой и Россией и упросит Америку оказать «помощь против коммунистической агрессии»: тогда будет обеспечен приток долларов в те области, где этого требуют стратегические и экономические интересы правящего класса Англии.

Не кто иной, как Фрэнк Робертс был главным инициатором создания «Секретариата по русским делам», который должен был пополнять секретные папки Форейн оффис различного рода сведениями о Советском Союзе — политическими, экономическими, социальными и стратегическими. Робертс укрепил организационную связь между английским и американским посольствами в Москве, придумав систему объединенной картотеки для собирания сведений о видных людях Советского Союза. Он умел, когда нужно, обмануть людей своей «простотой» и бесцеремонностью и ловко выуживал сведения у сотрудников других посольств.

Робертс часто устраивал всякого рода званные вечера, так как усердно старался завязывать «самые обширные знакомства» и связи в дипломатическом корпусе.

Вот как обычно проходят эти дипломатические «коктейль партии».

В течение нескольких часов человек пятьдесят — шестьдесят стоят тесной толпой в комнате, полной табачного дыма. Шум такой, что приходится кричать, если хочешь быть услышанным. Одно неосторожное движение — и вы прольете содержимое своего стакана на мундир соседа. Бочкообразный Джордж Хилл с сигарой в зубах стоит между двумя стройными и почтительными субалтернами. Он хватает за пуговицу всякого журналиста, который оказывается вблизи, осведомляется, есть ли здесь сегодня какие-нибудь русские, и командует: «Ташите их сюда». В дверях появляется дипломат одной из латинских стран, высокий, узкоплечий мужчина, с бегающими глазами. Он напоминает гончую, которая, нюхая воздух, ищет затравленную лисицу. Такое же

выражение я замечал на лицах иностранцев, охотящихся за ценностями вещами в комиссионных магазинах Москвы. Высмотрев в толпе гостей кого ему надо, дипломат прокликается к группе, в которой стоит американский поверенный в делах, нервно кашляет и весь съеживается, когда его коллега-янки тычет его в живот, и слушает, слушает.

А вот пара американских журналистов. С наглой хвастливостью они рассказывают внимательно слушающему их английскому пресс-атташе о своих недавних «подвигах» в отделе печати советского министерства иностранных дел.

Мутноглазый офицер из британской морской миссии в Архангельске, в припадке черной меланхолии, набрасывается на напитки, которые разносят слуги, и мысленно прикидывает, сколько можно запросить за чемодан с русскими рублями, который он прячет у себя в номере под кроватью. Все вокруг пьют так, как будто им целую неделю нечем было утолить жажду.

В одном углу представители армии толкуют о балете. Этих любителей хореографии всегда можно встретить в фойе Большого театра, стоящих отдельной группой. В 1942 году их в публике называли «вторым фронтом».

В углу, несколько в тени, стоят человек шесть-семь, которые пришли сюда не столько в гости, сколько по важным делам. Среди них помощник военного атташе, посланный в Москву для того, чтобы доносить военному министерству Англии о положении в Советском Союзе. Рядом с ним стоит желчный молодой человек, секретарь английского посольства, на которого возложена специальная задача «координировать все дипломатические шаги английского и американского посольств». В настоящую минуту он ожидает курьера из США, которого нелетная погода задержала в Баку и который, наверное, везет интересные новости. В этой же компании я вижу журналиста, который слышит лучшим рассказчиком антисоветских анекдотов в Москве, а также «специалиста по русским делам», который за двенадцать лет выучил только с полдюжины русских слов и все еще, говоря о русских, называет их «туземцами». А вот ученый с кислой физиономией, изучающий историю России и считающий своим долгом не верить ничему, что пишется в советской прессе, и верить всему, что он подслушивает в трамвае.

Время от времени эти господа ныряют в толпу и вновь появляются, обсыпанные пеплом папирос, облитые вином, но зато таща кого-нибудь на боксире, и, отыскав укромный уголок, заводят беседу вполголоса.

Но вот русские гости ушли. Послы уехали на званые обеды. Атмосфера стала более непринужденной. Теперь можно вслух ругать русских. Моряка из архангельской миссии тошнит в уборной, в спальне хозяина уже идет драка, оставшиеся гости усаживаются и просматривают журналы «Лайф» и «Эсквайр». Американцы теперь всерьез принимаются за виски. Кто-то куда-то звонит по телефону...

Таковы люди, которые проводят дни, рысая по колхозным рынкам, вокзалам, бродя вокруг заводов и аэродромов, заговаривая с русскими в парках, чтобы собрать материал для донесений и сискать себе одобрение начальства, а то и повышение по службе. В поисках информаций они вскрывают и читают письма, отправляемые через дипкурьеров на родину служащими посольств и военных миссий; к ним стекается все, что их коллегам удается узнать о советской жизни от прислуки, от продавцов, от первого встречного.

Когда я вспоминаю о моих разговорах с Робертсом на этих приемах, я ясно вижу одну линию, которую он неизменно и навязчиво проводил в беседе с каждым, в ком он был так или иначе заинтересован. Эта линия шла из американского посольства и заключалась в том, чтобы внушать мысль о неизбежности войны с Советским Союзом.

Идеологическая мотивировка «неизбежности» войны, которую проповедовал Робертс и его преемник на посту английского посланника Джейфри Гариссон, была впоследствии опубликована на страницах американского журнала «Форейн аффэрс», выражавшего, как известно, политику государственного департамента США. Статья появилась под псевдонимом «Историк», за которым скрывался нынешний первый секретарь американского посольства в Москве Морган.

Эта статья была бессовестной фальсификацией учения Маркса — Ленина — Сталина по вопросу о войне.

Таким образом, в то время, когда народы всего мира были полны стремлений установить длительный и прочный мир, главный английский дипломат в Москве проповедовал

«неизбежность» вооруженного столкновения между социалистической и капиталистической системами.

Робертс, как эхо, повторял то, что слышал в американском посольстве: бывший посол США, Беделл Смит, перед отъездом из Москвы говорил представителям малых держав, в частности арабских стран, что, по его мнению, согласие между СССР и Америкой никогда не будет достигнуто. Это был способ откровенного запугивания «младших коллег» вроде того, который неудачно применил представитель государственного департамента Хью Каммингс против шведов, когда США пытались заставить их подписать под Атлантическим пактом. Разумеется, американские поджигатели войны, доказывая ее «неизбежность», стремятся этим оправдать и несоразмерно огромное вооружение своей страны, и отказ от денацификации Германии, и новую милитаризацию Японии, и постройку Америкой военных баз в чужих странах, и превращение США в военно-полицейское государство. Проповедуя «неизбежность» войны, дипломаты США и Англии перетягивают малые страны в англо-американский реакционный лагерь.

Военная истерия, которую американцы с помощью Робертса разжигали внутри московского дипломатического корпуса, в конце концов почти превратилась в трагикомический фарс.

Как-то раз апрельской ночью секретарь бразильского посольства проснулся от грохота танков, проходивших мимо его особняка на репетицию первомайского парада. Секретарь помчался на телеграф и телеграфировал своему правительству, что через советскую столицу проходят крупные вооруженные силы, направляясь на запад.

Бельгийский военный атташе, заподозрив, что в его комнате спрятан какой-то взрывчатый снаряд смертоносной силы, в состоянии острого нервного расстройства стал срывать трубы в ванной.

Как типичный представитель английской буржуазной дипломатии, Робертс боялся силы Советского Союза, непрерывно возраставшей во время войны, и поэтому всячески пытался принизить успехи СССР в глазах населения Англии. Особенно это касается советского пятилетнего плана. Он настойчиво распространял выдумку о том, что пятилетка Советского Союза является не чем иным, как планом нового вооружения. Эта его версия разносилась

потом по всей Англии печатью, тесно связанной с Форейн оффис. Зимой 1946/47 года в дипломатическом корпусе в Москве повторялась выдуманная американцами версия, будто бы засуха 1946 года неизбежно вызовет серьезный экономический кризис в Советском Союзе, и этот злонамеренный слух был использован для того, чтобы помешать нормальной торговле некоторых стран с Советским Союзом.

Воздействие на английское общественное мнение с целью скрыть или исказить правду о Советском Союзе является одной из основных задач английских дипломатов в Москве. Робертс проявил в этом отношении большую ловкость. Он старательно выискивал «темные пятна» в жизни Советского Союза, используя для «доказательств» критические статьи, которые публикует советская пресса. Робертс требовал, чтобы сотрудники посольства, проводившие отпуск в Советском Союзе, писали ему самые подробные сообщения и отчеты обо всем виденном и слышанном. И если отыскивалось что-нибудь «подходящее» для того, чтобы бросить тень на советский строй, можно было быть уверенным, что такое сообщение быстро найдет себе дорогу в газеты через отдел печати Форейн оффис. Очень часто Робертс давал специальные задания. Так его «эксперты по русским делам» получали задание «найти» в закавказской и среднеазиатской печати доказательства злоупотреблений «Положением о колхозах», отыскать или придумать примеры проявлений национализма в Западной Украине.

Кто же такие эти «эксперты по советским делам» и что они делают?

Основной организацией, поставляющей «экспертов», является «Секретариат по русским делам» английского министерства иностранных дел, созданный еще во время войны. Вскоре после войны один молодой английский дипломат, Адам Уотсон, немало приложивший сил для организации координации работы английского и американского посольств в Москве по сбору сведений о СССР, говорил мне, что «Секретариат по русским делам» был создан для подготовки кадров молодых специалистов по делам Советского Союза и славянских стран, наподобие тех, какие имелись в государственном департаменте США. По словам Уотсона, этот «Русский» или «Славянский» секретариат уже имел своих представителей в Москве.

и почти во всех столицах Восточной Европы, а также в Хельсинки и Южной Корее. Это были специальные, освобожденные от обычных обязанностей, сотрудники посольства, занятые только сбором, сверкой и систематизацией материалов, освещавших все стороны жизни в тех странах, где они работали.

Естественно возникает вопрос: какие люди занимаются сбором информации и для чего они это делают?

Форейн оффис укомплектовал «Секретариат по русским делам» людьми, чьи взгляды, конечно, ни в какой мере не отражали послевоенного настроения английского народа, который горячо стремился к сотрудничеству и доброжелательным отношениям с Советским Союзом и странами Восточной Европы. Уже через несколько месяцев после заключения мира стало очевидным, что лейбористскому правительству нужно, чтобы эта новая разведка поставляла сведения, которые можно было бы использовать во вред Советскому Союзу, всем прогрессивным силам Европы, а также для борьбы против рабочего класса Британии. В Варшаву, например, был послан Майкл Уинч, задушевный друг немощных польских аристократов, томный сибарит, типичный образец английской дiletантствующей интеллигенции. Будапештский представитель, некий Редуорд, еще до войны славился в журналистских кругах как приверженец самых реакционных политических группировок Венгрии. Всем известно, что он служил на канонерской лодке под командованием адмирала Трубриджа, который оказал активную поддержку контрреволюционным силам Хорти в 1919 году.

В Москве дела «Русского секретариата» находились в руках Джорджа Болсовера, который почти всю войну провел в качестве сотрудника английского посольства. Болсовер приехал в Советский Союз, имея репутацию историка. Представляясь, он всегда подчеркивал, что он «не дипломат, а историк, временно находящийся на дипломатической службе». Однако он сам рассказывал мне, как манчестерские студенты, которым он читал лекции по истории Англии, однажды подвергли сомнению его авторитет, когда он критиковал Советскую Россию. И я что-то не замечал, чтобы Болсовер стремился внести коррективы в то ложное представление о Советской России, которое так долго навязывалось английским студентам. В качестве примера сошлюсь на обстоятельный

доклад о просвещении в СССР, над которым он «трудился» несколько месяцев.

В этом докладе были специально подобранные примеры с целью дискредитировать советскую систему народного образования и замалчивались достижения и преимущества этой системы, которые признаются даже самыми суровыми критиками советского строя за границей. Эта работа, как и все другие работы, проводимые «Секретариатом по русским делам», преследовала одну основную цель: скрупулезное выискивание «уязвимых мест». В ней виден не объективный исследовательский интерес, а выполнение задания Форейн оффис по контрпропаганде. А поэтому всякий, кто искренне заинтересован в улучшении англо-советских отношений, с невольным подозрением должен был отнести к попыткам Болсовера установить контакт с советскими историками и журналистами, работающими в области международных отношений.

Из числа других дипломатов, работающих на «Секретариат по русским делам», одни входили непосредственно в аппарат секретариата, а другие были лишь информаторами. Дэвид Флойд, кооптированный в состав секретариата уже после войны, работал раньше в Москве в качестве члена британской военной миссии; Джордж Грэхэм, на обязанности которого в отделе печати лежало учитьвать, как советские граждане относятся к русским передачам «Би-Би-Си», во время войны был офицером при миссии разведчика Джорджа Хилла. Флойд с подозрительной настойчивостью внушал всем, что он — человек «левых» политических взглядов. Из Москвы Флойд в 1947 году был переведен в Прагу, а позднее — в Белград. Насколько мне известно, у чехословацкого правительства не было никаких оснований считать его человеком просоветски настроенным.

Из других сотрудников британского посольства стоит упомянуть еще мисс Бренду Трипп. Она сама именовала себя «наполовину человеком науки»; неясным оставалось только, что же представляет собой другая половина. Говорили, что ее направил в СССР Британский совет (организация по культурно-просветительной связи с за границей, официально считающаяся независимой от Форейн оффис). Советские власти, впрочем, отказались принять мисс Трипп как представительницу этой организации, и она нашла себе прибежище в отделе печати посоль-

ства. У этой мисс были изысканные манеры и своеобразная кошачья грация. Ее обязанности состояли, очевидно, в установлении как можно более многочисленных связей с советскими учеными и в организации прямого обмена научными трудами между английскими и советскими учеными кругами.

Но ее расспросы о личной жизни и политических взглядах советских граждан, с которыми она знакомилась, и повышенный интерес к тем, кто когда-либо побывал или собирался побывать в Англии, выходили за рамки любезности, положенной дипломату или даже «наполовину дипломату». Когда в 1945 году группа английских ученых приехала в Советский Союз на юбилейную сессию Академии Наук, члены этой группы вполне резонно решили отклонить ее настойчивые предложения оказать им услуги в качестве секретаря-переводчика.

Вся деятельность «Секретариата по русским делам» направлена на выдумывание антисоветских базен и выуживание оборонных сведений.

Все советские граждане, которых британсское посольство почему-либо считает «проанглийски» настроенными, берутся на учет, заносятся в специальные списки по определенным рубрикам и становятся предметом постоянного наблюдения. Впрочем, эта работа не является привилегией секретариата, а входит в круг обычной деятельности посольства и пользуется самым серьезным его вниманием. Известно, что Роберт Данбар, два первых послевоенных года состоявший в качестве пресс-атташе английского посольства и редактором «Британского союзника», незадолго до своего отъезда из СССР просил одного русского знакомого помочь ему в составлении списков советских граждан со сведениями о политических убеждениях каждого и его отношении к советской власти, а также о степени его «доступности».

В силу сплоченности советского общества и в силу бдительности и высокого патриотизма советских людей тем иностранным дипломатам, которые специализировались на выискивании «слабых мест», приходилось ограничивать свою деятельность крохотной горсточкой людей. Старание, с которым сотрудники посольства выискивают эти «слабые места», можно сравнить лишь с тем, как голодная лиса обнюхивает каждую норку в надежде поживиться зазевавшейся полевой мышью. Оброненная кем-

нибудь невзначай жалоба или недовольное ворчание служит поводом для ликования всего английского посольства, и советский гражданин, который о чем-либо поговорит с иностранцем, случайно встреченным в троллейбусе или на скамейке в парке, может быть уверен, что все сказанное им будет подробно доложено послу и скорее всего пойдет, в виде доклада, в Лондон с первым же дипломатическим курьером.

Однако эти дипломатические «зондирования» почти неизменно встречают резкий отпор. Однажды в моем присутствии американский дипломат усиленно допытывался у молодого советского писателя, почему тот отказывается «поговорить с ним по душам». Тогда писатель сказал:

«Раз уж вы настаиваете, то скажу вам: потому что мне невыносимо скучно в вашем обществе. От вас я не слышу ничего нового о культуре вашей страны. Ваши друзья, по-моему, совершенно лишены чувства юмора и культурных запросов. Мой желудок не переносит вашей консервированной пищи, и я предпочитаю сигаретам «Лаки страйк» папиросы «Казбек» — они крепче. Мне противно находиться в одной комнате с людьми, которые кладут ноги на стол, и смотреть в лицо человеку, который жует резинку. Меня возмущает, когда молодые иностранные дипломаты, не читающие ни «Правды», ни «Большевика», услышав, что 7 ноября московский митрополит послал поздравление Сталину, заявляют мне, что «революция мертвала». Я не могу ответить на их вопросы о ценах на масло в Краснодаре и об условиях жизни в Челябинске. Кроме того, я не люблю людей, которые делают заметки на клочках бумаги, когда я говорю».

Какое же применение находит себе информация, столь тщательно собираемая и выискиваемая английским посольством?

В настоящее время почти вся монополия информации об СССР в Англии принадлежит дипломатическим корреспондентам, находящимся в постоянном контакте с Форейн оффис. Конечно, картина советской жизни, которая преподносится английскому народу после войны, определяется Форейн оффис. И краски тут далеко не подбираются так, чтобы способствовать установлению хотя бы нормальных взаимоотношений между Англией и СССР.

Возьмем пример. Когда коммунистическая партия и советское правительство призвали к строгому контролю над выполнением устава в колхозах и были приняты административные меры для защиты интересов колхозников— большинство английских газет, по заданию Форейн оффис, печатали искаженные и сенсационные новости о «массовой чистке советских колхозов».

Наиболее потрясающий пример того, как английские власти обманывают общественное мнение своей страны,— это их комментарии относительно отмены продовольственных карточек в Советском Союзе.

Это важное решение советской власти совпало с самым трудным моментом для английского лейбористского правительства. На третьем году мира в Англии по продовольственным и промтоварным карточкам выдавали не больше, а некоторым категориям даже меньше, чем во время войны, и качество выдаваемого ухудшилось. При том не было никаких видов на улучшение снабжения. Правительство убеждало граждан, что и в других странах Европы положение тяжелое.

Представьте же себе, с каким восторгом английское министерство иностранных дел встретило донесение своего посольства из Москвы, в котором «предсказывалось», что через каких-нибудь 6—8 месяцев все московские магазины опустеют, и сообщалось, что цены на колхозных рынках якобы поднялись вследствие отмены карточек и что «введена замаскированная форма нормирования розничной продажи, так что гражданам нет никакой пользы от отмены карточек».

Это донесение, скрепленное печатью британского посольства, было передано в «Дейли телеграф» и напечатано за подписью дипломатического корреспондента этой газеты. Его широко распространяли, передавая по радио и в Англии, и за границу, и сумели так обмануть народ, что даже полгода спустя в Англии очень мало кому было известно об отмене карточек и об изобилии продуктов в СССР.

Следующим шагом Форейн оффис по пути мистификации и обмана было создание у англичан заведомо ложного представления о жизненном уровне в СССР после войны. Спустя несколько месяцев после отмены карточной системы и проведения денежной реформы в Советском Союзе в английскую печать попали — повидимому, из экономического отдела посольства США — подтасованные цифро-

вые данные, которые должны были показать, как «много часов» приходится работать советским рабочим в различных отраслях труда, для того чтобы прокормиться при нынешних ценах. Цифры эти были напечатаны в газетах и сопоставлены со статистическими данными о положении дел в Англии, чтобы доказать, что английский рабочий живет «несравненно лучше», чем советский. Пропагандистские агентства широко использовали эту «статистику», в особенности на Среднем Востоке и в Скандинавии, но, впрочем, главной целью их было дискредитировать СССР в глазах народных масс Англии.

Но фальсификация «статистиков» из Форейн оффис слишком очевидна. Цены в Советском Союзе они берут послевоенные, а заработную плату — довоенную, не учитывая значительных повышений зарплаты, имевших место после 1940 года. Кроме того, они «упускают» тот факт, что английский рабочий платит за квартиру около трети своего заработка, на выплату прямых налогов промышленный рабочий Англии ежегодно отдает почти полуторамесячную заработную плату, кроме того, он платит много всяких косвенных налогов. Прибавьте к этому постоянную угрозу безработицы и будет ясно, что вся статистика Форейн оффис как небо от земли далека от действительности английской жизни.

В проведении антисоветской пропаганды английские власти имеют немало пособников. Весною 1949 года рабочие некоторых предприятий в Ланкашире и Иоркшире часто находили листовки в конвертах, в которых им вручали зарплату. В листовках этих описывались «ужасные» условия жизни в Советском Союзе и на них стояла печать «Экономической лиги», организации, щедро субсидируемой самыми крупными капиталистами (организация эта была создана для борьбы с социалистическим движением рабочих).

Для того чтобы был полнее виден антинародный характер «Экономической лиги», напоминаю, что одним из ее старейших членов является лорд Макгоуэн, председатель правления акционерного общества химической промышленности («Импираил кемикэл индастриз»), самого крупного промышленного предприятия во всей Британской империи. Эта фирма владеет 80 заводами, на которых работает 80 000 мужчин и женщин. Лорд Макгоуэн, который вошел в химическую промышленность через Нобе-

левский концерн производства взрывчатых веществ, до войны был членом англо-германского товарищества, известного тем, что оно организовало визиты нацистских пропагандистов в Англию. Макгоуэн был в числе гостей Гитлера на нюрнбергском «слете» и заключил деловое соглашение с германскими монополистами химической промышленности, подготовлявшими войну.

Поэтому нечего удивляться тому, что его детище — «Экономическая лига» — и поныне направляет весь яд своей клеветы на страну, где социализм стал реальностью. Текст листовок лиги, в большом количестве распространяемых предпринимателями, ясно показывает, что материал для них поставляет Форейн оффис.

Спрашивается, о каком взаимопонимании можно говорить при наличии той политики, которую проводит английское правительство по отношению к Советскому Союзу?

• И у меня все более складывалось убеждение: чем скорее английские рабочие поймут, что извращенная информация о жизни в СССР, которую им подносят их правители, — это часть реакционной кампании, направленной не только против СССР, но и против интересов английских рабочих, что эта кампания имеет целью одурманиить и обезоружить трудящихся, заставить примириться с лишениями, ослабить их волю к борьбе за лучшие условия жизни, — чем скорее английские рабочие поймут это, тем скорее наступит день, когда они смогут оградить свои интересы от посягательств тех, кто называет себя «рабочим правительством».

Антисоветская позиция английских и американских дипломатов как в зеркале видна и в действиях послушных им дипломатов других стран. Когда, например, сэр Морис Петерсон не явился на вокзал, чтобы встретить премьеров восточноевропейских стран, прибывших в Москву с официальной миссией, это нарушение дипломатического этикета стало предметом горячего обсуждения среди дипломатических представителей арабских и западноевропейских стран: не допустили ли они «ошибку», не последовав английскому примеру? Дипломатический тон в значительной мере задают представители великих держав, за каждым шагом которых внимательно следят их менее значительные коллеги.

Таким образом, на английском и американском посольствах лежит известная ответственность за целый ряд ин-

цидентов, в которых были замешаны дипломаты, аккредитованные в Москве.

В 1946 году Министерство иностранных дел СССР предложило одному из секретарей бразильского посольства Пинха Суаресу выехать за пределы страны ввиду того, что он учинил скандал в гостинице «Националь». В московских газетах об этом инциденте говорилось весьма сдержанно, но всем иностранцам в Москве было известно, как обстояло дело.

Пинха Суарес имел неприглядную репутацию волокиты и пьяницы. Управляющий гостиницы «Националь», где он жил, уже предупреждал его, что ни прохожие, ни милиция не склонны восхищаться его привычкой выбрасывать пустые бутылки из окна номера на тротуар улицы Горького.

Как-то вечером этот бразильский дипломат, уже изрядно пьяный, явился в кафе «Националь» в поисках дополнительной выпивки. Все столики были заняты, но он увидел свободный стул на эстраде для оркестра и попытался водрузиться на него. Директор кафе вежливо, но твердо заметил ему, что в московских кафе не принято вести себя подобным образом. На это тот ответил, что местные обычаи «не имеют значения для Пинха Суареса, бразильского дипломата, пользующегося в СССР дипломатической неприкосновенностью». И чтобы подчеркнуть свои права, он изо всех сил удариł директора кафе.

Посетители ресторана, советские граждане, не могли этогостерпеть, и с их помощью отчаянно сопротивлявшегося дипломата препроводили в его номер. Ни мало не смущаясь этим, он, однако, снова вышел, спустился в холл гостиницы и начал ломать мебель, изрыгая при этом поток оскорблений по адресу Советского Союза.

Само собой разумеется, что, добравшись до Рио-де-Жанейро, сеньор Суарес был принят там как «герой», возвратившийся с поля битвы. Там, вероятно, он продолжал произносить «речь», которую в Москве ему не удалось договорить.

О том, что деятельность других посольств в Москве была подчинена антисоветской политике англо-американцев, говорит и такой факт. В свое время в пользование французского посольства была выделена старинная римско-католическая церковь св. Людовика в Москве. Хотя большая часть прихожан состояла из советских граждан,

священники в этой церкви были исключительно иностранцы — французы или американцы. Более того, все они принадлежали к группе «специалистов по России» Ватикана, более или менее тесно связанных с орденом иезуитов.

Среди первых священников, присланных сюда через посредство французского посольства, были монсеньор Неве и монсеньор Тисран, которые впоследствии приобрели известность как директоры «восточного» отдела службы разведки Ватикана.

Бывший французский дипломат Жан Катла рассказывал, как однажды он предложил Шарпантье, в то время советнику французского посольства в Москве, заменить отца Брауна, американца по происхождению, открыто выражавшего свои симпатии к немцам во время битвы под Москвой.

«Мой друг, и не думайте об этом! — последовал ответ.— Мы ведь должны получить разрешение Рима».

Другими словами, священник церкви св. Людовика был тайным агентом Ватикана, присланным в Советский Союз при содействии французского посольства и служившим интересам Ватикана, враждебное отношение которого к Советскому Союзу хорошо известно.

Когда в 1943 г. я нанес визит отцу Брауну, он откровенно заявил, что считает себя посланцем папы в СССР.

Отца Брауна, уехавшего из Советского Союза с испорченной репутацией после того, как он в пьяном виде ударил своего слугу, заменил другой американец — отец Лаберж. Помощником его был отец Тома, француз по происхождению, служивший прежде в Югославии. Оба эти священника пользовались исключительной популярностью в кругу западных дипломатов, так как было известно, что они всемерно превозносят «американский образ жизни». Так, например, отец Тома прочитал французской колонии, собравшейся в посольстве, проповедь по случаю наступления нового 1949 года, в которой он осудил «зачинщиков забастовок» во Франции и призывал благословение божие на представителя «плана Маршалла» Давида Брюса.

О связях агентов Ватикана в СССР с темными силами реакции можно судить по такому инциденту.

После освобождения Одессы во французское посольство в Москве, возглавляемое Рожером Гарро, обратился священник, француз по происхождению, прося защиты.

После наведения справок выяснилось, что он был одним из священников из ордена иезуитов, прикомандированных к германской оккупационной армии в Восточной Европе по соглашению между Ватиканом и Риббентропом в 1941 г. У священника был паспорт, выданный правительством Виши, со штампами германских военных властей. Гарро обратился за консультацией к отцу Брауну, который немедленно ответил, что хорошо знает священника, о котором идет речь, что они вместе учились и принадлежат к одному и тому же ордену. Этого оказалось достаточно, чтобы гитлеровский агент получил содействие французского посольства в Москве.

В основе приведенного мною скандального случая с бразильским дипломатом, так же как и вообще в поведении англо-американских дипломатов в России, лежит реакционная теория «превосходства». Эти дипломатические представители мнят себя «носителями культуры» более высокой, чем культура рабочего советского государства, точно так же, как у себя на родине они считают свой класс «высшим» по отношению к рабочему классу своей страны.

У советских граждан было достаточно возможности убедиться в глубокой аморальности этих «носителей культуры». Вспомнить хотя бы спекуляции многих иностранных дипломатов советской валютой.

Оккупировав часть советской территории, немцы отпечатали и пустили в обращение фальшивые денежные знаки, большое количество которых попало тем или иным путем в руки дипломатических курьеров, направляющихся в Москву. Вопреки «джентльменскому соглашению» между дипломатическим корпусом и советскими организациями, в соответствии с которым дипломаты, пользующиеся особыми льготами при размене валюты, обязывались прекратить скупку фальшивой валюты, контрабандные рубли попрежнему покупались и обращались в ценные фотографические принадлежности, меха, антикварные вещи или же тратились на устройство роскошных пирор. Таким образом, некоторые дипломаты-спекулянты проживали суммы, в три-четыре раза превосходившие их законные доходы.

Многое из их темной практики было вскрыто денежной реформой 1947 г. в Советском Союзе. Как только пронесся слух о предстоящей реформе, самые крупные из

дипломатических спекулянтов бросились превращать деньги в имущество. Сплошь и рядом можно было видеть дипломатов, которые тащились по Столешникову переулку, нагруженные тяжелыми серебряными канделябрами, столовым серебром и фарфоровыми безделушками. Китайский посол стал скучать водку. Говорили, что он вложил в это предприятие 100 тысяч рублей. Строгая типшина коридоров гостиницы «Националь» сразу была нарушена, можно было подумать, что находишься в кулуарах биржи. В одну ночь доходы некоторых дипломатов сократились на 80%. Для многих в тот год рождество внезапно утратило свою праздничность.

Дух стяжательства, царствующий в дипломатическом корпусе, тем более безобразен, что это происходит в стране, где дипломатам предоставлены всевозможные привилегии.

Если сравнивать с условиями жизни в других странах Европы, то можно сказать, что дипломаты в России живут роскошно. Даже при карточной системе у них всегда было горючее для машин, и летом им предоставлялись дачи; они жили в просторных квартирах; пользовались привилегиями в получении железнодорожных билетов; имели все возможности интересно проводить свой досуг. Для них был установлен особый курс обмена валюты, более доходный, чем официальный.

Тем не менее многие иностранцы в Москве отнюдь не чувствуют благодарности и неустанно жалуются на бытовые условия. Эта их привычка находится в странном противоречии с тем, что они систематически посыпают домой масло, бекон, кондитерские изделия и консервы. Во время войны дипломаты буквально бомбардировали бюро обслуживания иностранцев самыми невероятными требованиями и, в зависимости от того, удовлетворялись эти требования или нет, судили о шансах Советского Союза на победу.

«Если русские,— сказал мне однажды один дипломат,— не в состоянии починить мой автомобиль, то как же они надеются побить немцев?» Это напоминало мне жалобы американского журналиста на трудности, которые ему пришлось перенести по пути из Архангельска в Куйбышев. «Этот народ не выиграет войну! Если они за неделю не могут доставить меня в Куйбышев, то как же они перебросят свои войска из Сибири в Москву?»

Наглядным примером деградации «культуры» западных дипломатов может служить антисоветский прием в канадском посольстве, состоявшийся в апреле 1948 года.

Этот прием, равный которому по бесстыдству и аморальности вряд ли можно сыскать, назывался «прием нищих» и проводился в «ознаменование» проведенной денежной реформы в Советском Союзе. В качестве главного фигляра на приеме выступал Филлипс — секретарь канадского посольства; все прочие — сотрудники посольства США, Англии и ее доминионов — старались не отставать от Филлипса в клевете на советских людей.

Пусть знают советские колхозницы, что г-жа Халтон, жена тогдашнего помощника английского военного атташе, и г-жа Моррис, жена секретаря американского посольства, изображали «советских колхозниц», для этого они надели длинные рваные юбки, повязали на головы грязные платки и ходили с протянутой за милостыней рукой...»

Так иностранные дипломаты, собравшись в канадском посольстве, издевались над народом, в чьей стране они живут и чьим гостеприимством они так широко пользуются.

В своей самоуверенной наглости иностранные дипломаты полагают, что «местное население» может испытывать по отношению к ним только чувство восхищения их «образом жизни», и когда им приходится разубеждаться в этом, они или совершенно теряются, или чаще всего приходят в бешенство. Эти люди не в состоянии понять, что рядовой советский гражданин гораздо больше стремится к образованию и больше ценит культуру, чем некоторые из них, они не в состоянии оценить, насколько сильно развито у советских граждан чувство человеческого достоинства и уважения других народов.

На своих бесчисленных вечеринках, за игрой в карты, на балах и приемах — официальных и неофициальных — бездельники-дипломаты развлекаются затхлыми антисоветскими анекдотами и распространяют чудовищно-баснословные сплетни. В их обществе можно наслушаться самых невероятных «историй», источник которых всегда надо искать в их желании хоть как-нибудь очернить советский народ. «Русские не улыбаются, они или смеются, или плачут», — объявляет м-с Колер из посольства США. Она же силится доказать, что у певцов Большого

театра «слабые» голоса из-за того, что им платят не долларами. «Нравится ли вам Пушкин?» — спросили как-то у жены весьма видного посла. «А что это такое? — открыла она глаза. — Название интригующее!»

В этом кругу рождаются антисоветские вымыслы настолько дикие и клеветнические, что непристойно их повторять. Однако сплошь и рядом эти вымыслы появляются на страницах журналов «Тайм» или «Ньюс уик», на страницах ведущих английских газет.

Всякий, кто высказывает свое одобрение достижениям Советского Союза или хоть сколько-нибудь симпатизирует мероприятиям советского правительства по поднятию культурного и материального уровня жизни в стране, не только сейчас же слышит по своему адресу ироническое замечание: «он настроен просоветски», но и рискует на всю жизнь испортить себе карьеру. Я знал случаи, когда некоторые иностранные дипломаты, чьи имена я не хочу называть, поскольку это может повредить их будущему, буквально подвергались остракизму за то, что не считали для себя возможным говорить обо всем советском в издавательском тоне, принятом в этом «обществе».

Для сотрудника английского посольства в Москве нет ничего страшнее, чем заслужить от своего начальника обвинение в «просоветских настроениях»; зато всякий, чьи установки в работе отвечают антисоветским требованиям английского правительства, может твердо рассчитывать на награду. Джордж Болсовер из «Секретариата по русским делам» после работы в Москве сразу был назначен на ответственный пост директора Лондонской школы славяноведения, а Фрэнк Робертс попал в ближайшие сотрудники Бевина. В антисоветском лагере продвигаются быстро, и ни один честолюбивый дипломат не упустит столь верного шанса на повышение.

Оголтелая ненависть к Советскому Союзу, злостное нежелание видеть огромные социальные преобразования, которые происходили и происходят в Советском Союзе, однажды уже привели мир к катастрофе. Теперь враги мира снова вступили на этот путь. Снова народам преподносится сказка о том, что Советский Союз готовит войну. Мы уже видели, как «преемственность» внешней политики Англии, продолжающееся влияние в Форейн оффис тех людей, которые привели Европу к Мюнхену, — как все это помогает девориентировать английское общество.

ственное мнение относительно мирной политики Советского Союза.

Английский народ не хочет быть ввергнутым в новую кровавую войну. Я знаю, что народ моей страны не хочет быть в зависимости от американских монополистов. Для английского народа есть только один путь к миру и независимости — это экономическое, культурное и политическое сотрудничество с Советским Союзом и странами народной демократии, так же как и со всеми другими странами мира. И английский народ имеет право требовать от своих дипломатических представителей, чтобы они проводили в своей деятельности политику сотрудничества и взаимопонимания с Советским Союзом, то есть чтобы они проводили политику, отражающую подлинные стремления английского народа.

Г л а в а X

ЗА МИР, ПРОТИВ ВОЙНЫ!

Чем больше я присматривался к английским дипломатам, тем яснее я видел в них представителей класса, к которому принадлежал сам по рождению и воспитанию, узнавал в них обитателей тех домов с респектабельными фасадами, зеленые жалюзи и плюшевые занавеси которых скрывают от постороннего глаза внутреннюю нечистотность и порочность.

Ослепленные ненавистью к Советскому Союзу, они не в состоянии увидеть и оценить ту гигантскую силу, которую советский народ, победивший в жестокой войне с фашизмом, направил сейчас на мирное строительство.

А между тем стоит выйти за порог британского посольства и пройтись по московским улицам, стоит посмотреть на советских людей не враждебным, а объективным взглядом, и перед каждымкроется новый мир, в котором живут советские люди.

Я прожил в Советском Союзе восемь лет и увидел этот мир людей, которым ясен их путь. Эти люди воевали за мир, окрыленные твердой верой в будущее. Рядом с ними я испытывал то же чувство освобождения, которое испытывал в детстве в домике Куперов, слушая боевые песни ланкаширских ткачей.

Во время войны я видел, что советские люди умеют не только переживать трудности, не падая духом, но и одерживать блестящие победы в борьбе за независимость своей страны. Теперь я вижу, что они умеют так же героически трудиться в дни мира, как они сражались в дни войны.

Выполнение грандиозной программы восстановления народного хозяйства в Советском Союзе потребовало тех же качеств, что и ведение войны: стойкости, кипучего оптимизма и высокой принципиальности.

Через несколько месяцев после окончания войны я побывал в одной украинской деревне. Демобилизованные

бойцы, участники Сталинградской битвы, вернулись сюда из Берлина на грузовиках, на бортах которых было написано: «Мы победили». Теперь они работали на полях. Это были такие же люди, каких я встречал в Сталинграде, работавшие с той же суровой решимостью, с какой они сражались, и так же веселившиеся после работы, как пели они свои песни после боя.

Я побывал в доме отдыха для рабочих под Смоленском. Та же атмосфера спокойной гордости после победы. Разрушенная немцами электростанция была снова пущена, и свет от нее получили дом отдыха и десятки колхозов, которые еще лежали в развалинах. По радио сообщили указ о награждении рабочих; некоторые из этих рабочих присутствовали тут же.

Я посетил Ленинград, и первое, что там увидел, была бригада девушек, убирающих мусор и щебень на развалинах каменного дома. Тогда в Ленинграде было несколько тысяч таких девушек, которые добровольно согласились работать, чтобы очистить улицу от обломков и разбить на этом месте детский парк. Они приходили вечером, после работы, или рано утром, или в свой выходной день. Я видел, как весело и спокойно они работали, негромко напевая и перебрасываясь шутками с соседками. Нередко к ним присоединялись прохожие. «Кто у вас распоряжается?» — спросил я женщину в шляпке, которая укладывала кирпичи в штабель. «Никто, — ответила она, — мы распоряжаемся сами». Рядом с ней грудой лежали сумки для провизии, портфели, студенческие учебники и прочие пожитки добровольцев.

Несколько позже в той части Москвы, где я живу, молодежь организовала уборку и посадку деревьев и кустарника в местном парке. В течение нескольких осенних дней они преобразили целый район. И я вспомнил бригаду девушек в Ленинграде...

Пребывание в Советском Союзе показало мне, какое прекрасное будущее обеспечено обществу, где человеческие усилия направлены к тому, чтобы всем были предоставлены равные возможности — социальные, политические и экономические.

После моих поездок в прошлом окраинные районы Советского Союза я всегда мысленно сравниваю условия жизни советского населения с тем, как живет население в колониях Британской империи. Там — ветхие дачуги

туземных кварталов, грязь, болезни, отсутствие даже начальных школ и, конечно, полное отсутствие таких учебных заведений, где местное население могло бы обучаться специальности и соперничать в этой области с белыми. Здесь — новые города и рабочие поселки с красивыми современными домами, учебные заведения — не только обычные школы-семилетки и десятилетки, но и техникумы, институты, курсы для взрослых, библиотеки, клубы, все возможности культурно проводить отдых.

Одним из признаков перевоспитания человека является новое отношение к собственности.

Отношение рядового советского гражданина к личной собственности не может не поражать приезжего из буржуазной страны. Я встречал в России людей, старавшихся заработать побольше, чтобы лучше одеться, чаще бывать в театре, покупать книги, изучать иностранные языки, заниматься музыкой и т. п. Но ни разу не замечал я у рабочего или крестьянина ни малейшего стремления приобрести средства производства, то есть приобрести капитал.

Вряд ли кто из иностранцев, посетивших Советскую Россию, не обратил внимания на то, что здесь слово «наш» употребляется в тех случаях, в каких чаще всего в других странах употребляют слово «их» или «мой». И это маленько словечко «наш» имеет огромный социальный смысл.

Один английский профсоюзный деятель, побывавший еще в 1920 году в молодом советском государстве, рассказывал мне, что во время посещения угольной шахты, в разговоре с одним из рабочих, он сделал замечание, что шахта эта досталась СССР с очень плохим техническим оборудованием. «Так-то так, но зато она наша», — отозвался рабочий. А 25 лет спустя, в городе Сталино, в Донбассе, я слушал в прекрасном исполнении оперу «Севильский цырюльник». Выходя из красивого здания оперного театра на широкую асфальтированную главную улицу, я поблагодарил сопровождавшего нас инженера и выразил свое восхищение их театром.

«Да, — ответил инженер, — театр хороший, и хорошо то, что он наш».

Когда мы приехали в Вязьму сразу же после ее освобождения, улицы еще были засыпаны развалинами зданий. С трудом пробираясь через руины, сопровождавшие нас жители рассказывали о том, что здесь было раньше.

Только и слышалось: «наш клуб», «наши мосты», «наши школы», «наш вокзал», «наши заводы». Это же слово с гордостью произносили и на берегах Днепра крестьяне из колхоза «Партизан», показывая на трехкилометровую аллею только что посаженных тополей и ясеней, окаймлявших шоссе от «нашего» колхоза до самого Киева.

В мирное время во всей Советской стране наблюдается созидательный труд, равный той стойкости, с которой народ защищал свою страну от врагов. Я считаю, что этот мощный динамический труд — такое же свидетельство патриотизма, как сама война русских с гитлеровской Германией, ибо и в том и другом случае — это борьба советских людей за свой общественный строй.

Постоянное широкое обсуждение во всех слоях населения государственных планов и программ объединяет весь советский народ в одном творческом усилии, создает чувство общности и воспитывает преданность своему коллективу.

Трудящиеся Советской страны, проходящие 1 Мая мощными колоннами по Красной площади, сверкающей алыми и золотыми красками, имеют право считать, что СССР — единственная страна, где осуществлено полное равенство людей. И когда колонны сплоченными рядами, с красными знаменами проходят мимо Мавзолея Ленина, являя собой потрясающее зрелище мощи, и гремит «ура», каждый гражданин СССР сознает, что это его, труженика, чествуют, как самое ценное в стране, ибо в его руках — великое дело человеческого прогресса.

Насколько иной прием встретили колонны лондонских рабочих, пришедшие в этом году 1 Мая в центр английской столицы! Они подняли знамена в защиту мира, а их избивали и арестовывали отряды конных полицейских!

Советский Союз воплощает в себе мечту передового человечества, и в этом смысле он интернационален. Бдительно охраняя свои достижения, Советский Союз щедр со всем миром, он делится своим опытом со всеми народами, которые хотят изучить этот опыт.

Меня воспитывали в убеждении, что советский интернационализм — это заговор. Теперь я увидел, что это — свет путеводного маяка, который горит все ярче с каждым днем.

В Советском Союзе послевоенных лет я видел, что народ горячо поддерживает мирную политику своего

правительства. Советские руководители выложили все карты на стол. Программа и отчет о деятельности правительства всегда доводятся до сведения широких масс, кстати сказать, интересующихся международными делами, как ни в одной другой стране.

Каждого объективного иностранца, попадающего в Москву, волнует и воодушевляет та атмосфера спокойной, но в тоже время бдительной уверенности, которой окружено здесь дело защиты мира. Эта атмосфера создается убеждением, что значительное укрепление лагеря сторонников мира неизмеримо увеличило шансы на предотвращение новой войны. У меня было много возможностей сравнить реакцию граждан СССР на серьезные международные события с реакцией граждан других стран, и меня нередко поражал контраст между ясной трезвостью, проявляемой советскими людьми, и панической нервозностью Запада, создаваемой поджигателями войны.

Сегодня английский читатель напрасно ищет в лондонских газетах объективные сообщения об СССР. Но ему не трудно найти всякого рода злобные статьи, направленные на то, чтобы дискредитировать Советский Союз.

В то время как обходится молчанием каждая статья о достижениях, неимоверно раздутое внимание уделяется любым недостаткам, о которых самокритично пишет советская печать.

По принципу, что новым является то, что «человек кусает собаку», а не то, что «собака кусает человека», московские корреспонденты американских и английских газет и агентств по заданию своих хозяев должны выбирать из советской прессы любые свидетельства о существовании «слабых мест».

Когда в июле месяце 1939 г. делегация английских женщин возвратилась в Англию после продолжительной поездки по Советскому Союзу, во время которой для них были открыты все двери, их в течение более двух часов подробно обо всем расспрашивали на пресс-конференции, на которой присутствовали представители многих газет. Ни в одной газете, за исключением «Дейли уоркер», не было упомянуто об этом событии. Могут спросить, присутствовали ли корреспонденты основных лондонских газет на этой конференции для того, чтобы выслушать то, что хотели сказать о Советском Союзе вернувшиеся из поездки члены делегации, или они присутствовали

потому, что надеялись поймать какое-либо случайно оброненное антисоветское замечание, которому можно будет дать огласку в прессе? Журналисты английских газет часто льют крокодиловы слезы по поводу отсутствия тесных отношений между английским и советским народами. На практике, однако, эти газеты умышленно игнорируют сообщения, которые могут помочь росту взаимного понимания между этими двумя странами.

Охотно печатаются лишь «сенсационные» сообщения, выбранные из фельетонов со страниц «Крокодила» или перечисления судебных процессов в народных судах.

У англичанина, который верит, что его родина должна сыграть почетную роль в установлении сотрудничества народов всего мира, не может не вызвать тревоги и возмущения та роль, которую играет британское правительство в осуществлении американских планов мирового господства. Англией сейчас управляют люди, обманувшие доверие, оказанное им большинством английского народа.

Политические деятели, пробравшиеся к власти на плечах рабочих, продолжают внешнеполитический курс Черчилля.

За последние несколько месяцев достаточно определилась та цена, которую английскому народу придется уплатить за политику своего правительства. Чистка государственного аппарата внешне несколько более сдержанная, но по существу не отличающаяся от деятельности американской комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, продолжает терроризировать должностных лиц, начиная от выдающихся ученых и кончая клерками Форейн оффис, выполняющими столь «секретную» работу, как надписывание адресов на ящиках виски, отправляемых английским дипломатам за границей. Вслед за государственными учреждениями частные фирмы тоже стали увольнять служащих за прогрессивные убеждения — признак, что Англия уже заразилась антикоммунистической истерией, свирепствующей в США.

Чтобы оправдать эту антисоветскую истерию, на свет извлекают все давно устаревшие сказки об «агрессивности» Советского Союза. Снова «специалисты по советским делам» предсказывают неизбежное крушение СССР и его союзников. Снова каждый ничтожный случай, действительный или вымышленный, используется в интересах

политики разрыва с Советским Союзом. Снова законные и естественные действия Советского правительства в защиту своих государственных интересов клеймятся словом «пропаганда». Какой восторженный рев поднимает капиталистическая пресса всякий раз, когда Форейн оффис или государственный департамент «устоит против попытки вовлечь его в переговоры» с Советским Союзом. Советские мирные демарши, открывающие возможности соглашения, как и прежде, не встречают отклика. Любое предложение, выдвинутое в качестве основы для переговоров, объявляется имеющим скрытые цели и отклоняется даже без рассмотрения.

Упорное и систематическое отклонение всех и всяких мирных предложений Советского Союза Англией и Соединенными Штатами есть не что иное, как выполнение плана подготовки новой войны, нашедшее яркое выражение в Северо-атлантическом пакте, как бы ни старались скрыть его агрессивный антисоветский характер.

Я вижу, что путь, на который вступила моя страна под руководством правительства Бевина — Эттли, может окончиться превращением Англии в государство, доведенное США до положения вассала, и потому я написал эту книгу. Я написал ее еще и потому, что я верю в возможность иного пути — тесного, дружеского, равноправного сотрудничества с Советским Союзом. И это есть путь к миру и процветанию Англии и ее народа.

Январь — июль
1949
г. Москва

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
<i>К читателю</i>	3
<i>Глава I</i>	
Вступление в жизнь	9
<i>Глава II</i>	
Предательство в Мюнхене	14
<i>Глава III</i>	
В оккупированной Праге	24
<i>Глава IV</i>	
Тайная дипломатия на Балканах	33
<i>Глава V</i>	
Поездка в Советский Союз	43
<i>Глава VI</i>	
В то время как Россия сражалась	53
<i>Глава VII</i>	
Народы ставят вехи	73
<i>Глава VIII</i>	
Какой будет Германия?	89
<i>Глава IX</i>	
За окнами посольства	115
<i>Глава X</i>	
За мир, против войны!	152

Редактор И. Тихомирова

Подписано к печати 6/X 1949 г.
А11895. Печ. л. 10. Уч.-изд. л. 9.
Формат 84×108^{1/2}. Тираж 50 000.
Цена 7 руб. Заказ 886.

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова Главполиграф-
издата при Совете Министров СССР.
Москва, Валовая, 28.

Цена 7 руб.

2020231358